

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

2

ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ XX СЪЕЗДУ КПСС!

Юные строители ставят ветряк. Пионерская ветроэлектростанция вступит в строй, и скоро в школе вспыхнет яркий свет.

К XX съезду Коммунистической партии ребята готовились, как и весь советский народ. Они встречают съезд хорошими пионерскими делами: радиофицируют свои школы, мастерят приемники в подарок колхозу, помогают в строительстве новых

домов в посёлках на целине, собирают металлический лом, чтобы в мартеновских печах он снова превратился в железо и сталь, заботятся о малышах, помогают старикам.

Осенью ребята сажали в подарок съезду сады. Много зазеленеет весной этих молодых пионерских садов! В одном только уральском городке Ирбите ребята посадили две тысячи деревьев.

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 2
ФЕВРАЛЬ
1956

В этом номере:

О славных делах пионерских	2
Помощники.— Рассказ Г. Дмитриева. Рисунки Ф. Лемкуля	5
Климент Ефремович Ворошилов	12
Тайны шестого материка.— Кирилл Андреев	15
Ночь в горах.— П. М. Михайлов, Герой Советского Союза. Рисунки П. Кирпичёва	19
Радист танкера «Туапсе».— Анатолий Аграновский	26
Рыжик.— Рассказ охотника. А. Ильвес. Рисунки Ф. Глебова	33
Исследователи глубин (Из записок путешественников).— Рассказы учёных А. Исаевой, Н. Зенкевича и С. Суетова. Литературная запись Е. Рубцовой	40
Баллада о мальчике, который спас Спартак.— Ф. Искандер. Рисунки В. Цельмера	49
Дерзать.— Очерк В. Вагранова. Фотографии С. Карасёва	51
Чулочки фламинго.— Сказка. Орасьо Кирога. Перевели с испанского С. Гиланов и В. Низкий. Рисунки А. Брея	58
Как король, который считал себя очень умным, был одурачен одним ловкачом.— Сказка. Вильям Сароян. Перевела с английского Н. Мендельсон	60
Рыцарь свободы.— Ю. Новикова	61
Невольничий корабль.— Генрих Гейне. Перевёл В. Левик. Рисунки А. Кокорина	63
Ученики и учителя.— В. Кречетова. Фото И. Гусева	66
Почему и отчего	68
Школа в Пецеле	70
В мире книг	72
Кляксы	74
Мастерская «Золотые руки». Металлопластика.— Художник-педагог Г. Леонов	76
Могусам.— Н. Андреев. Рисунки Е. Ведерникова	78
В часы досуга	79

На обложке:

рисунок Е. Афанасьевой
«Первое задание выполнено»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ПИОНЕРСКИХ

Партия наша, под солнцем твоим
Учимся, строим, растём и творим!

Пять тысяч трудодней

Пионеры и комсомольцы Соколовской средней школы Харьковской области по-настоящему помогли нашему колхозу. Летом и осенью ребята работали на колхозных полях. Многие пионеры были помощниками комбайнеров, весовщиками, работали на жнейках, конных граблях, зерноочистительных машинах. Юннаты школы самостоятельно вырастили высокий урожай гибридной кукурузы на площади 8,6 гектара. К колхозному добру ребята относились по-хозяйски, работали дружно, с огоньком. За лето школьники заработали больше 5 тысяч трудодней.

И. И. Колесник,
председатель колхоза «Победа Октября»,
А. Т. Яковенко,
секретарь парторганизации колхоза.

Так поступают пионеры

Мне семьдесят пять лет, и здоровье у меня слабое. Недавно стояла я во дворе около дров и думала, как уберу их на зиму. Не справиться мне с такой работой! В это время проходили мимо пионеры из школы № 11 Галя Гагарина и Боря Рогов. Узнали о моей беде и пообещали помочь.

И действительно, на другой день ребята пришли всем классом, вместе со своей учительницей. Пионеры не только сложили дрова, но ещё и крышу починили.

Ф. А. Колчанова,
г. Молотов.

Ребята из четвёртых, пятых, шестых классов 292-й московской школы с увлечением занимаются в радиокружке. Кружок руководит ученик восьмого класса комсомолец Витя Кузнецов.

Книги на целинные земли

Недавно ученики быковской железнодорожной школы № 8 отправили на целинные земли большую посылку. Ребята собрали около тысячи книг. Они приносили свои лучшие, любимые книги: Горького, Льва Толстого, Николая Островского, Чехова, Шолохова... Получилась хорошая библиотечка.

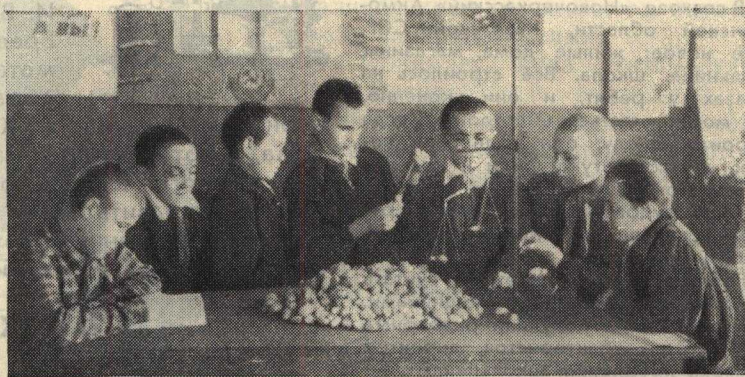
История одного опыта

Дубового китайского шелкопряда разводят у нас в Советском Союзе уже около двадцати лет. Из шёлковой нити, которую получают, разматывая коконы шелкопряда, выделяют красивую, прочную ткань — чесучу.

Юннаты зоологического кружка Омской юннатской станции захотели вырастить дубового шелкопряда у себя в Сибири.

Но в Сибири нет ни грены, ни дуба, листьями которого питаются гусеницы. И ребята решили попробовать выкормить гусениц листом берёзы бородавчатой. Её очень много в сибирских лесах.

Это было в мае. Юннаты нарежали свежих берёзовых веток, поставили их в воду и на ветки прицепили бумажные мешочки с греной, которую им прислали из Киевского института зоологии. Через день из мешочков стали выползать крошечные, меньше сантиметра длиной, гусеницы. Ребята волновались: станут ли гусеницы есть новый корм, выживут ли они? Но прошёл день, другой, третий... На ли-

Младшему звену юных зоологов было поручено взвесить коконы.

сточках появились многочисленные дырки.

— Они едят, с аппетитом едят нашу берёзу! — радовались юннаты.

Гусеницы были необыкновенно прожорливы и росли очень быстро. Через месяц они имели в длину девять — десять сантиметров и весили по тринадцать — четырнадцать граммов. На тридцать восьмой день гусеницы стали обматывать себя шёлковыми нитями, образуя коконы.

В июле из коконов вылетели большие красивые бабочки. Таких в Омске ещё никто не видел. Бабочки отложили грену. Цель юннатов была достигнута.

Этот опыт ребята повторяли четыре года подряд, но всё время в лабораторных условиях. А прошлым летом, как только окончились занятия в школе, юннаты выехали за город. Там они выращивали гусениц прямо в лесу, на ветках молодых берёзок. Опыт полностью удался.

Зелёная эстафета

Начали эту эстафету пионеры Добровлянской семилетней школы. Сначала ребята посадили вдоль шоссе, которое проходит через их село, молодые деревца акации, клёна, граба. Потом размечались о том, что хорошо бы всю дорогу от Добровлян до соседнего села превратить в громадную фруктовую аллею.

Стали собирать косточки и семечки разных плодов. Устроили на пришкольном участке большой питомник. И через год у ребят уже было несколько тысяч саженцев яблонь, груш, слив, грецких орехов, черешен, персиков.

За саженцами ухаживали старательно. В первый год персики и орехи поднялись на семьдесят сантиметров, а на второй — достигли уже более двух метров высоты.

Ребята начали высаживать деревца вдоль дороги. Метр за метром зашагала вперёд пионерская фруктовая аллея.

Пионеры соседней Бедриковской школы тоже не сидели сложа руки. Они приняли зелёную эстафету и повели аллею дальше. А им навстречу уже шли ученики других школ. И пошла пионерская аллея от села к селу!

Едешь теперь мимо сёл Бедриковцы, Касперовцы, Щитовцы, Голиграды, Винятинцы, проедешь десять, двадцать, тридцать километров, а навстречу всё бегут и бегут молодые стройные черешенки, яблонь, сливы... Границу Залещицкого района пересечёшь, смотришь, и деревца перешагнули дальше — в Борщевский район. А там пионеры поведут аллею ещё дальше — через всю Тернопольскую область.

Строители

В совхозе «Новочеркасский», Акмолинской области, Казахской ССР, всё новое: жилые дома, магазины, больница, школа. Всё строилось на глазах у ребят, и они, конечно, не могли остаться в стороне. Когда строили школу, они подносили песок, драпку, штукатурили и красили стены. Комнату для занятий по труду они оборудовали сами и своими руками сделали токарный станок для работы по дереву.

Ребят в совхозе привыкли считать настоящими, умелыми помощниками. Поэтому, когда получили разборные домики для трактористов, директор совхоза предложил школьникам:

— Хотите помочь собирать домики?

Они, конечно, с радостью согласились.

Домик должен стоять на салазках, чтобы его можно было волоком передвигать с места на место. Салазки собрали легко. А вот чтобы отобрать щиты для стен, для потолка, пола и потом установить их, скрепить болтами, пришлось немало повозиться. Хорошо ещё, что молодые строители заранее познакомились со всеми чертежами.

Ребята взяли на себя обязательство к XX съезду партии собрать четыре домика.

Пионерская тракторная колонна

Пионерский отряд имени И. В. Сталина школы № 28 города Еревана собрал 1 100 килограммов металлолома. Ребята этого отряда обратились с призывом ко всем пионерам Армении: к XX съезду партии собрать 500 тонн лома, а потом попросить Советское правительство сделать из этого металла тракторы. Целую колонну тракторов! И отправить её на целинные земли в подарок от пионеров Армении. Этот призыв поддержали пионеры других городов Армении.

В экспедиции

Летом прошлого года по заданию Московского областного краеведческого музея группа туристов, учеников 556-й московской школы, отправилась в экспедицию в Талдомский район.

В деревне Ширятино участники экспедиции обратили внимание на то, что у деревенских ребятшек какие-то необычные игрушки:

разноцветные стёклышки, керамические плитки. Оказалось, что свои «игрушки» они находят в лесу. Экспедиция заинтересовалась этим.

Один из старожилов деревни рассказал ребятам, что, по дедовским преданиям, недалеко от деревни, в лесу, среди болот, был когда-то стекольный завод. Он взялся проводить ребят к этому месту. Красивое зрелище предстало перед ребятами. Небольшой ручей, протекающий среди густого леса, играл и переливался на солнышке всеми цветами радуги. Дно ручья было усеяно стеклом и керамическими плитками различной величины и окраски.

Ребята нашли стеклянную пломбу с датой «1814 год». Так примерно определили время, когда этот завод работал. Составили план завода. Сказалось, что он был очень большим. По раскопкам определили, что завод погиб от лесного пожара.

Ребятам не удалось узнать, когда был сооружён завод, кто был его владельцем. Но открытием школьной экспедиции заинтересовался Государственный исторический музей в Москве. Летом музей пошлёт свою экспедицию, чтобы изучить историю завода.

Пионерские дозоры

Многие школьники Узбекистана вышли на борьбу с потерями хлопка. Пионеры 14-й школы Шурчинского района, Сурхандарьинской области, организовали четыре пионерских поста.

Каждый пост взял под свой контроль одну из дорог, по которой колхозники перевозят хлопок. Вдоль дорог ребята поставили ящики, чтобы каждый прохожий мог поднять и положить туда обронённые при перевозке клочки хлопка. Пионерские дозоры каждый день обходят свой участок.

Так ребята собрали и сдали на заготовительный пункт сто тридцать четыре килограмма хлопка.

ПОМОЩНИКИ

Рассказ Георгия Дмитриева

Рисунки Ф. Лемкуля.

Рано утром, когда Василь ещё сидел за завтраком, прибежал Димка.

— Идём скорей! — крикнул он с порога. — Байдалаков Жигуна купать повёл.

Хотя Димка и был на год младше Василя, он знал здесь, на заставе, всё, потому что проводил у отца, старшины-сверхсрочника, не первые каникулы. Отец же Василя приехал сюда только нынешней зимой.

Жигун — гнедой офицерский конь. До сих пор Василь видел его только мельком, на выезде со двора или через окошечко полутёмного денника.

Когда они прибежали, Байдалаков, высокий, сутуловатый, широкоскулый солдат из старослужащих, с дочерна загорелой шеей, был уже у водоёма — артезианского колодца. Черпая брезентовым ведром бурлящую воду, он окатывал ею Жигуна со всех сторон. Конь казался чёрным и нестерпимо блестел на солнце. Был он в одном недоуздке, и поэтому выглядел не одетым.

Жигун с видимым удовольствием принимал ванну в это жаркое утро.

Выплеснув несколько вёдер, коновод крепко оглаживал коня широкой ладонью; из-под неё бежала выжатая вода, стекала струйками по лоснящемуся крупу, по тугой ляжке. Повинуясь негромким окрикам, Жигун сваливал круп то влево, то вправо, тяжко чавкая копытами.

— Понимает, куда стать! — удивился Василь.

Байдалаков вылил ещё по полведра на бабки коня, потёр их, потом разогнулся, сдвинул тыльной стороной руки зелёную фуражку:

— Всё как есть понимает: передом ли, задом повернуть, стоять тихо или каким аллюром идти. Словом сказать, пограничный конь. А как же иначе?

Он вытер руку об руку, потом о гриву коня и, присев на край водоёма, потянулся за табаком. Мальчики, предчувствуя разговор, придвинулись, не замечая, что лезут в грязь.

— А смелости какой! — продолжал коновод, закурив. — Стреляя над самым ухом — глазом не моргнёт. Ночью идет — ну, куст там, камень, и человеку может померещиться, а он понимает... Хоть бы когда шарахнул: сиди на нём, как в люльке всё равно. Был такой случай...

Ребята подступили ещё ближе.

Жигун чуть скосил влажно блестящий глаз.

— А он не куснёт? — спросил Василь.

— Кого надо, и куснёт, — ответил Байдалаков, — а так без дела — нет. Был, говорю, такой случай. На нём тогда ещё старый начальник, старший лейтенант, ездил. Возвращался раз ночью с комендатуры, только спустился в балочку у седьмого поста, а какая-то бандитская личность по нём из кольта. Так что ты думаешь: Жигун в один скачок через балку и в кусты, где та личность схоронилась: рвёт, топчет, едва отняли...

Коновод докурив, встал, окинул Жигуна хозяйским взглядом.

— Конь всех статей, — сказал он гордо. — С места рытвину в три метра берёт, а с ходу — и на все пять. А как же иначе? На границе по-всякому может случиться: где замаскироваться нужно, а где на отчаянность, на быстроту дело идёт... Ну, пойдём!

Он зашагал, даже не подобрав недоуздка. Жигун сам повернул вслед, забавовал, но рова на ходу ухватить его за рукав.

Мальчики остались у водоёма. Василь надеялся на более длительный разговор. Но Байдалаков был всегда занят, даже если не уезжал с офицерами: чистил денник, прилаживал сбрую. Да и другие солдаты находили занятие в свой свободный час: один стирал, другой читал, а иной по хозяйству что-нибудь мастерил. Только они с Димкой ничего не делали.

Бегущая из водоёма полной, звонкой струёй вода прорыла себе русло, направляясь к раковой аллее, но, не дойдя до нее, без толку стекала по склону в огибающую заставу речку.

— Повернуть бы воду под ракиты, — сказал Василь, поглядывая на деревья, на вкопанный там столик, за которым бойцы любили поиграть в шашки.

— А что? — отозвался Димка. — Сделаем арык, прохладнее станет. Сейчас лопату принесу...

Но работа пошла медленно. То и дело лопата наткалась на камни.

— Тут не лопатой надо действовать, а киркой. Как же иначе? — сказал вдруг Байдалаков. Мальчики не заметили, как он вернулся и подошёл к ним. — Вон у конюшни стоит, давайте её сюда.

Он расставил ноги, разок взмахнул киркой и, приноровившись, поплевав на руки, пошёл махать — только искры сыпались из-под кирки. Арык рос на глазах.

— Байдалаков! — крикнул от склада старшина, димкин отец. — Ты отруби будешь получать, или как?

— Иду! — Заспешив, коновод бросил кирку. — Так и действуйте, — сказал он и, бухая сапогами, побежал к складу.

Димка смело взялся за кирку, не забыв и на руки поплевать. Размахнувшись, он глубоко всадил её в землю. Но, чтобы вынуть её, пришлось раскачивать и тянуть вдвоём. Потом поплевав на руки Василь. Но кирка скользнула и едва не врезалась в ногу. Кирка снова перешла к Димке. Взял он её на этот раз с опаской и долго плевал на ладони, прежде чем взмахнуть.

— Ну, расплевались, орлы! — смеясь, крикнул с крыльца молодой солдат Рябokonь. Он подошёл. — Гляди: вот этак становишься, этак заносишь и — рраз! Рраз!

Рябokonь увлёкся. Мальчики едва успевали выгребать рыхлую землю, подравнивать лопатой края. Работа шла уже под деревьями, здесь было прохладней. Оставалось прорыть до стока, может, метров пять, когда Рябokonь бросил кирку, вытер обшлагом лоб и сказал:

— Так и действуйте. Ясно?

В эту минуту вдруг ударил колокол на вышке. Пробежал дежурный по заставе с красной повязкой на рукаве.

— Что у тебя? — крикнул он, задрав голову.

— Всадник на левом фланге против седьмого поста, — донёсся сверху глуховатый голос.

— Капитан, что ли?

— Он самый, — протяжно ответил часовой.

— Папа возвращается, — сказал Василь.

Мальчики взялись было опять за кирку, но тут, возвращаясь от вышки, налетел дежурный.

— Это кто землю разворотил? Кто разрешил? — закричал он. Однако, разобравшись, смягчился: — Дело хорошее. Рябokonь! Закончи, а землю размети, чтоб порядок. Да поживей: капитан едет.

К той минуте, когда капитан соскочил со взмокшего серого в яблоках Вихря, всё было прибрано. Вода бежала по новому руслу...

* * *

Ночью Василь слышал сквозь сон, как кто-то крикнул во дворе: «Белая ракета, товарищ капитан!» Потом пробежал по балкону и скомандовал: «В ружьё!»

А когда Василь проснулся совсем, горел свет, отца в комнате не было, а мать сидела на кровати, охватив руками колени поверх простыни, и прислушивалась. Глаза у неё были большие. Василь поднял было голову с подушки.

— Спи, сынок, спи, — сказала мать, и, кажется, он опять заснул.

Но утром он сразу вспомнил всё и понял, что ночью произошло что-то очень важное. Косясь на спящего так поздно отца, он спросил у матери, уже одетой, готовящей завтрак:

— Мама, что это ночью было, скажи?

— Шпиона поймали.

— Кто?.. Как?.. Где?.. — Щеки и уши его сразу загорелись.

— Коровин задержал. А как, я уж точно не знаю.

Ответ не удовлетворил мальчика. На ходу надевая рубаху, он выскочил из комнаты и в коридоре сразу наткнулся на дежурного Гриценко.

— Правда, что Коровин шпиона поймал? — выпалил Василь.

— Проспал, брат! — поддразнил Грицен-

ко, но тут же перестал улыбаться и торжественно, чётко, видно, готовый к докладу, сказал:

— Находясь на охране государственной границы, ефрейтор Коровин в два ноль ноль обнаружил нарушителя и при попытке последнего оказать вооружённое сопротивление умелыми действиями обезоружил его и задержал.

Это звучало совсем иначе, чем у мамы: грозно и увлекательно.

— А где он, шпион?

— Где же ему быть: отконвоирован в комендатуру, — уже обыкновенным голосом сказал Гриценко.

— А Коровин?

— Спит. — Дежурный глянул на часы. — Через двадцать минут подъём на занятия.

Василь помчался в казарму, где его встретил Димка, такой же неумытый, непричёсанный и пылающий. Коровин спал себе как ни в чём не бывало. Димка шёпотом рассказал про него ещё лучше, чем Гриценко: какая была тёмная ночь, хоть глаз выколи, и как Коровин услышал издали шорох в камышах. Его напарник, молодой солдат Лисичкин, думал, что это кабаны. А Коровин сказал, что это не кабаны: те идут напролом. Солдаты скрытно поползли на звук. Коровин показал Лисичкину, где ему залечь, а сам пошёл ещё ближе. А когда шпион был уже в двух шагах, вдруг вскочил и крикнул: «Стой!» Шпион схватился за пистолет, а у него за спиной — Лисичкин и тоже закричал: «Стой!». Тут уж шпион увидел, что деваться некуда. Потом Коровин забрал у него пистолет и пустил ракету. Прибежали тревожные и забрали шпиона. Теперь Коровина сфотографируют под знаменем части, а потом, может, и медаль дадут.

Мальчики жадно вглядывались в лицо Коровина. Сейчас всё в нём, даже облупившийся от солнца нос, казалось им необыкновенным, хотя уже не раз они видели этого скромного и несловохотливого солдата,

— Так и действуйте, — сказал Рябоконь. — Ясно?

любившего посидеть в свободный час на речке с удочкой.

В эту минуту в казарму вошёл старший сержант Малиник и крикнул: «Подъём!» Он строго оглядел все койки и вдруг подошёл к Коровину, который надевал уже шаровары.

— Почему у вас, ефрейтор, грязные сапоги в казарме стоят? Немедленно почистить и больше этого не повторять!

— Есть почистить и не повторять! — сразу вытянувшись, виновато сказал Коровин, схватил сапоги и, топая большими белыми ногами, опрометью выбежал на балкон.

Мальчики, пятась, сердито поглядывая на сержанта, шмыгнули из казармы. Стараясь не глядеть один на другого, оба устремились домой.

Отец уже встал, умылся и пил чай.

— Папа! — взволнованно крикнул Ва-

силь. — Коровин — герой, а старший сержант взял разбудил его и приказал сапоги почистить.

— И правильно сделал, — спокойно сказал отец. — В казарме нельзя держать грязные сапоги.

— Он же герой! — крикнул Василь.

Отец засмеялся:

— Ну и что ж такого? Герою тем более не годится в грязных сапогах ходить.

— Но всё-таки он отличился, да? — не сдавался Василь.

— Ещё бы! — с удовольствием сказал отец. — Он действовал сегодня ночью умело и отважно. Его поступком гордится вся застава. А насчёт сапог... Немножко переволновался солдат, забыл про них, никто с него высискать не станет. Но напомнить надо было — вот и всё.

Повеселев, Василь вышел на балкон. Около двери уже крейсировал, поджидая его, Димка.

— Он всё равно герой, — сразу сказал он.

— И вся застава им гордится, — добавил Василь.

— А про сапоги забыл — и всё, — сказал ещё Димка и вдруг, вскинув брови, закричал не своим голосом. — Баяна уводят!

И оба помчались к вольерам, откуда шёл инструктор Бородин, ведя на поводке прыгающего большешапого щенка.

— Куда вы его уводите? — завопил, подбегая, Димка.

Баян мигом облапил его, потом Василя, а потом заодно и инструктора.

— Тихо! — сказал щенку Бородин. — Привыкай к порядку... В школу отдаём, учиться будет.

— Бе-едный... — протянул Димка, не замечая, что Баян лизнул его в нос.

— Значит, и вы оба бедные? — спросил инструктор, продолжая идти. — В школе ведь состоите?

Мальчики опешили, не зная, что ответить.

— Его бить будут, — нерешительно сказал Димка, следуя за Баяном.

— Это где же видано, чтобы пограничник собаку терзал? — строго спросил инструктор. — Тем более, битьём с собаки, как и с человека, много не возьмёшь.

Мальчики молча шли за ним. Всё-таки Баяна было почему-то жалко. А Бородин продолжал не спеша:

— Научитесь командам, след научитесь понимать, настоящая собака выйдет. Кто с ней заниматься будет, при том и останется на жизнь и смерть.

Мальчики вспомнили, как любит Бородин

на него Грозный, как ласкается и слушается, с каким удовольствием и Бородин иной раз балует его. Пожалуй, в самом деле особенно жалеть Баяна было ни к чему.

— А без своего дела всякому жить скучно, хотя бы и собаке, — докончил Бородин, ступая на доску, брошенную поперёк речушки.

Мальчики остались на берегу: здесь была та черта, которую им запрещено переходить. Они следили, как, балансируя, перебирается инструктор по узкой доске. Уже под самым тем берегом Баян рванул, и оба — инструктор и щенок — оступились в воду.

— Эх, мост! — сказал Бородин, обтирая сапоги травой. — Руки не доходят, некогда. А ночью тут в наряд идти вовсе не удобно. — И, свернув, скрылся за стеной зарослей.

Узенькая речка, только вокруг мостика свободная от камыша, сверкала под утренним солнцем, будто лёгкий, зыбкий лист золота. В желтоватой заводи задумчиво покачивались ленивые водоросли. Шуршал камыш. А над его розовыми метёлками плыли в знойном небе две лёгкие снежные вершины древней горы.

Василь шагнул вправо, влево, приглядываясь к чему-то в воде.

— А здесь настоящий мостик был, вон стояк посреди реки, на него ещё одну доску положить можно.

— Тут и перила есть, — сказал Димка, — только они упали в воду, и их сверху рысской затащило.

Выходило само собой, что надо чинить мостик... Через десять минут у них были уже и молоток с ножовкой и гвозди: предприимчивый Димка выпросил у отца две рейки и длинную, гибкую, как рессора, шелёвку. Ребята уже успели, выживая перильца, влезть по колена в тину и теперь сушили башмаки на солнцепёке, прикидывая, с чего начать.

Но вот над спуском со стороны заставы показалось длинное, тонкое удилице, а за ним — солдат Коровин. Мальчики перестали разговаривать, глядя на него робко и восторженно.

— Это дело — мостик, — сказал он, поморгав по своему обыкновению белыми ресницами. Потом опустил на траву удочку с ведёрцем, погладил, пощупал доску и рейки. — Жидковаты. Однако можно... Ну-ка...

Коровин взял доску, дошёл с нею до середины мостика, положил на стояк и вернулся к берегу.

— В обрез. А ну, где гвозди?

— Товарищ Коровин, расскажите, как вы...— Василь замылся.

— ...совершили геройский поступок,— закончил Димка.

Коровин поднял молоток и ловко, двумя ударами загнал в доску двухдюймовый гвоздь.

— Обыкновенно,— рассеянно сказал он.— Действовал, значит, как положено,— и всё тут... Ишь, стояк засосало! Придётся сапоги скинуть.

Он снял сапоги, поставил на сухое место. Высоко закатыв шаровары, солдат осторожно, чтобы не замочить их, подбирался к среднему стояку.

— С такими по-хорошему нельзя,— бормотал он, помаргивая, и словно бы про себя:— Руки вверх, и точка...

— И он, правда, стрелять хотел? А вам страшно было?— допытывался Димка.

Коровин вдруг как будто проснулся.

— Не в этом дело,— сказал он, стоя посреди больно блистающей ряби.— Да кто же его пропустит к нам-то?! Ну, был бы не я, а Рябokonь или ещё кто, они бы разве пропустили? Одинаково не пустили бы...— Всё-таки и сейчас было похоже, что он больше говорит не с мальчиками, а сам с собою.— Дело другое — уменье, выучка. Но и тут, если разобраться...

Коровин с ожесточением забил несколько гвоздей.

— Всё это нынче по причине старшего сержанта и вышло,— сказал он вдруг.

«Сейчас про сапоги скажет»,— подумал Василь, и стало ему от этой мысли почему-то не по себе. Димка тоже опустил глаза.

— Как пришёл я сюда на заставу, что я был?— продолжал Коровин.— Ничего как есть не знал. Ночью каждого куста боялся. Лягушка квакнет — за автомат хватаюсь. А он из меня человека сделал. Сколько по участку со мной исходил — не измеришь! Ходит, бывало, и объясняет. И про повадку звериную, и след читать, и маскироваться, и в клещи брать. Да мало ли... В стрельбе опять же сколько сил на меня положил. Вот и вышло, что на участке я куда хочешь, с закрытыми глазами, действия по уставу со всей точностью знаю, пуль в пулю попадаю. От этого и смелость приходит. Кто же тут главная причина? А причина тому и есть старший сержант Михаил Тимофеевич Малиник.

Коровин был уже на том берегу; покончив с доской, он попробовал, крепко ли сшито, и принялся за перила.

— Хороший человек! — сказал он задумчиво.— Строгий...

Мальчики глядели на Коровина блестящими глазами. Было им отчего-то удивительно и радостно. А тот, будто стыдясь, что наговорил вдруг так много, не проронил больше ни слова до конца работы. Только обув уже сапоги, подобрав удочку, сказал, опять словно думая о другом:

— Ну, вот и мост. Молодцы, ребята! Солдаты вам спасибо скажут.

Коровин не проронил больше ни слова до конца работы.

В раковой аллее, в стремительной и чистой струе ручья дрожали золотые искорки от проскользнувших сквозь листву солнечных стрелок; прохладно пахло цветом пшата и водой. За вкопанным здесь столиком, обложившись брошюрами, сидел Рябоконь. На этот раз лицо его было необычайно серьёзным: комсомольская организация поручила ему сделать доклад для молодёжи соседнего колхоза. Всё-таки он подмигнул мальчикам.

— Пограничный наряд! Ещё цветов бы под балкон — и чисто санаторий!

Хоть он и шутил, а и в самом деле хорошо бы цветы посадить. Но где их достанешь?

— У мамы герань есть, два куста. Вот бы их по бокам крыльца... Да не отдаст: она их любит, — сказал Димка.

— А ты всё-таки попроси, — посоветовал Василь.

Димкину мать нашли на кухне. Она часто помогала заставскому повару. Разговор с ней начался не с того, с чего хотелось бы.

— Вы посмотрите, на что у вас башмаки похожи! — прикрикнула она. — Говорите прямо: ноги мокрые? В речку лазили?

— В речку не лазили, а башмаки уже высушили на солнце, — ответил Димка.

Мать и повар засмеялись.

— Ну, зачем явились? — спросила мать.

— Отдай нам твою герань, — без долгих разговоров сказал Димка.

— Так!.. А ещё что-нибудь вам не отдать? Цветы зачем? Баяна провожать?

Но, узнав, в чём дело, сразу согласилась.

Работа прошла в большой спешке: того и гляди, опять кто-нибудь станет помогать. Но обошлось. Два жарко цветущих куста красовались по сторонам крыльца, когда подъехала машина и из неё вышел капитан, ездивший на станцию. Мальчикам было интересно, заметит ли он цветы, тем более, что на этот раз они всё сделали сами.

И он заметил. Он подошёл к крыльцу, снял фуражку, вытирая круглую, бритую, всю в крохотных капельках пота голову.

— А ведь здорово! Как это я сам раньше не вспомнил? — сказал он и повернулся к шофёру. — Котомка, ты завтра опять будешь на станции, так? Заезжай на обратном пути в совхоз, спроси там бригадира Хорена Давидовича; ты его, кажется, знаешь...

— Так точно.

— Возьми у него десятка два цветущих кустов, он давно предлагал, вдоль балкона их и посадим.

— Ясно, товарищ капитан, — сказал Котомка и повёл машину к складу.

...Через день, под вечер, приехал комендант. Капитан был на границе. Майор, любивший поговорить с солдатами запросто, сидел у столика в раковой аллее, разговаривая с Коровиным, только что вернувшимся из наряда. Тут же стояли ещё трое пограничников, подходили новые. На ходу одёрнув гимнастёрку, поздоровавшись, они окружали майора всё тесней, постепенно включаясь в интересный разговор. Даже Байдалаков, вываживавший по двору потного комендантова коня, то и дело останавливался, прислушиваясь.

— Води, води, — улыбнулся комендант. Резкие, светлые на обветренном, загорелом лице морщинки разбегались от его внимательных, с хитринкой глаз. Коротко стриженные чёрные волосы прошла на висках, на затылке седина. — Води. Тут, друг, разговор пехотный, не по кавалерийской линии.

— Линия у нас одна, товарищ майор, пограничная, — ответил коновод.

— Ловко сказано! — прищурился комендант. — Однако не остуди коня, он, брат, тоже пограничный.

Солдаты засмеялись. Засмеялся и комендант, откинув назад своё большое тело. Засмеялись и Василь с Димкой, которые, конечно, уже давно были здесь.

— Э, да и вы тут! — подмигнул комендант и, продолжая разговор, сказал: — Словом, тут у вас курорт, я вижу! Арык сделали, цветов насадили. Хорошо, просто хорошо! Молодцы!

— Это всё они! Они всё! — раздалось несколько голосов. — Они ещё и мосток на южную тропу наладили... — Большие, грубоватые руки бережно подталкивали мальчиков к майору. Василь и Димка, смущённые, слегка упирались.

— Да ну? — удивился комендант. — Ребята? Ай, молодцы!

— Неправда! — сказал Василь. — Это они.

— Постойте, — сказал комендант. — Что за неразбериха? Те говорят — вы, вы говорите — они. Докладывать нужно точно и ясно. Ну?

— Арык сделали Байдалаков и Рябоконь. — Василь старался говорить громко и чётко.

— Это где ж я делал? — вмешался Рябоконь. — Сказано, докладывать точно, а ты опять путаешь. Подучил их только, как кирку держать... А Байдалаков — как на руки плевать...

Снова засмеялись.

— Начал-то кто? — спросил комендант.

— Мы с Димкой только придумали, чтобы повернуть воду.

— Ясно, — сказал майор. — Ну, а мостик кто подправил?

— Коровин, — твёрдо сказал Димка.

Коровин усмехнулся:

— Гвоздей с десятков вбил, это точно. Чтобы ребята в воде не замочились.

— Мы только перила из воды выудили, — добавил Димка.

— Так, тоже ясно. Последний вопрос: кто цветы сажал?

— Мы только два цветка посадили, мамины, — доложил Димка.

— Всё ясно, — сказал комендант. — Так, значит, и говорите: мы, мол, делали, а нам помогали.

— За что ни примись, — сверкнув чёрными своими глазами, с сердцем сказал Димка, — всё сразу возьмут и сделают!

Комендант опять откинулся, рассмеялся... Зной заметно спалал, ещё острее пахло

пшатам, геранью, нагретой травой. За речкой, в рощице, стоял смягчённый расстоянием птичий гомон. На погустевшем небе нежно розовели снежные шапки Арарата.

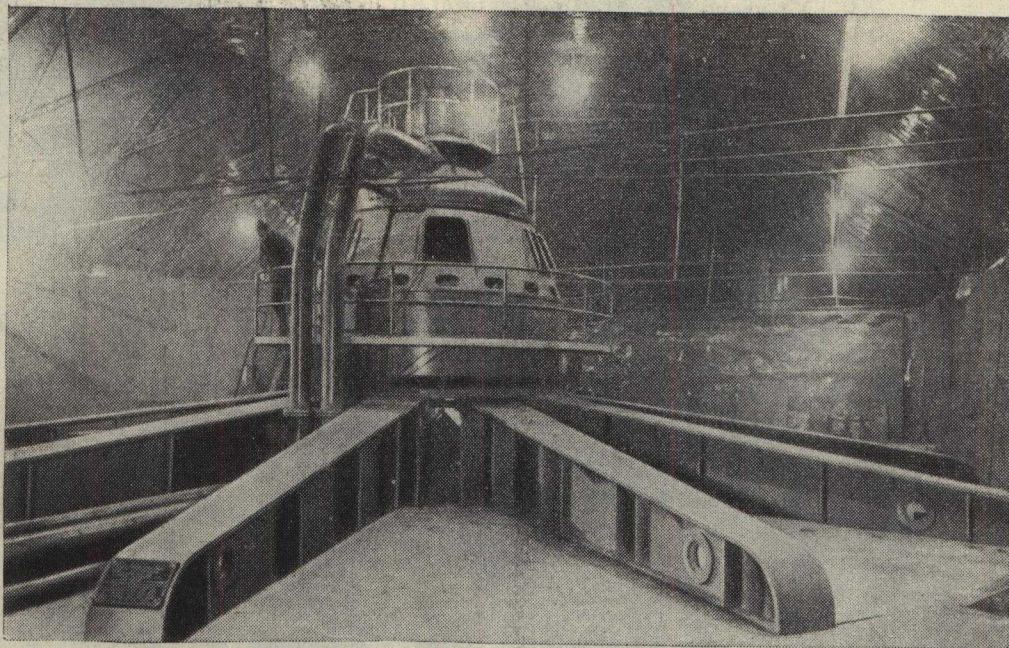
Из кухни вышел повар в белом фартуке и зелёной фуражке, поманил дежурного, что-то пошептал ему. Дежурный вприпрыжку подбежал к аллее и, подойдя к коменданту печатанным шагом, доложил:

— Товарищ майор, ужин готов! Разрешите личному составу ужинать? — А когда комендант кивнул, прибавил другим голосом: — Пожалуйста покушать с солдатами.

— И то дело. — Комендант поднялся, потом повернулся к мальчикам: — Да, братцы, так уж у нас: что ни начини хорошее, сразу всё навалится и давай помогать...

Он ушёл в столовую, туда же потянулись солдаты. А мальчики недовольно смотрели им вслед. Ясно, что и Рябokonь с Коровиным и комендант говорили это нарочно, для них. Опять, значит, нужно что-то придумывать. Только уж на этот раз такое, чтобы никто не увидел, пока они всё не сделают сами.

ПО ПЛАНУ ПЯТИЛЕТКИ

Это генератор первого агрегата Куйбышевской ГЭС — та самая часть огромной машины, в которой энергия воды превращается в электрический ток.

Вон какие «лапы» у этой машины! Как могучее дерево, корнями вцепилась она в бетон плотины, чтобы не сдвинуться с места, не дрогнуть, выдерживать бешеную силу воды, с разгону бьющей в лопасти турбины.

Каким маленьким кажется рядом с этой машиной человек — один из тех людей, которые за пять лет обуздали величайшую реку Европы!

Но, пожалуй, самое интересное на этой фотографии — это лампочки, которые горят под потолком машинного зала. Ведь в них светится тот самый ток, который к концу пятой пятилетки обещали дать и дали стране строители Куйбышевской ГЭС.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

К. Е. ВОРОШИЛОВ.

КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ

Ворошилов! Какое это родное и близкое имя для каждого из нас! Мы, комсомольцы двадцатых годов, обучаясь с оружием в руках защищать Родину, шагая в красноармейских рядах, пели: «Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер...» Юные пионеры, поколение ребят, подраставшее в годы, ещё близкие к гражданской войне, писали ему, наркому обороны: «Если грянет бой, товарищ Ворошилов, возьми меня с собой».

Нет ни одного исторического события, решающего судьбы наших поколений, в котором бы не звучало это славное имя.

Мы отмечаем годовщину основания Коммунистической партии Советского Союза и вспоминаем, что вслед за Лениным и Сталиным среди первых строителей её был и Ворошилов.

Ещё в 1898 году в первый революционный рабочий кружок на заводе ДЮМО в Алчевске вступил молодой рабочий, слесарь Ворошилов. Вскоре он становится членом партии большевиков, не страшась преследований полиции, ведёт большую революционную работу. А в 1906 году, на четвёртом съезде партии, встречается с Лениным и Сталиным.

Мы вспоминаем годовщину славной революции 1905 года и узнаём, что когда рабочие Донбасса организовали первый Совет рабочих депутатов в Луганске, председателем его был Ворошилов.

Годы, проведённые в царских тюрьмах и ссылках, не сломили воли большевика. В дни тяжкой империалистической войны партия направила Ворошилова в армию для работы среди солдат. Климент Ефремович блестяще выполнил это ответственное задание. Во время февральской революции он поднял на свержение самодержавия один из лучших полков царской гвардии — Измайловский полк.

В ноябре семнадцатого года Климент Ефремович был первым комиссаром Петрограда.

Мы празднуем славную годовщину Советской Армии и снова вспоминаем, что одним из организаторов её первых побед был Клим Ворошилов. Во главе шахтёрских отрядов Донбасса он нанёс первые поражения не-

мецким оккупантам и белогвардейцам. Он был ближайшим помощником товарища Сталина во время героической обороны Царицына. Вместе с Будённым Ворошилов создал и выковал в боях неустрашимую Первую конную армию. В 1925 году верный сын народа К. Е. Ворошилов возглавил вооружённые силы нашей страны.

Первое звание Маршала Советского Союза присвоено было товарищу Ворошилову.

В дни суровых испытаний Великой Отечественной войны Климент Ефремович был членом Государственного Комитета Обороны. Он выполнял самые ответственные поручения Верховного Главнокомандования и много сделал для победы советского народа над фашистскими захватчиками.

Ныне Климент Ефремович Ворошилов занимает пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

От мальчонки, пасшего помещичьи стада, до главы Советского государства — вот путь Ворошилова.

Провожая старый год, за несколько минут до двенадцати часов ночи мы все услышали по радио знакомый спокойный голос:

«Дорогие товарищи! Дорогие граждане нашей великой социалистической Родины! От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом!»

Миллионы людей, затаив дыхание, слушали: говорил Ворошилов.

Глава нашего государства рассказал о достижениях советского народа в строительстве коммунизма, о его успехах в борьбе за мир. Он пожелал всем счастья, выразив надежду, что наступающий новый год будет годом возрастающей дружбы между народами.

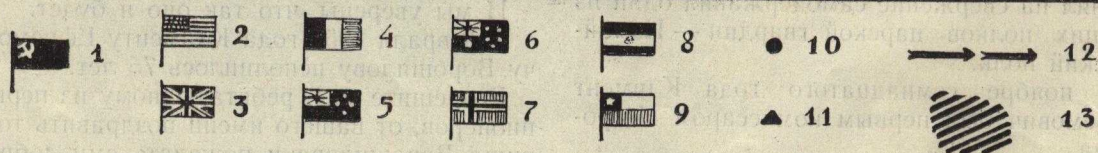
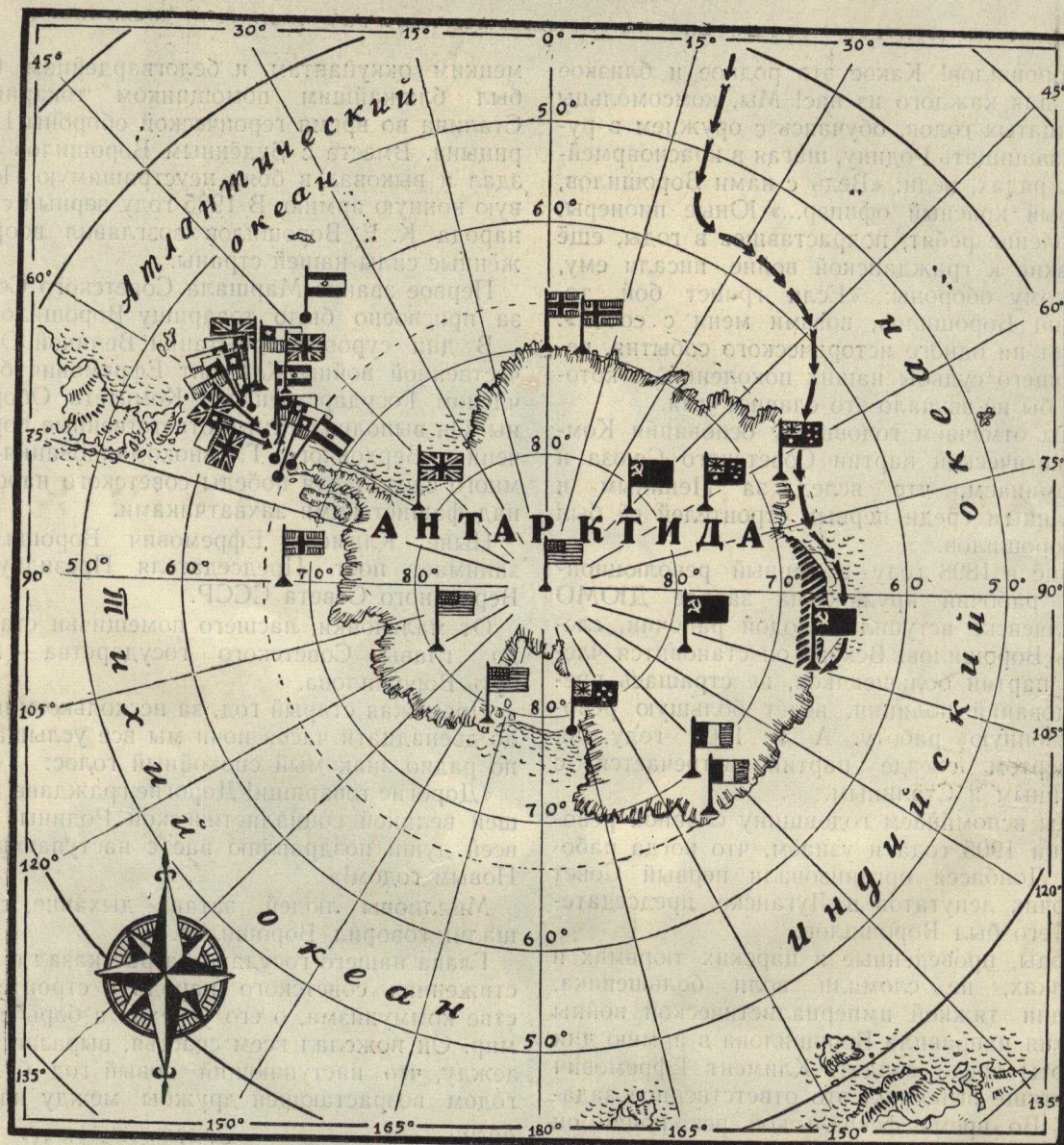
И мы уверены, что так оно и будет. 4 февраля 1956 года Клименту Ефремовичу Ворошилову исполнилось 75 лет.

Разрешите мне, ребята, одному из первых пионеров, от вашего имени поздравить товарища Ворошилова и пожелать ему доброго здоровья на многие годы и новых успехов в борьбе за мир и счастье народов.

С днём рождения, Климент Ефремович!

Николай Богданов

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАНЦИИ В АНТАРКТИДЕ

На этой карте показаны действующие и проектируемые станции: 1 — Советского Союза, 2 — Соединённых Штатов Америки, 3 — Англии, 4 — Франции, 5 — Новой Зеландии, 6 — Австралии, 7 — Норвегии, 8 — Аргентины, 9 — Чили. Кругом обозначены действующие станции — 10. Треугольником — проектируемые станции — 11. 12 — маршрут советской экспедиции. 13 — район высадки советской экспедиции.

У подножия ледяного барьера в Антарктиде.

ТАИНЫ ШЕСТОГО МАТЕРИКА

Кирилл Андреев

Полёт мечты

В 1868 году капитан Немо, герой романа Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой», водрузил своё знамя — знамя борца за свободу — на Южном полюсе.

Почти через двадцать лет, в 1886 году, воздушный корабль «Альбатрос» инженера Робура, другого героя Жюль Верна, несомый чудовищной бурей, пролетел над той же таинственной точкой Южного материка.

Человеческая мечта об открытии Южного полюса обогнала действительность. Только в 1894 году высадился первый человек на материк Антарктиды — молодой норвежский натуралист Борхгревинк, за отсутствием средств отправившийся в экспедицию в качестве матроса китобойного судна. И лишь в 1911 и 1912 годах, почти на полвека позднее героев Жюль Верна, двум экспедициям — Руала Амундсена и Роберта Скотта — удалось достичь Южного полюса, преодолевая невероятные трудности. На обратном пути Скотт и его спутники погибли от голода и лишений.

Шестой материк был открыт в 1820 году русской экспедицией Ф. Беллинсгаузена и

М. Лазарева. С тех пор свыше столетия продолжается непрерывный штурм Антарктиды. На парусниках, пароходах, санях с собачьей упряжкой, пешком, на самолётах и вертолётах смелые исследователи пытаются разгадать тайны Антарктиды. И всё же загадки её до сих пор остаются неразгаданными.

Материк или архипелаг

Мы привыкли называть Антарктиду материком, хотя у учёных до сих пор нет в этом уверенности: слишком часто эта загадочная часть света обманывала смелых путешественников. В 1839 году американская экспедиция Чарльза Уилкса провела широкое исследование Антарктики к югу от Тасмании и открыла длинную береговую линию, получившую позже имя Уилкса, и ряд островов. Однако позднейшие исследования стёрли имя Уилкса с карты Антарктики: открытой им земли не оказалось, а острова были обнаружены в другом месте. Сто лет Земля Грехема считалась полуостровом, затем оказалось, что это остров, а недавно выяснилось, что это целый архипелаг, покрытый льдом.

Дело в том, что суша Антарктиды почти недоступна для исследования, так как вся эта часть света покрыта вековым льдом, который гигантскими замёрзшими реками-ледниками спускается в океан. Льды то отступают, то наступают, от них отламываются айсберги-великаны, похожие на острова. Считается, что значительная площадь Антарктиды, не меньшая, чем вся территория Украины, представляет собой фантастически огромный ледник, плавающий на поверхности океана...

Западная и восточная части Антарктиды разительно не похожи друг на друга. Западная представляет собой гигантское плоскогорье, сложенное из очень древних геологических пород. Восточная состоит из ряда мощных горных хребтов, вершины которых достигают семи тысяч метров. Они разделены глубоким провалом и двумя морями — Уэддела и Росса. Но нет ли пролива между этими морями, глубоко вдающимися в материк, разделяющего Антарктику на два огромных острова, пролива, похороненного под двухкилометровой толщей льда? Не состоит ли мнимый материк не из двух, а даже из нескольких островов?

Загадка ледникового периода

Гигантские ледники покрывали некогда огромную часть территории нашей Родины, почти всю Европу и половину Северной Америки. Они ползли, сглаживая горы, неся на себе обкатанные валуны, поворачивая реки и заполняя озёра. Это они сформировали характерный пейзаж Средней России — с невысокими пологими холмами и круглыми озёрами. Льды то наступали, то откатывались назад. Учёные насчитывают несколько таких ледниковых периодов, да и сейчас мы живём в такую эпоху, когда Европа лишь выходит из последнего ледникового периода. Но что было причиной появления и исчезновения льдов? Для учёных это всё ещё пока остаётся загадкой.

Сколько различных теорий было создано, чтобы объяснить это таинственное явление! Изменение орбиты Земли и наклона её оси, мерцание Солнца, появление космического облака пыли, ослаблявшего солнечные лучи, передвижение материков и перемещение полюсов. Но ни одна из этих гипотез не выдерживала строгой проверки.

Разгадку этой тайны следует искать в Антарктиде. Хотя эта земля исследована ещё мало, но уже установлено, что когда-то здесь был тёплый климат и пышная растительность. С тех пор там сменилось несколько ледниковых эпох. Но самое главное то, что последняя ледниковая эпоха царит там и сейчас и мы можем наблюдать и изучать её воочию.

Карта Антарктиды

До сих пор не существует карты Антарктиды, до сих пор она остаётся таинственной страной, погребённой подо льдом.

Этот ледяной покров так чудовищно огромен, что почти невозможно себе представить. Достаточно

сказать, что если растопить льды Антарктики, то уровень воды во всех океанах и морях мира поднялся бы на двадцать метров!

И никакая аэрофотосъёмка не может нам помочь вычертить карту этой таинственной страны: нельзя различить, где кончается су-

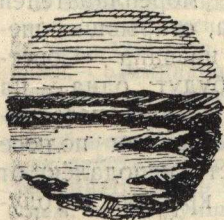
И. А. Ман — капитан дизельэлектрохода «Обь», на котором отправилась советская экспедиция.

ша и начинается плавающий ледник, где под льдом скрыты горы, долины, проливы и острова.

Но если твёрдую почву материка нельзя увидеть, то её можно «прощупать». Для этого можно применить мощные средства современной геофизики и, в частности, так называемый метод сейсмоакустической разведки.

При помощи взрывов можно создать волны определённой длины, проходящие через лёд и отражающиеся от горных пород. Первый же опыт применения этого метода в Антарктике показал, что под ровным льдом скрыт сложный ландшафт: пики и гребни гор, плато и долины. Чувствительный электросейсмограф «увидел» всё это сквозь слой льда толщиной в 2 200 метров!

Розовая суша и цветные озёра

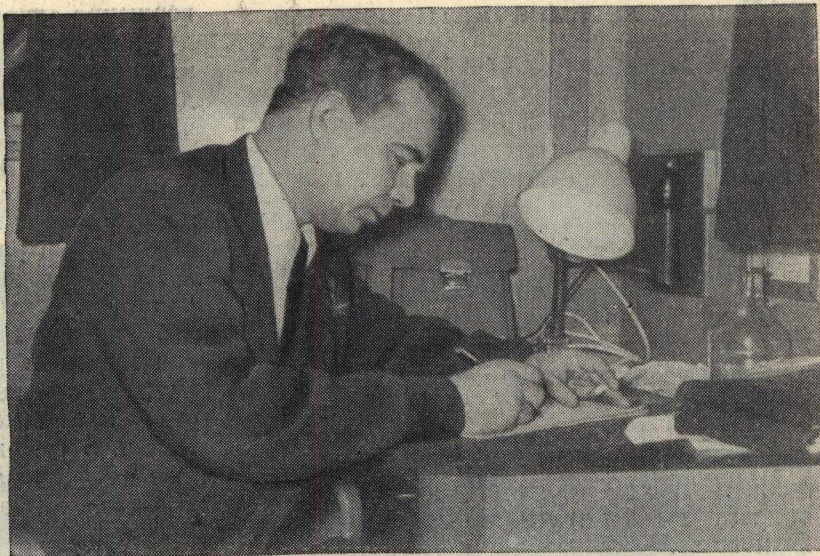

И, однако, эта, казалось бы, навеки оледеневшая и мёртвая глыба льда таит в себе таинственную жизнь, скрытые запасы тепла, лишь в отдельных местах вырывающиеся наружу.

В 1841 году мореплаватель Джеймс Росс увидел под 78 градусом южной широты две величественные горы, покрытые снегом, вырастающие прямо из океана. Одна из них извергала пар, дым, огонь и пепел. Тяжёлые, чёрные тучи пепла, озарённые багровым блеском лавы, висели над вечными ледниками. Это были два гигантских вулкана, которые путешественник в честь кораблей своей экспедиции назвал Эребус и Тёррор.

Вулканы эти принадлежат к числу величайших в мире. Высота их — свыше четырёх километров. Кратер Эребуса имеет в ширину больше километра.

Гигантский ледяной панцырь, покрывающий Антарктиду, неимоверно тяжёл. Он с чудовищной силой вдавливают материк в земную кору. Этим, вероятно, объясняется отсутствие береговой отмели, на которой лежат все остальные материки. Это же, пови-

Начальник Антарктической экспедиции М. М. Сомов.

димому, вызывает сильные напряжения в глубинах Земли и связанные с ними вулканические явления.

Американской экспедицией адмирала Берда с самолёта была открыта огромная долина, расположенная в центральной части горного хребта Королевы Мод. Долина эта была совершенно свободна от снега, и на фоне странных красных, розовых и малиновых горных пород, из которых сложена долина, чётко выделялись огромные пласты каменного угля, расположенные прямо на поверхности. По предварительным данным, здесь находятся самые мощные в мире запасы угля.

Но эта долина не единственное место в Антарктике, свободное ото льда. В разных местах американцы открыли несколько странных озёр со сверкающей на солнце совершенно синей и красной водой, окружённых огромными бесснежными равнинами. Американские лётчики не только осмелились посадить свой гидросамолёт на одно из таких озёр, но даже решились выкупаться в тепловатой воде и собрать образцы водорослей.

Что согревает эти странные оазисы жизни на мёртвом материке? Вулканические силы, таящиеся под покровом льда? Подземные пожары угольных пластов? Иные, неведомые ещё науке силы?

Разгадать эти загадки, проникнуть в тайны шестого материка суждено учёным, участникам комплексной советской экспедиции в Антарктиду.

Год из восемнадцати месяцев

Этот необычный год не имеет цифрового обозначения, как обычные года, а носит название МГГ — Международный геофизический год. Он начнётся 1 июля 1957 года, а закончится 31 декабря 1958 года.

Международный год — огромное научное предприятие, в котором примут участие много тысяч учёных свыше чем тридцати стран мира. Подобные международные исследования Земли как планеты предпринимались лишь дважды: в 1882—1883 и 1932—1933 годах. Но тогда изучались лишь полярные области, и годы эти носили название МПГ. В новом Международном году будут изучаться новейшими геофизическими методами не только Арктика и Антарктика, но и тропические области.

Размах этих исследований будет очень велик. Основными областями геофизических исследований будут метеорология, физика высших слоёв атмосферы — так называемой ионосферы, земной магнетизм, полярные сияния, свечение ночного неба и космические лучи. Астрономические учреждения очень подробно будут изучать деятельность Солнца и самыми точными методами будут определять широты и долготы. Чтобы картина физической жизни Земли была цельной, наблюдения во всех концах мира должны быть со-

вершенно одновременными. Поэтому они будут проводиться в так называемые «регулярные всемирные дни» (РВД) каждого месяца: два — в дни новолуния и один — в первую четверть луны.

Важнейшее место в исследованиях займут ракетные исследования. На высоту в 400 километров будут запускаться большие двухступенчатые ракеты — «аэробы». Малые ракеты будут автоматически выстреливаться из стратосферы, куда их поднимут шары-зонды. Французские учёные будут систематически запускать ракеты с территории Сахары. Будет также выпущено в мировое пространство несколько искусственных спутников Земли. В американских газетах и журналах уже опубликовано два проекта, получивших условные названия «Птица» и «Мышь».

Наибольший интерес представляют собой исследования Антарктиды — наименее изученного материка в мире. Большая доля работы здесь будет лежать на членах советской экспедиции, которая под руководством Героя Советского Союза М. М. Сомова недавно высадилась на берег Антарктиды.

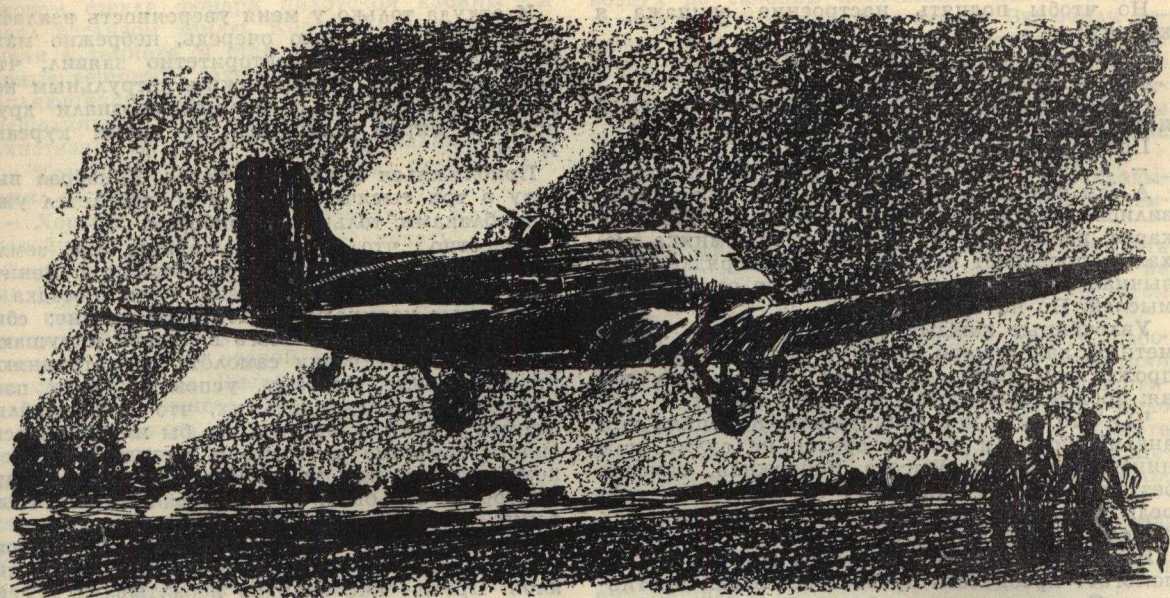
На материке Антарктиды будут созданы три советские научные станции. Две из них носят названия «Восток» и «Мирный», по имени кораблей русских мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева, открывших шестую часть света, третья названа «Советская». Расположены они будут: одна — на побережье, другая — вблизи магнитного полюса, третья — на так называемом полюсе недоступности, неподалёку от загадочных красных и голубых озёр.

Советским учёным предстоит огромная работа. На их долю выпало изучение ледников Антарктиды, измерение силы тяжести в разных пунктах, работы по определению силы и изменчивости земного магнетизма и, главное, изучение рельефа погребённой подо льдом суши с помощью чувствительнейших в мире электросейсмографов.

Огромный размах работ и применение тончайших новых методов даёт возможность надеяться, что очень скоро многие загадки Антарктиды перестанут быть загадками.

Во время всего пути «Оби» учёные изучали рельеф морского дна. Научный сотрудник А. Ф. Береснев в лаборатории геологии моря работает с эхолотом — прибором для измерения глубины моря.

НОЧЬ В ГОРАХ

П. М. Михайлов,
Герой Советского Союза

Рисунки П. Кирпичёва.

В моём дневнике записано: вылет из приморского итальянского городка Бари состоялся 25 июля 1944 года. На борту самолёта, кроме экипажа, — одиннадцать советских воинов, вооружённых автоматами и пистолетами. Им предстояло влиться в партизанскую семью и вместе с албанскими партизанами участвовать в боевых действиях против немцев, непрерывно поддерживая связь по радио с нашим командованием, чтобы лучше согласовать действия партизан с наступлением Красной Армии на Балканы.

Груз наш состоял из продовольствия, оружия, переносных двигателей, радиостанций и разного другого имущества. На самый крайний случай мы специально упаковали аварийные мешки для сброса их на парашюте. Но мы твёрдо верили, что не придётся к этому прибегнуть...

Солнце скрылось, стало быстро темнеть. Когда стемнело совсем, я, получив разрешение с американского командно-диспетчерского пункта, открыл на стартовую линию и дал газ. Как искры, промчались мимо меня под левым крылом огни ночного старта. И вот мы в воздухе.

Я вёл самолёт в основном по приборам, слегка подсвечивая их флюоресцирующим светом. Полностью освещать приборы в ночное время нельзя: это лишает лётчика возможности рассматривать наземные ориентиры, так как после яркого света лампочек на приборах пилот сквозь стекла своей кабины видит как бы глухой чёрный занавес.

Под нами промелькнули огни города Таранто, миновали мы и Бриндизи, скоро Гальяно — последняя наша точка на материке. По небу непрерывно рыскали прожекторы английских и

американских постов противовоздушной обороны. Да оно и не удивительно: наш полёт по этому маршруту не был включён в наряд, и на земле недоумевали: откуда же взялся над ними самолёт, не противник ли это?

Летели мы на высоте в девятьсот метров, вполне достижимой для огня зениток. Да и истребитель мог выйти нам вдогонку, лишь только мы будем обнаружены.

А встреча с ним не предвещала ничего доброго. Успокаивало одно: в хвостовом отсеке нашего самолёта был установлен автоматический радиоответчик. Если даже на нас и наведут локационную установку, хитроумный аппарат с хвоста нашего самолёта тотчас же ответит автоматически по радио: «Я свой!» Почешут на земле зенитчики затылок: с одной стороны, в эту пору над ними никакого самолёта быть не должно, с другой стороны: «Я свой!» А по своим бить не полагается! Пока же они будут раздумывать над этой загадкой, мы уже пролетим мимо...

Под крылом возник мигающий маяк Гальяно. Я развернул самолёт на новый курс, и вот мы над Адриатическим морем. Исчезли последние береговые огни, нас окружал полный мрак, звёзд не было, только чёрное небо и чёрная водная гладь под нами; впечатление такое, будто летишь в ничто.

Поглядываю на своих товарищей и вижу, что состояние у них угнетённое. Что и говорить: лететь в абсолютном мраке, через линию фронта, над морем, да ещё на сухопутном самолёте не очень приятно. А ведь самое опасное ещё впереди! Откровенно говоря, я и сам чувствовал себя не в своей тарелке.

Но чтобы поднять настроение экипажа, я крикнул:

— Штурман! Говори: где летим?

Взбудоражил механика:

— Что ж ты молчишь? Сколько горючего истратил?

Попутил с радистом:

— А ну-ка, покажи класс: свяжись с Москвой!

А сам искося поглядываю на них. Вижу, ожились ребята. Штурман линейкой водит по карте, радист крутит рукоятку приёмника, механик проверяет бензин. Всё в порядке, привычная работа в полёте отвлекает от мрачных мыслей. Но не тут-то было...

Увлечённые каждый своим делом, мы не заметили, как в море, один за другим, зажглись прожекторы. Внезапно яркий свет ослепил меня: прожекторы «поймали» наш самолёт.

Чьи это суда нас обнаружили: немецкие или английские? Ни то, ни другое не сулит нам ничего хорошего. Высота ничтожная, самолёт незащищён. Вот как дадут по нас снизу очередь или залп, так мы сразу и закуримся, как факел...

Военная хитрость в трудную минуту подчас помогает преодолеть превосходство сил противника. Я схватил лампу «Люкс», выставил в форточку её дуло и давай «отстреливаться» световыми сигналами, приказав второму пилоту строго придерживаться курса. Никакого пароля не знал, просто сигналил наугад.

Гляжу, с моря отвечают мне световым сигналом, дают букву «Н»: тире и точку. Стал и я давать букву «Н». По сей день не знаю, что должен был означать этот сигнал, точно так же, как неизвестно мне и до сих пор, с кем это мы тогда повстречались: с немцем или с англичанином?

Механик же по моей команде включил опознавательные огни и фары и тоже стал мигать ими напраполю. Так, перемигиваясь с неизвестным военным кораблём, мы и ушли в ночную тьму...

Вообще говоря, самолёт, застигнутый вражескими прожекторами, должен уходить от них, вырываясь из их световых объёмов, лавируя в воздухе, то и дело меняя курс и высоту полёта. Но для этих манёвров у меня не было достаточно высоты. С другой стороны, избранный нами способ защиты был надёжнее — он был на психологию: разве противник будет обнаруживать себя огнями? Нет, конечно же, это свой, он не боится!

Нужно учесть ещё и то, что и на судне под нами в эти минуты настроение было не особенно приподнятое: поймать-то нас прожекторами поймали, а вдруг с неба сейчас посыплются бомбы? Поэтому надо полагать, что на неизвестном корабле тоже вздохнули с облегчением, расставаясь с нами...

Возложив управление на второго пилота, я прошёл в пассажирскую кабину. Решил проводить своих пассажиров. Всё это были бывалые воины на твёрдой земле. Сейчас, в воздухе, они не могли не чувствовать себя беспомощными. Да ещё эта проклятая встреча над ночным морем!

Гляжу, действительно, физиономии у всех довольно кислые. Однако на мой вопрос, как самочувствие, все дружелюбно улыбнулись мне. Только Федя-переводчик состригал:

— Самочувствие бодрое: кажется, чуть не пошли ко дну!

И откуда только у меня уверенность взялась! Я улыбнулся, в свою очередь, небрежно махнул рукой и вполне авторитетно заявил, что встретились мы с британским патрульным кораблём; обменялись сигналами, опознали друг друга и мирно разошлись по своим курсам. И всё...

Приближался вражеский берег. Я набрал высоту в три тысячи метров и сейчас летел уже над облаками, только по приборам.

Известно, что люди, слышащие на земле храбрецами, в воздухе часто теряются. Зенитный ли обстрел, вынужденная ли посадка — пассажиры начинают метаться по кабине, сбиваются в кучу, чаще всего в хвосте, нарушают тем самым центровку самолёта и затрудняют пилотирование. Поэтому, успокоив своих пассажиров, я предупредил их, что мы приближаемся к цели, и просил, что бы ни случилось, сидеть спокойно на месте и дожидаться моей команды: я о них не забываю ни на секунду! Повторяю, это были боевые люди, испытанные воины, и они поняли меня с полуслова...

По расчётам времени мы пересекли уже вражеский берег. Тут мы сразу же угодили в циклон. Прежде нас изрядно побалтывало, а сейчас стало уже просто швырять из стороны в сторону. Удары воздушных потоков я отражал рулями. Неожиданно, помимо моего желания, самолёт стал набирать высоту с такой скоростью, что я только диву давался. Приказал механику убрать наддув — машину всё равно тянет кверху. Затем, так же внезапно, самолёт клюнул носом. В такой обстановке пилота выручают только опыт, сила рук, напряжённое внимание и воля к достижению намеченной цели. Что и говорить, трудновато пришлось мне в эти минуты! Утешало одно: опасную зону мы, видимо, миновали, не потревожив ни одной немецкой зенитной батареи...

До цели остаётся двадцать минут полёта. Прошло десять минут, и я стал терять высоту до минимально допустимой, учитывая растительность под нами невидимый горный рельеф: ещё изучая карту, мы со штурманом узнали, что высота отдельных вершин доходит до двух тысяч метров.

Пробиваться сквозь облака над горами, в темноте, без приводных радиостанций — задача нелёгкая. Тем более, что самолёт продолжало немилосердно трепать. Воздушный поток, дующий в направлении, перпендикулярном какому-либо хребту, часто образует так называемую «стоячую волну» — вертикальное нисходящее течение большой силы, способное бросить самолёт вниз сразу метров на шестьсот и разбить его об утёсы.

Поэтому я терял высоту очень осторожно, держа снижение на вариометре два метра в секунду. Но самолёт плохо слушался рулей; стрелка на указателе прибора давала снижение то ноль, то три метра и более в секунду. Так вошли мы в густую, чёрную тучу, ничего не стало видно вокруг — ни неба, ни земли.

Я решил временно прекратить снижение и перевёл аппарат в режим горизонтального полёта. Управление я передал второму пилоту. Ваня Угрюмов, несмотря на свою фамилию, был парнем довольно весёлым, прекрасно ориентирующимся и в открытом и в слепом полёте. Я ничуть не беспокоился: штурвал был в надёжных руках!

Сам же я сосредоточил всё своё внимание на боковом стекле фонаря пилотской кабины — я искал взглядом землю. Когда глаза мои привыкли к темноте, я стал постепенно различать горные вершины, затянутые клочьями облаков, цепляющихся, казалось, за макушки деревьев. Расщелины между хребтами представлялись таинственными густо чёрными провалами.

— Командир, по расчёту мы над целью! — доложил штурман.

— Хорошо, — ответил я, стараясь казаться спокойным. — Сейчас начнём её искать!

Самолёт перешёл в вираж, продолжая снижение. Горные вершины оставались в стороне, высота наша упала до 1700 метров. Земля стала просматриваться лучше. Изредка поблёскивали огоньки. Завершая второй круг, мы очутились под склоном горы. Впереди, километрах в тридцати от нас, темнота была усыпана огнями населённых пунктов, над которыми изредка взлетали самолёты. Сверился по карте. Точно — это города Кардица и Триккала, в которых размещены немецкие гарнизоны. Очевидно, там есть аэродромы, на которых расположились фашистские истребители и бомбардировщики. Штурман не ошибся: где-то здесь, под нами, находится партизанская площадка!

Для пилота нет ничего отраднее, когда полёт протекает нормально, видимая местность совпадает с картой, ровно работают моторы, беспокойные облака остались позади, болтанка прекратилась, стрелки приборов стоят на положенных им делениях.

Но в данном случае мне было мало этого. Предстояло ещё самое трудное: разыскать среди горных массивов ущелье, опознавательные огни партизанских костров; обнаружив их, потерять между горными отрогами высоту и с акробатической ловкостью, не зацепив консолью за какой-нибудь утёс, снизиться до площадки, посмотреть её, сделать расчёт на посадку и сесть.

На словах всё это очень просто, а вот на деле!

Твержу про себя слова приказа: сесть, даже рискуя целостью самолёта! Но куда садиться? Довериться огням? А если партизаны за это время перебрались в другое место и нас встретят немцы? Что если огни — ловушка, а площадка — западня?

Не отрываю взгляда от земли — сплошные горы! Да тут, небось, и живой-то души нет, а мне нужно найти партизанскую стоянку. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена! Напрягая зрение до боли в глазах, различаю постепенно две горные цепи, параллельные друг другу. Соображаю, что между этими хребтами должна быть глубокая впадина, может быть, долина. Если партизаны где-то поблизости, то они должны быть именно здесь.

Беру курс на невидимую пока расщелину. Летим пять минут. Сейчас уже отчётливо видна глубокая вытянутая котловина. Расстояние между обрамляющими её горными хребтами — около десяти километров; над долиной клочьями навис туман. Здесь, нигде больше! Перехожу в спираль...

Снижаться становилось всё опаснее. Когда мы были над горами, гребни их, несмотря на мрак, всё же выделялись на фоне неба. Теперь же мы очутились в настоящей бездне, как будто в глубокой яме. А партизанских костров всё нет и нет!

Пришлось прекратить снижение. Утожим воздух по склонам котловины. Дали зелёную ракету — ничего, никакого ответа. Включили ходовые огни. Штурман сигналил: точка, тире, две точки, тире. На высоте мы сигналить не могли: сразу навлекли бы на себя вражеские истребители, а сейчас наши световые призывы видны только со дна этой котловины: от немцев нас заслоняет непроницаемый каменный барьер.

Мерно поют моторы, я то и дело переключиваю машину с правого на левое крыло, а земля всё не подаёт признаков жизни...

Партизаны, на мой взгляд, должны были быть только здесь, под нами, лучшего места им не найти, если они вообще существуют в этом районе. Неужели мы ошиблись?

Ещё когда в Бари, готовясь к полёту, работали со штурманом над картой, мы наметили несколько дополнительных наземных ориентиров, в том числе небольшое озеро Даукли. Дело в том, что реки, пруды и озера и в темноте видны даже с высоты в три тысячи метров. Делать нечего, придётся прибегнуть к контрольному ориентиру.

Снова набираю высоту. Спрашиваю штурмана:

— Толя, какой курс на озеро?

Он ответил сразу, — видимо, та же мысль и ему пришла в голову:

— Курс — сто пятьдесят градусов, время — пятнадцать минут.

Легли на курс, отсчитываю минуты. Если мы не ошиблись, сейчас под нами появится озеро. А горючее-то уходит!

Одновременно со мной подумал об этом и механик.

— Командир, — заворчал он, — воздух утожим, утожим без толку, а на чём на базу полетим?

— Ничего, Боря, — хлопнула я механика по плечу, — сейчас разыщем цель, сядем, потом ты достанешь из-за голенища свои запасы, и мы благополучно вернёмся домой!

Плох тот механик, который не скрывает от командира какое-то количество бензина. Вот на эти-то тайные борины запасы я и рассчитывал...

Расчётное время подошло к концу, и в этот момент под нами блеснула гладь небольшого горного озера. Недаром мы с Толей поработали над картой! Все расчёты были правильными, мы действительно четверть часа тому назад летали над самой целью. Непонятно только, почему нам не отвечали. Что ж, попробуем ещё раз, теперь я совершенно был уверен, что не ошибся местом. А раз так — разворот на сто семьдесят градусов и обратно, в котловину! Небезопасно долго болтаться здесь на высоте: можно привлечь внимание противника. А немецкие аэродромы расположены восточнее горного хребта на расстоянии, пожалуй, не более полусотни километров!

Помню, я был уверен, что трудное задание нам удастся выполнить. Но, с другой стороны, я командир корабля, на моей ответственности одиннадцать пассажиров, экипаж, самолёт и ценный груз. Мы находимся в тылу противника, в непосредственной близости с хорошо знакомыми мне по прежним полётам к партизанам немецкими истребителями, мессерами, против которых я был совершенно беззащитен. Поэтому я про себя решил так: сейчас вернусь на цель, попробую опять посигналить, покружусь над котловиной минут пятнадцать, а если никто не

отзовётся, что ж поделать, поверну домой, на базу! Бензина-то в обрез.

Снова под нами котловина и мрачные, зубчатые горы. В стороне от курса, недалеко полыхает зарево пожаров; там стреляют, там идёт бой.

Снова кружимся над чёрным провалом долины, даём зелёную ракету, сигналим. Поглядываю на часы: пять минут прошло, десять... Уходят последние минуты назначенного мною времени. Неужели вся длительная подготовка пропала даром, неужели напрасен был наш рискованный полёт, бесплодные поиски? Неужели после всего, что нам удалось проделать, возвращаться на базу несолоно хлебавши? А время истекает...

Но что это? Или мне померещилось? Нет! Раз, два, три, четыре... Десять белых световых точек с равными интервалами одна за другой зажигаются в чёрной яме под крылом. Это, —

бесспорно, освещение посадочной площадки, цель!

Но меня снова охватили сомнения. Мне не раз приходилось летать в тыл противника, но наши партизаны выкладывали совершенно иные посадочные сигналы. Они вырывали глубокие ямы и в них разводили костры. Со стороны, для немцев, огни эти были незаметны, а с воздуха лётчик их легко обнаруживал. Тут же целая иллюминация, и, повидимому, электрическая. Кто же это? Может быть, немцы, может быть, ловушка?

Передав управление Ване Угрюмову, я прошёл в пассажирскую кабину, чтобы посоветоваться с командиром десанта. Мнения наши совпали: садиться!

Пошёл на снижение. Снова знакомое уже ощущение спуска в глубокий колодец, только сейчас под нами светятся приветливые огни неведомой площадки. Приветливые ли?

Ориентируясь на светящийся старт, делаю расчёт на посадку. Сесть-то можно, но подходы очень трудные: с севера — холмистые возвышенности, с юга, кажется, совсем близко, высокие горы. Не потеряешь во-время высоты — напорешься на скалы. О заходе на второй круг, чтобы выбрать ещё какое-нибудь направление, не могло быть и речи. Решил садиться с севера...

Поднабрав немного высоту, я перевалил через возвышенность и, отвернув влево, нырнул в извилистую долину, сразу потеряв из вида огни аэродрома. Мы стали огибать пологость хребта, двигаясь ниже гребня гор. Тут нас обстреляли ружейно-пулемётным огнём: видимо, мы потревожили немецкую колонну на марше. Но меня это мало беспокоило: сейчас мы скроемся в ущелье, вход в которое надёжно, конечно, охраняется. Лишь бы ущелье это не заканчивалось тупиком!

Нервы у нас были напряжены до крайности. А вдруг сейчас напоремся на скалу? Ведь это только наше предположение, что ущелье вливается в нужную нам долину!

Высота наша в это время была двести метров над землёй, девятьсот пятьдесят над уровнем моря. Огней впереди не видно, сплошной

мрак. Всё это нормально: ведь ущелье, по которому мы летим, извивается, как змея. А по расчётам времени, цель должна явиться с минуты на минуту. Эх, была не была!..

— Шасси! — команду я механику.

— Есть шасси! — выполнив команду, отвечает Боря.

Впереди на миг мелькнули заветные огни, и снова мрак кругом. Скорость падает. Вдруг перед самым носом самолёта возникла чёрная стена, поросшая лесом: вот это сюрприз! Фары у меня уже зажжены, и я отчётливо представляю себе, что ещё несколько секунд, и я вмажусь прямо в этот лес!

Рванув на себя штурвал, я хриплым от возбуждения голосом крикнул механику:

— Форсаж!

Моторы, переведённые на максимальные обороты форсированного режима, неистово взревели, и самолёт, едва не падая, не перевалил, а скорее переполз через возвышенность. Тут я снова отчётливо увидел перед собой ярко освещённый старт.

Наступили самые напряжённые секунды перед посадкой: как бы не промазать!

— Щитки! — крикнул я механику.

Механик выпустил щитки, и мы сразу стали быстро терять высоту.

Вдруг... Гляжу и глазам своим не верю: снова старт пропал из поля зрения, а навстречу мне с бешеной скоростью мчится чёрная стена леса — ещё один барьер перед площадкой!

— Форсаж!

Штурвал на себя, и самолёт снова взмыл вверх. Благополучно перевалив через последнее препятствие, он посыпался вниз, окончательно потеряв скорость. Поддерживать её сейчас было бесполезно: машина могла свалиться на крыло, но она ещё висела на моторах.

Теперь передо мною расстилалась ровная посадочная площадка.

Механик по моей команде убрал газ, один за другим промчались под крылом огни старта. Огромным физическим напряжением удерживаю самолёт от падения... Стартовые огни остались позади, у самой границы площадки я не сел, а тяжело плюхнулся на землю.

Ну и посадочка! Увидел бы мой покойный инструктор из тамбовской лётной школы — задал бы он мне перцу; наверняка дней на пять от самостоятельных полётов отстранил бы да еще на разборе проработал бы!

Тотчас же, развернув самолёт, я стал рулить обратно в сторону, с которой я садился. Фар я не тушил, поворачивая машину то влево, то вправо, освещаю окрестности, чтобы разобратся, куда же мы сели: к врагам или к друзьям?

Гляжу, со старта мне мигают лампой, приглашают! Что ж, отрулить на линию, с которой я мог бы в любую минуту взлететь, входит в мои планы. Охотно следуя световому приглашению...

Мысли вихрем проносятся в голове: а что если это всё-таки немцы и я сам полез в ловушку? Сдаваться, что ли? Нет, дудки!

— Боря, — поспешно предупреждаю механика, — сейчас встану на старт, но ты моторов не выключай! Если это немцы, беритесь все за автоматы, газ — и поминай, как звали. Понятно? Уйдём, как полагаешь?

Борис утвердительно кивает головой и улыбается мне в ответ. Но улыбка у него делан-

ная, я ловлю себя на том, что и сам тоже естественно улыбаюсь.

Я рулю, в то время как всё население нашего самолёта напряжённо вглядывается в окна. Но ничего не видать кругом: стартовые огни уже погасили. Снопь лучей из фар самолёта вырвали из темноты лесистый холм, тот самый последний барьер перед площадкой, которому я обязан нечистой посадкой. Лампочка продолжает призывно мигать; вокруг этой то появляющейся, то исчезающей световой точки бегают и суетятся множество людей.

Я стараюсь не отвлекаться, действую спокойно, но сердце колотится бешено. Зарулив на стартовую линию, снова разворачиваю самолёт на сто восемьдесят градусов, прощупываю фарами взлётную дорожку, проверяю курс. Готово, никаких препятствий для взлёта нет!

Лопасты винтов работают на малых оборотах, отбрасывая назад слабую струю горного воздуха; в такт дыханию моторов мерно вздрагивает самолёт. Ну что ж, раз приехали, надо выходить на люди! А кто они?

Оставив механика в пилотской кабине, взял автомат и вместе с уже вооружившимися штурманом, вторым пилотом и радистом прошёл к пассажирам. Нужно принимать решение. Обычно у нас, в гражданской авиации, двери открывает радист, он же первый сходит на землю. Радиста, как и штурмана, зовут Толя.

— А ну-ка, Толя, — стараюсь я говорить шутиливо, — к своим прямым обязанностям!

Неохотно, очень неохотно Толя пошёл к двери. Перед тем, как отдать ему это распоряжение, я секунду колебался: Толя, хотя и бывал со мной в разных переделках, всё же человек гражданский, а мои пассажиры — настоящие, бывалые вояки. Но, глянув на богатырскую фигуру нашего бортрадиста, могучего, широкоплечего сибиряка, который у себя, в родной тайге, говорит, ещё в юности один на один ходил на медведя, я колебаться перестал: такой парень, даже не стреляя, прикладом автомата, а не то и просто кулаком, пожалуй, человек пять сшибёт, пока до него доберутся...

Толя нажал на ручку — дверь раскрылась. Тотчас же раздалась команда, показавшаяся нам похожей на немецкую, и лягнуло оружие. Радист инстинктивно попытался, потянув за собой дверь, которая тотчас же захлопнулась.

Повернув ко мне перекошенное лицо, Толя крикнул:

— Их там целая шеренга выстроилась!.. Фор-ма немецкая, все с автоматами! Не иначе, как влипли мы!

Всё, казалось, было ясно. Я поспешно прошёл обратно к себе в пилотскую кабину, с удовлетворением отметив, что мои пассажиры держат уже автоматы на изготовку! С такими не пропадёшь!

Когда я уже взялся за штурвал, меня вновь одолели сомнения. Неужели все наши труды пропали даром? Неужели страшная ночь над горами — пустая, хотя и не увеселительная прогулка? Ведь удрать мы всегда успеем, тем более, что в нас не стреляют. Пока не стреляют...

Одумавшись, я вернулся в кабину и снова отправил Толю к двери, на этот раз в сопровождении переводчика Федю.

— Спроси только у них: что за люди? — начал я ему.

В тот момент, когда Толя резким толчком ноги распахнул дверь, хлопнул выстрел и кверху взлетела белая ракета, мгновенно осветив площадку и строй вооружённых людей, вытянувшийся вдоль самолёта.

Федя перевёл нам ответ, прозвучавший многоголосым хором:

— Греческие и албанские партизаны! Добро пожаловать, русские гости!

Догорающая ракета ярко осветила мужественные лица. Неизвестные люди стояли «смирно», сохраняя строй. Большая часть из них была одета в сине-зелёную форму, все вооружены до зубов. Они продолжали что-то кричать нам, но шум работающих моторов заглушал их голоса. Я приказал механику выключить один из моторов, второй оставил — на всякий случай: у меня на душе всё ещё было не совсем спокойно...

Спустив трап, с автоматами на шее мы стали один за другим сходить на землю. Тут снова прозвучала незнакомая команда, неизвестные люди, стоящие перед нами, взяли автоматы на изготовку. И мы судорожно вцепились в своё оружие. Грянул залп, но не в нас, а в воздух! Потом прозвучало троекратное «Эввива!» — «Ура!».

У всех у нас отлегло от сердца, теперь сомнений не оставалось: перед нами выстроился почётный караул, залп был приветственный. Мы у своих!

От строя отделился невысокого роста, сухощавый человек. Он был в особенно аккуратно пригнанной форме, перетянут португеей. Человек этот был ещё не стар, но виски его успели изрядно поседеть; на строгом, аскетическом лице, как угли, горели чёрные глаза.

Отрекомендовавшись командиром греческого партизанского отряда, он рассказал, что нас узнали по красным звёздам на крыльях самолёта. Когда командир выразил свою радость по поводу прибытия первых посланцев великой Страны Советов, голос его дрогнул. Недолго думая, старший среди наших пассажиров, майор Иванов, заключил партизана в свои объятия.

Тут строй дрогнул, всё смешалось. Не помню уж, сколько рук я пожал, сколько получил и роздал поцелуев. Мы все, и хозяева и гости, были как пьяные от охватившей нас буйной радости.

Посыпались взаимные расспросы. Ну и досталось же Феде, нашему переводчику! Его буквально раздирали на части. Но зато и ухаживали за ним больше, чем за остальными: без него нельзя было обойтись, всем хотелось поговорить, а ведь и мы и они были без языка...

Началась выгрузка. Нам нужно было спешить, чтобы на обратном пути пересечь линию фронта под покровом ночи. Разгружали самолёт и гости и хозяева.

У меня были с собой папиросы «Москва — Волга». Заметив, что почти все партизаны курят, я стал угощать их. Вокруг меня сразу сгрудились люди, каждый хотел получить папиросу, даже коробку, и ту у меня отобрали. Те, которым папирос не досталось, окружили счастливых: каждая папироса переходила из рук в руки, её рассматривали, пробовали прочесть золочёную надпись на гильзе. Но, к моему удивлению, никто не закуривал: владелец советской папиросы, вдоволь насмотревшись на неё, бережно закладывал её за отворот пилотки.

Досада взяла меня: ну и дал же я маху! Греки курят только сигареты или трубки, к нашим гильзам с твёрдым мундштуком они непривычны. Но неужели им неинтересно попробовать?

Поймав пробегающего мимо Федю, я с его помощью задал этот недоуменный вопрос одному из партизан. Тот дружелюбно хлопнул меня по плечу.

— Напрасно беспокоитесь, — перевёл мне Федя, — очень хорошие папиросы, просто замечательные! Но пока мы будем беречь их и закурим все сразу в день победы!

Наступил момент расставания. Партизаны окружили самолёт тесным кольцом. Федя не успевал переводить: они просили передать привет Москве, приглашали посетить их на освобождённой албанской земле, выкрикивали дружеские пожелания.

Командир партизан долго не отпускал моей руки: всё просил прилетать почаще.

Особенно трогательным было наше прощание с советскими людьми; слёзы стояли у нас на глазах. Переживания этой ночи сблизили нас. Им предстояли теперь трудные переходы по горам, стычки с немецкими карательными отрядами, вся боевая страда партизанской жизни, нам — новые полёты в тыл врага.

Перед последним рукопожатием майор Иванов сунул мне листок из блокнота.

— Вот адрес... Попадёшь раньше меня в Москву, зайди к жене и дочери, расскажи про меня!

Мы обнялись и расцеловались, обещав друг другу обязательно встретиться снова.

Экипаж занял места. Снова зажглись огни старта. Фары освещали гладкую взлётную дорожку, очертания ближних гор, затянутых дымкой предутреннего тумана. Моторы запущены, крутятся лопасти винтов, отбрасывая назад мощную струю воздуха. В свете фар мечутся командиры, освобождая площадку. Партизаны никак не хотят отходить от самолёта, рискуя попасть под винт.

— К взлёту готовы?

— Готовы к взлёту!

Рёв моторов на взлётной мощности отозвался в горах тысячеголосым эхом, за хвостом взвился столб пыльного вихря. Я отпустил тормоза, и облегчённый самолёт после короткого пробега легко взмыл в воздух. Теперь домой, на базу!

Разворот, ещё разворот... Самолёт послушно набирает высоту, спирально выбираясь из глубокого колодца. Вот гребни гор уже под нами, высота наша — две с половиной тысячи метров.

Тут неожиданно меня огородил механик:

— Командир! На обратную дорогу горячего не хватит!

— Где же ты был раньше, чёрт бы тебя побрал! — не выдержал я.

Ну что ж, не хватит на изломанный маршрут, как летели сюда, — полетим по прямой: известно, что она является кратчайшим расстоянием между двумя точками...

Настроение у экипажа, как это всегда бывает после выполненного боевого задания, приподнятое. Материк остался позади, мы вышли на Адриатику. Штурман быстро произвёл расчёт на кратчайшую трассу, я положил самолёт на уточнённый курс. Мерное гудение моторов убаюкивает. Но дремать не приходится: мы летим над линией фронта, над ничьим морем. Ещё когда мы покидали побережье Греции, какая-то вражеская батарея, проснувшись, проводила нас залпом зениток. Но мы были уже вне пределов досягаемости.

Облегчённый самолёт стремительно рассекал плоскостями воздух, направляясь к итальянскому берегу. Далеко на юге падали над морем ме-

теориты, вычерчивая на фоне чёрного неба свещающуюся дугу, словно след от трассирующих пуль.

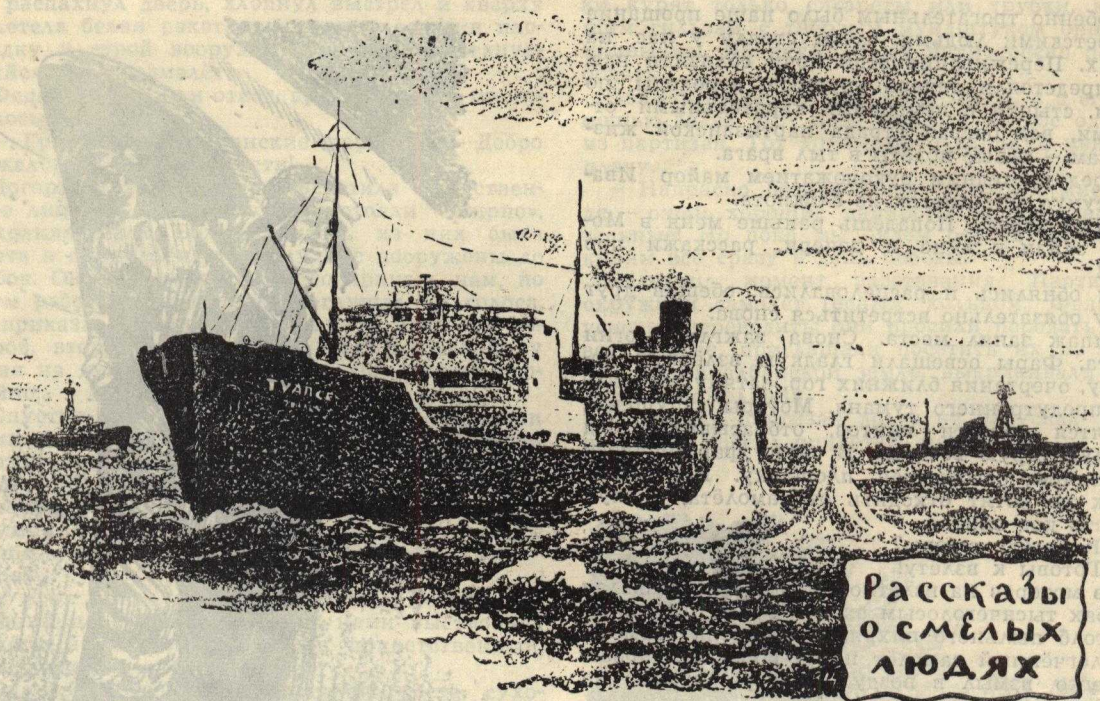
Толя всё время держал надёжную связь с нашей базой в Бари, так что курс мы держали точно. Он даже ухитрился связаться с Москвой и сообщить, что мы благополучно возвращаемся с выполненного задания.

Потом восток порозовел. Клоузы тумана проплывали под нами, поднимаясь с зеркальной водной глади. При свете утренней зари море казалось густосиним, только итальянский берег очерчен был светлозелёной каёмкой просвечивающих сквозь прозрачную воду водорослей.

Когда мы селились в Бари, из-за горизонта показался краешек солнца.

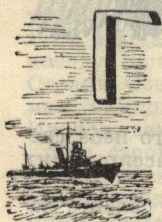
Через час мы все спали мёртвым сном...

Радист танкера «Туапсе»

Анатолий Аграновский

Главное — сохранить спокойствие. Что бы там ни происходило снаружи, за пределами рубки, его дело — работать. Радиограмма должна быть передана в Москву.

Миша не слышит шума, не видит ничего вокруг, он привычно выстукивает ключом:

«В широте 19 градусов 55 минут Северной и долготе 120 градусов 23 минуты Восточной военные корабли требуют остановить ход. В случае невыполнения угрожают открыть огонь. Прошу следить за мной. Капитан Калинин».

Через мгновение Миша слышит ответ: «Радиограмма танкера «Туапсе» принята». Он аккуратно, как всегда, записывает в журнал номер радиограммы, количество слов и ответ Москвы. В это время раздаётся первый залп, и море близ танкера всплескивается от взрывов.

Миша кидается на мостик. Стреляют кормовые орудия идущего к «Туапсе» неизвестного военного корабля — эсминца. С другой стороны к танкеру подходит корвет американского типа. Да что они, с ума сошли? Ведь сейчас не война...

Радиста останавливает помполит Кузнецов:

— Миша, как у тебя с комсомольскими делами?

— В порядке, Дмитрий Павлович, — охотно отвечает Миша; его избрали секретарём судовой комсомольской организации, и он гордится тем, что дела у него ведутся образцово.

— Да нет, — говорит Кузнецов. — Меры принял?

— Какие меры?

— Поди уничтожь!

И Миша скатывается по трапу, бежит на спардек, в свою каюту — рвать на мелкие клочки и сбрасывать в свинцовую воду Южно-Китайского моря ведомости по уплате членских взносов, протоколы собраний, списки комсомольцев.

На палубу танкера уже высадился десант — сотня чанкайшистских головорезов, вооружённых автоматами, револьверами, карабинами, гранатами. А моряки безоружны, и их всего сорок девять человек. Пираты начинают сгонять моряков в одно место, на корму судна.

Когда Мишу в первый раз грубо толкают в спину, он, весь спружинившись, сжимает

кулаки и кидается на бандитов. Но в грудь ему упираются острия штыков, на руках его защёлкиваются наручники. Они хитро устроены: при каждом движении рук сжимаются сильнее, до боли сдавливая запястья. И Миша, сдерживая крик, идёт по переходному мостику к корме. Главное — сохранить спокойствие...

Всё это случилось в открытом море, в 125 милях южнее острова Тайвань, 23 июня 1954 года. В тот же день радиграмма, переданная радистом танкера «Туапсе», стала известна руководителям Советского правительства. И уже на следующий день господин Чарльз Болен, посол США в Москве, был приглашён в Министерство иностранных дел СССР. Ему вручили ноту по поводу захвата торгового советского корабля в водах, контролируемых военно-морским флотом США.

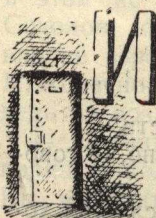
«Советское Правительство, — говорилось в ноте, — ожидает, что Правительством Соединённых Штатов Америки... будут предприняты меры к немедленному возврату судна, его груза и команды».

Началась борьба Советского государства за освобождение моряков — борьба длительная, настойчивая, упорная.

Всего этого, разумеется, не знал Миша, когда его держали в чанкайшистских застен-

ках на острове Тайвань. Но он знал главное: радиграмма Москвой принята, Родине известно о нападении на их судно. А раз так, — значит, их не оставят в беде. Их обязательно выручат.

Надо только держаться.

Миша держался.

Друзья на судне прозвали его «Болт». И фамилия у него была Болтунов, и вообще это прозвище подходило к нему. Миша был маленький, меньше всех в команде, мускулистый, ладный. На прозвище он не обижался: «А что? Помнишь, как Сталин о винтиках говорил? Самые важнейшие люди».

Когда чанкайшисты избили Мишу и вслед за тем предложили ему «добровольно» избрать «свободу» (так они именовали предательство), он ясно изложил им свою точку зрения на сей счёт.

— Свободу, — сказал Миша, — нам завоевали в 1917 году наши отцы и деды. И с тех пор мы свободны. И никакой другой, а тем более вашей «свободы» я не желаю.

Злющий полковник, который вёл допрос, очень интересовался родными радиста: откуда родом, где работают, где живут?

— В Советском Союзе, — ответил Миша.

— В каком месте? — закричал чанкайшист.

— В Советском Союзе, — спокойно повторил Миша. — Зачем вам место?

Он так и не ответил им, хотя в биографии его ничего не было особенного: Миша был такой, как все.

Откуда родом? Рязанский. И нос у него рязанский, кверху. Кто отец с матерью? Колхозники. И сам был колхозником, пока не пошёл на флот. Когда бежал в пятый класс, учитель задал сочинение на тему «Кем ты хочешь быть?» Миша написал: лётчиком. Это было вскоре после знаменитого перелёта из Москвы через Северный полюс в Америку, и все мальчишки мечтали быть, «как Чкалов». Потом наслушался рассказов деда — бывшего матроса с броненосца «Потёмкин» — и приехавших в отпуск в деревню дяди Митрия и дяди Якова, моряков-черноморцев. И Миша решил, что самое интересное дело на свете — плавать по морям и океанам.

— Советую вам всё же подумать над своим положением, господин Болтунов, — говорит полковник.

Миша Болтунов.

— Я думаю, — отвечает Миша. — Много думаю.

— В таком случае, надеюсь, вы одумаетесь и будете отвечать нам.

— А я надеюсь, — говорит Миша, — что вы оставите меня в покое.

Молчание.

— Вы служили в армии? — следует новый вопрос.

— Служил.

— В какой части?

— В энской.

— Извольте назвать номер части!

— Этого вам знать не положено, — говорит Миша.

Он служил в танковых частях, служил хорошо, получил две благодарности командующего. Но врагам он ничего не скажет. И он молчит, хотя полковник, и второй офицер, переводчик, и третий офицер, стенографирующий допрос, долго орут на него, топая ногами, стучат по столу рукоятками револьверов.

— Нам известно, — шипит чанкайшист, — что вы комсомолец, господин Болтунов! Но мы простим вам это, если вы проявите лояльность и будете отвечать на вопросы. Отвечайте: вы комсомолец или нет?

— Вам ведь известно, — возражает Миша. — Зачем же спрашиваете?

Спокойствие радиста бесит тюремщиков.

— Ты будешь отвечать?! Ты что, думаешь, отпустим тебя? Чтоб ты, вернувшись, взял винтовку против нас! Да? Не будет этого!

В затылок Мише дышит вооружённый жандарм.

— Ты у меня заговоришь! — рычит полковник. — У нас на Тайване есть способы любому развязать язык. Ты будешь говорить? Я сгною тебя в тюрьме! Отвечай!

Миша Болтунов поднимается с места и говорит спокойно:

— Ты на меня не кричи. Я тебе не раб, а гражданин Советского Союза!

А, он гражданин Советского Союза и будет всегда помнить об этом, что бы они ни делали с ним. И будет спокоен, хоть они тут все лопнут от злости. Будет спокоен, несмотря ни на что!

...Рано утром раздаётся скрежет засовов, и в дверях камеры появляются переводчик по кличке «Ян» и Лю, жандармский офицер связи в чине капитана, которого моряки прозвали «Палачом».

В камере всего пять человек. С первых дней плена их отделили от капитана Калинина, от помполита Кузнецова. Потом капитан Лю одного за другим увёз ещё несколько человек. Куда — неизвестно. Известно лишь одно: те, за кем является этот жандарм, уже не возвращаются назад.

Пленники молча смотрят на вошедших. Пётр Бабенко, рослый украинец, продолжает свои физкультурные упражнения: он делает зарядку каждое утро. Иван Павленко, рулевой, угрюмо молчит. Павел Леонов, третий помощник капитана, демонстративно ложится на свою койку.

— Болтунов, — говорит переводчик.

— Вещи брать? — спокойно спрашивает Миша.

Он выходит вслед за Палачом. Тот молчит. Капитан Лю всегда молчит, только смотрит исподлобья, и от взгляда его, откровенно ненавидящего, становится не по себе. На улице жандарм жестом приказывает Мише сесть в машину «джип» темно-вишнёвого цвета.

Машина мчится по тесным, грязным улицам портового города. Кули и рикши испуганно шарахаются в стороны, пропуская темновишнёвый «джип». «Видно, знают, что жандармский автомобиль», — думает Миша.

Город остаётся позади, мимо бегут, покачиваясь и приседая, кокосовые пальмы, бананы, ещё какие-то пышные растения тропиков. Наконец «джип» останавливается у белой виллы, стоящей в уединённом месте. Мишу ведут в дом.

Навстречу Мише из противоположной двери роскошно обставленной комнаты выходит высокий мужчина с длинным лицом в тёмном, хорошо сшитом костюме. Он приветливо улыбается.

— Здравствуйте, дорогой соотечественник! Миша руки ему не подаёт.

— Давайте знакомиться, — продолжает незнакомец. — Моя фамилия — Соколов. Я приехал из Америки специально по вашему делу. Чтобы посылить помочь вам, русским людям, попавшим в беду...

— Нам поможет наше правительство, — говорит Миша.

Господин Соколов внимательно смотрит на него.

— Знаете, я проголодался, — как ни в чём не бывало произносит он. — Составьте мне компанию. Пива, водки?

— Благодарю, я сыт, — вежливо отвечает маленький радист; последний раз он был сыт больше месяца назад.

Господин Соколов отодвигает ширму, и Миша видит стол, заставленный всевозможными яствами.

— Бросьте! — улыбается Соколов. — Давайте подкрепимся. А то эти азиаты, они только чай пьют.

— Не буду, — говорит Миша.

Господин Соколов прохаживается по комнате, внимательно изучая стоящего перед ним моряка. Должно быть, он думает, что ему легко будет справиться с этим юнцом: уговорить, подкупить, запугать. И самым вкрадчивым голосом провокатор начинает беседу — беседу, в которой его ложь сталкивается с правдой этого курносого рязанского паренька.

Господин Соколов говорит, что ему, мол, очень жаль молодого человека. Ведь молодой человек попал в тяжёлое положение. Через несколько дней начинается третья мировая война, и тогда уж никому не удастся вырвать господина Болтунова из рук «разъярённых азиатов». Поэтому пусть он решает быстрее. У него есть прекрасный выход: брать «свободу» и уехать в Америку...

— Знаете что, — говорит Миша, — во-первых, если хотите воевать, воюйте. Только народы мира вам воевать всё равно не дадут. Вы и не мечтайте! А если и начнёте войну, вам же будет хуже.

Господин Соколов после минутного молчания начинает подбираться к моряку с другой стороны. Он говорит, что возврата на родину быть не может. Даже, если бы господину Болтунову удалось вернуться в Советскую Россию, ему там никто не поверит, его всё равно будут считать изменником. И его расстреляют или сошлют в Сибирь. А у него вся жизнь впереди.

— Пусть это вас меньше всего беспокоит, — спокойно говорит Миша. — О себе мы как-нибудь позаботимся сами.

Новая пауза, и господин Соколов вновь начинает плести свою паутину. Он говорит о том, что у господина Болтунова всё равно нет другого выхода: рано или поздно он выберет «свободу». Иначе его будут держать в тюрьме всю жизнь. А тюрьма даром не проходит. Здесь он лишится самого дорогого — здоровья. Между тем он может отлично жить в Штатах, там его карьера обеспечена. Он радист, не так ли? Ну вот, если он откажется «добровольно» от возвращения в Россию, ему дадут много денег — сто тысяч долларов. И он станет владельцем радиозавода. А?.. Напрасно господин Болтунов думает, что только в России можно жить. Вот он, Соколов, ещё мальчиком попал в

Америку и живёт там очень хорошо. Одет прилично, имеет собственный автомобиль.

Миша смотрит на провокатора. В серых спокойных глазах радиста нет ни страха, ни даже негодования — одна только безгильность.

— Да... — задумчиво говорит он. — Вас, конечно, маленьким увезли, и вы, конечно, в этом не виноваты. Но сейчас, господин Соколов, вы уже выросли. И вы теперь вполне взрослый изменник своей родины. И, конечно, вы трусите. В случае чего вам ведь не поздоровится.

— Молчать! — срывается «ласковый» господин Соколов. — Ложь! Это вы трусите! Вы, вы боитесь!

На крик вбегают жандармы. Палач молча выхватывает револьвер и наставляет его на радиста. Остальные стоят с автоматами у окон, у дверей. Миша даже не смотрит на них.

— Чего же мне бояться? — говорит он. — Я ведь не предатель своей Родины. За меня вся страна заступится — двести миллионов человек!

Болт попрежнему спокоен.

Он был спокоен все тринадцать месяцев плена. Чанкайшистов бесило его спокойствие. Они бросали Мишу в одиночки, морили голодом, держали на солнцепёке в тропическую жару, не давали ему пить, грозили смертью, а он всё равно держался. И был, несмотря ни на что, спокоен. Таково было оружие этого парня, который мужественно боролся за право называть себя советским человеком.

В одиночке — тесной каморке с цементным полом, цементными стенами и решётчатым окном — Миша начал вести дневник. У него случайно сохранились два листочка из блокнота и огрызок карандаша. Многого тут не запишешь, он записывал главное.

«5. VIII. Д-1. 5-00-13» — это значило: «5 августа меня допрашивали и после этого посадили в одиночку. Возили на машине № 5-00-13».

Миша во всём любил порядок. Заметив, что пленников всегда возят на машинах темновишнёвого цвета, он сделал вывод: это машины контрразведки Чан Кай-ши. И начал записывать номера машин. Их оказалось около четырёх десятков. Зачем он это делал? Так, на всякий случай. Может, в будущем пригодится...

28 сентября в дневнике Миши Болтунова появилась новая запись: «9. IX. Пу. Приказ В. — П». Это расшифровывалось так.

В середине дня в одиночку приехал тучный чанкайшистский генерал Пу в сопровождении целой своры офицеров. Миша в это время лежал на койке. У него было хорошее настроение. Тому было много причин. Утром жандарм Ху-ан принёс ему книгу, опечатанную казённой бандеролью. Это был однотомник Лермонтова — одна из книг, взятых моряками с танкера. Произведения советских писателей чанкайшисты сразу изъяли, а классиков оставили. Где ж им было понять, какая патриотическая сила заключена в строках, написанных сто лет назад! Жандармы даже переносили эти книги из камеры в камеру, разумеется, тщательно перелистав их, чтоб моряки не могли обмениваться записками. Миша читал и перечитывал с детства знакомые стихи, и уже одно это было счастьем. Но вдобавок он нашёл в книге записку друга. Едва заметные царапинки то под одной буквой книжного текста, то под другой составляли слова, фразы, и постепенно Миша прочёл: «Нахожусь один с 29 августа. Привет всем. Держитесь. Леонов».

Вот почему у Миши Болтунова было хорошее настроение, когда в камеру вошли чанкайшисты. Он встал с койки, аккуратно закрыл книгу, внимательно посмотрел на вошедших. Генералу Пу было на вид лет шестьдесят. Русским языком генерал не владел и разговор вёл через переводчика. Прежде всего он поинтересовался, как чувствует себя маленький радист.

— Как видите, — в тон ему ответил Миша.

— Не передумали? — спрашивает Пу.

— Не старался, — отвечает Миша. — Я решаю один раз.

Генерал Пу всё ещё «отечески» улыбается. Он требует зачитать господину Болтунову приказ. Приказ военных властей Тайваня гласит, что танкер «Туапсе» и его груз «с сего дня» надлежит считать конфискованными, а команду содержать на положении военнопленных.

— Ну, — ласково спрашивает генерал, — что вы теперь думаете?

Миша отвечает раздумчиво, не торопясь: — Во-первых, вы генерал, военный человек. И уж кто-кто, а вы должны понимать, кого можно считать военнопленным, а кого нет. Это тогда военнопленный, когда он взят в бою, с оружием в руках. А мы торговые моряки, с вами не воюем и ни с кем не хотим воевать. Поэтому военноплен-

ным я себя не признаю. Во-вторых, я вообще не признаю ваших властей, у меня свой начальник есть — капитан. А значит, в-третьих, приказ ваш для меня — пустая бумажка, и я ему не подчиняюсь!

Генерал Пу начинает злиться, как злятся все чанкайшисты, которым приходится сталкиваться с этим маленьким упрямцем.

— Вы глупы, — говорит генерал. — Приказ этот объявлен вам в связи с началом третьей мировой войны. Вы теперь никому не нужны и будете сидеть в тюрьме, пока мы не покончим с коммунистами...

— По-вашему не будет! — говорит Миша. — Будет так, как думаем мы.

— Вы зря упрямитесь, — снова гнёт своё генерал. — Вас осталось мало, всего несколько человек. Остальные уже выбрали свободу. Капитан Виталий Аркадьевич Калинин женился на американке, Дмитрий Павлович Кузнецов имеет богатую виллу в Калифорнии, третий помощник, Леонов, тоже живёт в Америке... Чему вы улыбаетесь, господин Болтунов? — перебивает сам себя генерал.

— Когда мне было шесть лет, дед говорил: «Миша, не ври. Ты уже большой. Нехорошо обманывать». А вы, господин генерал, можно сказать, старик, а всё ещё не отучились.

— Молчать! — кричат офицеры.

Генерал багровеет.

— Ну, что ж, — цедит он сквозь зубы, — вы пожалеете! Самый строгий режим! Строжайший! Боюсь, господин Болтунов, вас будут плохо кормить. Это очень тяжело, господин Болтунов, когда хочется кушать.

— Ничего, — говорит Миша, — как-нибудь перебьёмся. Недолго осталось.

А когда взбешённый генерал Пу удаляется из камеры со всей своей свитой, маленький радист пишет письмо друзьям: Павлу Леонову, капитану Калинин, помполиту Кузнецову, — всем, кому попадёт в руки этот томик Лермонтова. Миша осторожно выдирает из книги проволочную скрепку, точит её о цементный пол и буква за буквой накалывает:

«Нахожусь в одиночке. Держусь. Кормят плохо. Ничего, перебьёмся как-нибудь. Привет всем. Друзья, держитесь! Скоро вернёмся. С приветом. Болт».

Потом он снова находит строки из «Мцыри», которые всё время звучали в его ушах, пока на него орали тюремщики:

И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык!

Тринадцать месяцев пробыли члены экипажа танкера «Туапсе» в чанкайшистском плену. И вот они снова среди родных и близких, среди советских людей.

И чанкайшисты ничего не могли добиться от Миши Болтунова. Он говорил то, что считал нужным говорить, и молчал, когда полагал необходимым молчать. Было тяжело. Кормить стали отвратительно. Тоненький кусочек чёрного хлеба, стакан воды и миска какого-то отвара из трав на весь день. Раз в неделю — жёсткий кусочек буйволятины. Миша похудел, почернел, потом стал пухнуть от голода. В плену у него выросла борода. Глаза стали огромными на его похудевшем лице. Теперь он почти весь день лежал на койке: ходить было трудно. Его попрежнему таскали ночью на допросы, и он попрежнему стоял на своём.

Тогда Миша многого не понимал. Менялись переводчики, менялись жандармы, менялись лица, ведущие допрос. Одни были ласковы, другие грубы, одни старались напугать его, другие — купить. Порой во время допроса очередной провокатор исчезал за ширмой, и оттуда доносился шёпот, но кто там был, радисту было неизвестно. И только много позже, на Родине, ему показали французскую газету «Монд» со статьёй журналиста Фернана Жигона, в которой рассказывалось, что американские «эксперты» руководили всей этой провокацией и, прячась за дверью, подсказывали вопросы, которые задавались советским морякам...

Простой рязанский паренёк столкнулся здесь с опытными, матёрыми контрразведчиками, мастерами лжи, шантажа, провокации. Но Миша держался стойко. Он

знал свою правду, и эта правда была сильнее их лжи.

Как-то был у него такой разговор. Вечером переводчик Ту, щуплый, болезненный мужчина в штатском (позже Миша случайно увидел его в мундире подполковника), привёл к нему в одиночку молодую китайку, тоненькую, подвижную, красивую.

— Знакомьтесь. Это моя жена, Лена. И ушёл.

— Ну, Миша, что вы думаете? — спросила она.

— Думаю, как бы поскорей вернуться на Родину.

— Да что вы! — с видимым простодушием воскликнула она. — Никогда вас не отпустят.

— Ну что ж, — сказал Миша, — тогда пойдём...

Лена, если только действительно такова была её имя, села рядом с ним и зажурчала самым нежным голоском. Она говорила, что родилась в Москве. Мать у неё русская. Жили они недалеко от Зоопарка. До революции хорошо жили, имели свои красивые. Потом коммунисты всё у её родителей отняли. Пришлось уезжать в Китай. Тоже хорошо жили, были и там у них прачечные. Опять коммунисты их прогнали. Разве это справедливо?... Она всё говорила и заглядывала Мише в глаза, и он видел, что по щекам её текут неподдельные слёзы, и на какое-то мгновение ему даже стало жалко её. И он объяснил ей очень спокойно и просто:

— Вас, Лена, и отсюда погонят. Вы же капиталисты, паразиты трудового народа. На вас другие работали. Какая же это справедливость? Вас, Лена, выгнал народ, чтоб

вы не сидели на его шее. Потому что, кто не работает, тот не ест. И это, конечно, вполне правильно.

Миша Болтунов знал свою правду, и его правда была той силой, которая помогла ему, не согнувшись, пройти через все муки чанкайшистского плена.

И вот однажды вечером, часов около пяти, начались в одиночке радиста спешные приготовления. Жандармы мыли окно, сдирали паутину со стен, скребли пол, меняли бельё. Узнику велели одеться. Миша надел брюки, рубаху, туфли.

На улице просигналил автомобиль, послышались шаги в коридоре, и в камеру вошли господин Коттан и госпожа Коттан — французский посланник на Тайване и его супруга — переводчица. Они объявили моряку, что пришли к нему по просьбе Советского правительства. Так через много месяцев после захвата Миша Болтунов впервые получил весточку с Родины. Но, привыкший ко всяким провокациям, он постарался не выдать своего волнения.

— Как вы живёте? — спросили французы.

— Как видите, — ответил Миша. — Вот моя камера, вот моя койка, вот мой охранник сидит — Ху-ан.

— В чём вы нуждаетесь? Какие у вас просьбы? — Посланник сочувственно смотрит на измождённого бородатого юношу, сидящего в этой сумрачной камере.

— Просьбы? — переспрашивает Миша. — Во-первых, чтобы меня соединили с моими товарищами. Во-вторых, чтобы всех нас вернули на Родину. И потом, скажите, как себя чувствуют капитан Калинин, старший помощник Меркулов, первый помощник Кузнецов?

— Они чувствуют себя неплохо, — говорит француз. — Мы их посетили и беседовали с ними.

— Скажите, — спрашивает госпожа Коттан, — вы всё время в одиночке? И никуда не ходили? Почему? Вам ведь предлагали пойти в кино, в ресторан, не правда ли?

Миша смотрит на любопытную француженку: что она, маленькая, что ли? Но как ей объяснишь. Ведь тут кругом обман, кругом провокации... Ещё обидится. Всё-таки, что ни говори, это дипломатия.

— Видите ли, госпожа Коттан, — очень вежливо объясняет Миша, — как писал известный французский писатель Жюль Верн в романе «Восемьдесят тысяч километров под водой»: «Где есть принуждение, там не может быть удовольствия».

— О! — восклицает француженка. — Я понимаю вас. Но иногда ведь приходится, ну, просто для поддержки духа...

— Зачем? — говорит маленький радист. — Морально я чувствую себя превосходно. Физически, правда, плоховато, но уверен: выдержу всё до конца.

Французский посланник с удивлением смотрит на моряка. Видно, его поразила стойкость этих измученных людей, которые все держатся так же, как этот юноша.

— Извините, мы торопимся к вашим друзьям, — говорит он, поднимаясь с места. — Я уполномочен заявить всем: если вы желаете вернуться в СССР, то вы вернётесь.

Голова у радиста кружится, глаза застилает какая-то пелена. Он берётся рукой за стену, чтобы не упасть. И говорит гостям негромко, очень спокойно:

— А я в этом и не сомневался.

Помните ли вы, ребята, картину «Тачанка»? Раскалённая, выжженная солнцем степь, ни облачка в бледном от зноя небе, и дикие кони в клубах пыли мчат пулемётную тачанку, удалую тачанку, о которой столько сложено песен.

Эту картину написал замечательный советский художник М. Греков, рассказывавший нам в своих картинах о гражданской войне, о её героях, о боях за молодую Советскую власть, о Красной Армии, славной защитнице революции.

Среди советских художников есть много последователей Грекова. Свои картины они посвящают темам Советской Армии, показывают мужество и душевную красоту советского солдата. Эти художники объединены в творческий коллектив, который называется студией имени М. Грекова.

Многие художники студии имени Грекова — участники Великой Отечественной войны. Атаки и штурмы на их полотнах — это атаки и штурмы, в которых они сами сражались. Задушевные сценки на привалах, в минуты отдыха, они видели своими глазами, отогреваясь у походного фронтового костра.

И теперь, в мирное время, художники-грековцы неразрывно связаны с Советской Армией. Они с солдатами на ученье, на привале, в походе.

Мы помещаем в этом номере три картины художников студии Грекова.

«Солдатская песня» — так называется картина П. Жигимонта. Идут солдаты по деревенской улице. С увлечением маршируют под их песню мальчишки, в мечтах уже представляя себя мужественными бойцами. Кто из наших мальчишек не мечтает об этом? Кто из взрослых, глядя на проходящий полк, не думает с гордостью о братьях и сыновьях, одевших славную форму советского солдата?

А вот картина А. Бантикова «На баке». Перед нами будни боевого корабля. У матросов короткий «перекур». Робы из суровой холстины, молоток, оставленный на палубе, ведёрко с суриком — всё говорит, что минуту назад здесь кипела работа. И вот сидят матросы и слушают, что читает товарищ. Может, это — письмо из дому, а может, хлёсткая заметка в корабельную стенгазету.

На обороте страницы вы видите картину художника М. Самсонова «Сестрица». Сколько тепла, сколько задушевного чувства в этом слове — «сестрица»! Смелые, самоотверженные сёстры и санитарки! Не страшась смерти, спасали они жизнь своим боевым товарищам... Одна из них — героиня этой картины.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ.

П. Жигимонт.

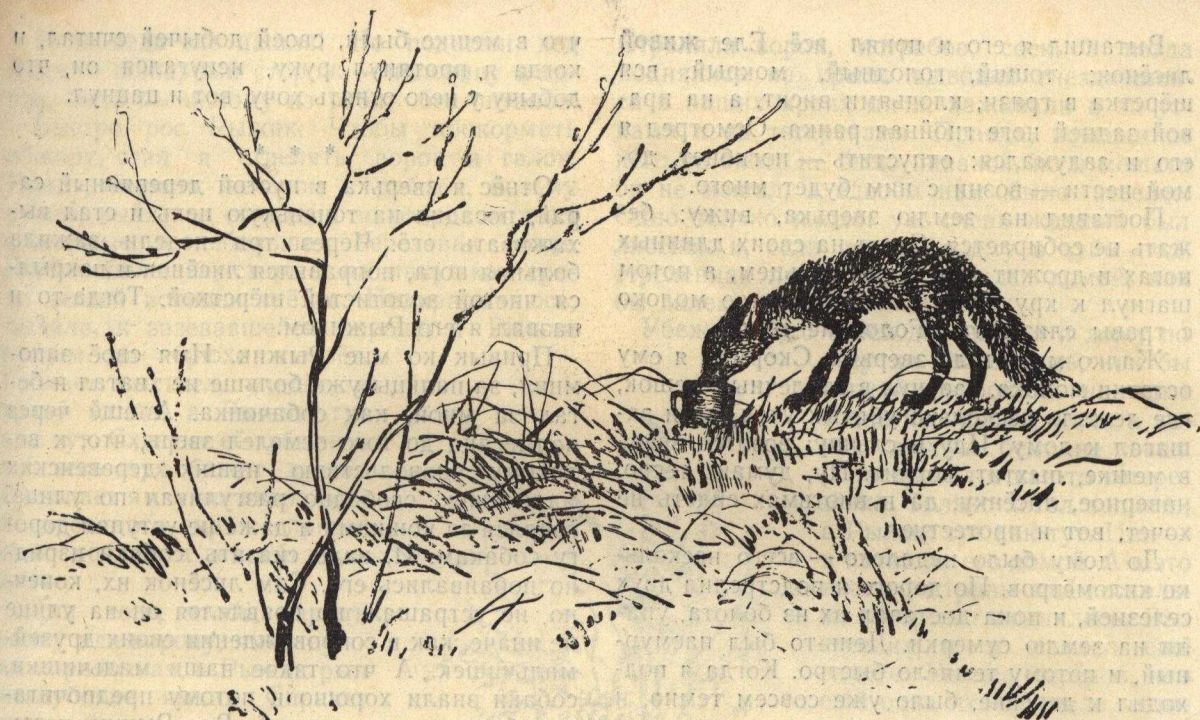
НА БАКЕ.

А. Бантиков.

СЕСТРИЦА.

М. Самсонов.

Рыжик

Рассказ охотника

Анатолий Ильес

Рисунки Ф. Глебова.

Как-то весной во время охоты, устав и изрядно проголодавшись, я сидел на берегу небольшого лесного озера.

Налил кружку молока из фляги, очистил яйцо, сало порезал, сижу, закусываю. Дело к вечеру. Дождик собирается. Тишина. Вижу, в стороне, там, где из озера выбивается ручеек, заколыхалась трава.

Кружку на землю, ружьё в руки да так, с непроглеченным куском за щекой, и ползу. Подполз поближе, привстал за кустом — нет ничего. Заполз с другой стороны, всматриваюсь — берег пуст. Подождал, послушал — тихо. Ну, думаю, показалось, наверное. Прислушался ещё разок, вдруг слышу: лакает кто-то. Оглянулся... и вижу: стоит у моей кружки какой-то зверь, поменьше кошки, только ноги длинные, и лакает молоко. Поднял зверь мордочку, облизался и опять за молоко.

Я решил поймать вора. Прячась за кустами, пробрался к воде, отложил в сторону ружьё, отстегнул патронташ, чтобы не мешал, и приготовил фуфайку. Вошёл осто-

рожно в воду, подкрался, пригибаясь, из-за крутого, обрывистого бережка — и хлоп фуфайкой!

— Есть! Попался!

Прижимаю ворышку к земле и думаю: начнёт сейчас зверь рваться, на волю выбираться, фуфайку рвать, руки кусать! А он лежит себе, не шелохнётся. Уж не убил ли я его сгоряча?

Поднял край фуфайки: из-за опрокинутой кружки выглянула маленькая лисья мордочка.

Много в моих руках разных зверюшек перебывало. Много наблюдал я их у гнёзд, у водопоев и в местах, где они кормятся. Обычно я зверя большого и малого тотчас узнаю, а лисёнка этого издали не узнал. Что за притча, да и как он здесь очутился, когда лисятам полагается в это время года в норах сидеть? Сунул руку под фуфайку, взял ворышку за шиворот, вытащил. Обычно лисята сопротивляются, рычат, визжат, за руку ухватиться стараются, а этот только жалобно смотрит.

Вытащил я его и понял всё. Еле живой лисёнок: тощий, голодный, мокрый, вся шерстка в грязи, клочьями висит, а на правой задней ноге гнойная ранка. Осмотрел я его и задумался: отпустить — погибнет, до мой нести — возни с ним будет много.

Поставил на землю зверька, вижу: бежать не собирается. Стоит на своих длинных ногах и дрожит худеньким тельцем, а потом шагнул к кружке и давай пролитое молоко с травы слизывать. Голод не тётка!

Жалко мне стало зверька. Скормил я ему остатки молока, засунул в заплечный мешок, где лежало несколько убитых уток, да и зашагал к дому. Иду и слышу: возится зверь в мешке, пыхтит, ворчит. Ну, думаю, тесно, наверное, лисёнку, да и впотьмах сидеть не хочет, вот и протестует.

До дому было недалеко — всего несколько километров. По дороге я подстрелил двух селезней, и пока доставал их из болота, упали на землю сумерки. День-то был пасмурный, и потому темнело быстро. Когда я подходил к деревне, было уже совсем темно, и в избах горел свет.

Снял я дома мешок, развязал.

— Ну,— говорю,— пришли, вылезай!

А в мешке тихо, не шелохнётся зверь.

— Вылезай, вылезай! — говорю.

И вдруг слышу: «Ррр...» Обиделся, думаю, что я его в мешке прокатил. И только протянул руку, чтобы приласкать обиженного зверька, а он цап за палец. До крови укусил, разбойник! Рассердился я и вытряхнул лисёнка из мешка вместе с утками.

Упали на пол утки, у одной голова объедена, у другой крыло изжёвано, а у третьей весь бок ошипан и обглодан. Лисёнок тут же стоит — грязный, помятый, живот раздут, и вся морда в пуху. Стоит, жмурится от электрического света и ворчит.

Понял я тогда, отчего лисёнок из мешка не вылезал и почему меня за палец зубами хватил. Наголодался он сильно, а этих уток,

что в мешке были, своей добычей считал, и когда я протянул руку, испугался он, что добычу у него отнять хочу, вот и цапнул.

* * *

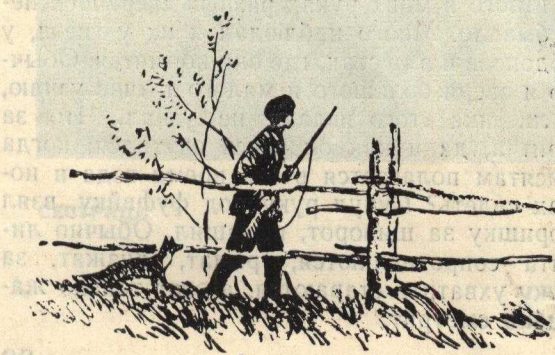
Отнёс я зверька в пустой деревянный сарай, посадил на тоненькую цепь и стал выхаживать его. Через три недели зажила больная нога, поправился лисёнок и покрылся чистой золотистой шерсткой. Тогда-то и назвал я его Рыжиком.

Привык ко мне Рыжик. Имя своё запомнил, за пальцы уже больше не хватал и бегал за мной, как собачонка. А ещё через полмесяца до того осмелел зверь, что, к великому удовольствию наших деревенских мальчишек, свободно разгуливал по улице, гонялся за кошками и даже не уступал дорогу собакам. И, надо сказать, собаки изрядно побаивались его. Сам лисёнок их, конечно, не устрасал, но появлялся он на улице не иначе, как в сопровождении своих дружок-мальчишек. А что такое наши мальчишки, собаки знали хорошо и потому предпочитали обходить их стороной. Вот Рыжик и вышагивал бесстрашно, задрав хвост, навстречу какому-нибудь Шарику или Бобику, с явным удовольствием наблюдая, как собаки шарахаются в стороны при его появлении.

Очень любили его мальчишки! И даже игру такую выдумали. Бросят Рыжику шапку, а он подхватит её и во весь дух мчится прятать. Засунет шапку куда-нибудь за камень или в траву и появляется с видом победителя, будто хочет сказать: «Я своё дело сделал, теперь ваша очередь, попробуйте, найдите». Мальчишки, конечно, шапку отыщут и снова бросят Рыжику. Только однажды принёс кто-то из ребят новую отцовскую кепку, а Рыжик возьми да и затащи её под колхозный амбар. А откуда разве достанешь? Так и пропала кепка.

После этого случая ребята придумали другую игру. Они решили соревноваться с Рыжиком в плавании. Разделись на траве возле реки, попрыгали в воду и поплыли к другому берегу. Ну, Рыжик, конечно, плывёт следом. Ребята обратно, и Рыжик с ними. Потом надоело, видно, лисёнку плавать. Вылез он на берег и затеял старую игру. Так как шапок не было, схватил он первые попавшиеся штаны и, путаясь в них, поволок прятать. Не успели ребята и охнуть, как он нырнул со штанами под пожарный сарай.

Повыскакивали ребята из воды, столпились у сарая, думают, что делать. А Рыжик носится вокруг них, будто дразнит: «Попробуйте, найдите».

И то ведь еле нашли! Не подними дед Аким — пожарный сторож — половицу в сарае, быть бы одному из ребят без штанов.

Быстро рос Рыжик. Чтобы прокормить обжору, стал я стрелять ворон и галок. Приду, бывало, вечером с работы, возьму ружьё, выйду за огород, а за огородом поля колхозные и небольшая берёзовая роща. Берёзы большие, старые, на макушках среди ветвей вороны гнезда. Подкрадываюсь, бывало, к зазевавшейся вороне, и Рыжик следом на брюхе ползёт. Грохнет выстрел, упадёт в траву птица, а Рыжик тут как тут. Схватит её зубами и во весь дух бежит домой. Выкопает ямку во дворе возле дровяного сарая, спрячет свою добычу и землёй закидает.

Для того, чтобы зарыть галку или ворону, ямка нужна порядочная, а Рыжик рыл неглубокие ямки. Спрячет птицу в ямку, закидает кое-как землёй, а птица почти вся на виду. Но Рыжика это не смущало. Вскоре он возвращался в рощу и, если мне удавалось убить ещё одну ворону, снова убегал с добычей, чтобы зарыть её впрямь возле дровяного сарая. Днём лисёнок не дотрагивался до еды, зато ночью у него появлялся такой аппетит, что к утру от птиц оставались только перья да косточки. Если во время ночного лисьего пиршества мимо двора проходил чужой человек или пробегала собака, Рыжик громко рычал и издавал злые, похожие на кашель звуки — лаял.

К ружейной пальбе он привык не сразу и первое время с опаской поглядывал на ружьё, отскакивая в сторону при выстреле. Однако охотник он был страстный, и, бывало, как только возьму ружьё, Рыжик, чем бы он ни занимался, бросается ко мне и начинает прыгать на грудь от радости.

Много бродили мы с Рыжиком по полям и лесам.

Стреляли ворон, ястребов, соек, а когда поднялись на крыло выводки гнездившейся в наших краях дичи, хаживали и за утками и за тетеревами. Правда, помощи от него на охоте не было никакой, но и мешать он не мешал, а вдвоём нам было веселее. Одно только плохо: уж очень жадный был лисёнок и, если попадала ему в зубы подстреленная птица, сразу мчался домой, как бы далеко ни было от дому.

Убежит он со своей добычей, а я хожу по лесу да беспокоюсь, как бы рыжий разбойник на злых собак не наварлся или в какую другую беду не попал.

Застрелил я как-то тетерева. Только хотел поднять, а Рыжик тут как тут. Цап — и потащил его домой. А в это время из травы ещё несколько тетеревят поднялось. Выстрелил я и свалил ещё одного. Увидел лисёнок, что ещё одна птица упала, остановился на миг — и обратно.

Дай, думаю, посмотрю, как он с двумя большими птицами справится. Вижу, ничего у него не получается. Ухватит одну птицу — другая в траве лежит. Постоит, подумает, выпустит ту, что в зубах была, и берётся за вторую. Отбежит на несколько шагов и вернётся: жалко ему оставлять другого тетерева. Он даже заскулил с досады. Подошёл я к нему и говорю:

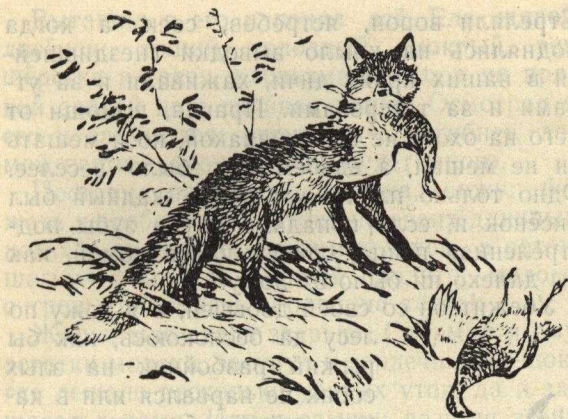
— Ну, что, жадина, теперь делать будешь?

Смотрит он на меня своими плутовскими глазами, будто совета просит.

— Ладно, — говорю, — давай помогу, если за пальцы хватать не будешь, — и взял у него птиц. За пальцы он меня давно уже не хватал, но тетеревят отдал с неохотой и даже загрустил как будто, когда я их в мешок засунул. Вот какой жадный был!

И всё-таки мы были с ним друзьями. Если, случалось, обидит его кто или напугает, — мчит, бывало, Ры-

жик ко мне, и не было случая, чтобы я не успокоил его или не защитил от обидчика.

* * *

Быстро прошло лето. Мой воспитанник превратился в большую красивую лисицу. Шуба у Рыжика пышная, мягкая, шелковистая, огненно-красного цвета, а на солнце червонным золотом отлиывает. На шее галстук белоснежный, ушки маленькие, чёрные, ноги будто в чёрных сапожках, а кончик хвоста беленький. Сам же хвост большой, пышный, как и вся шуба, золотистый, но с чернью и словно инеем слегка подёрнут от выступающих среди золота серебристых волосков. Красивый зверь!

Сижу я как-то раз дома и патроны набиваю. И Рыжик, конечно, тут же. Свернулся калачиком на коврик в соседней комнате и дремлет. На дворе конец сентября. Небо тучами заволокло. Морозит слегка.

Набиваю это я патроны и думаю: вот через несколько дней охота на зайца начинается, а охотиться не с кем. Без собаки много зайцев не набьёшь, а собаку у меня прошлой зимой волки в лесу разорвали. Грустно охотнику, если к началу сезона у него собаки нет или ружьё не в порядке.

В это время пришёл ко мне из города мой знакомый, тоже охотник. Зимой мы с ним каждую субботу встречаемся и воскресенье проводим вместе в полях да в лесах. А когда наступит мёртвый сезон — закроют на лето охоту, — он ко мне и глаз не кажет, даром что приятель. Так-то мы с ним каждый год: весной расстаёмся до осени. Охотник он неплохой: следопыт, ничего не скажешь, опытный и стреляет неплохо. Одно только нехорошо: жадноват, особенно до дичи. Всё поровит побольше набить. Попадись ему выводок запоздалый, нелётный, он не посмотрит, что птенцы пуховые и летать ещё не могут, —

всех до одного перебьёт. «Коли сезон открыт, — рассуждает, бывало, — бей, на то она и охота». А то помню ещё, на облаве это было, волчицу мы тогда с тремя прибылыми обложили. Видит он, что матёрая с выводком по дну оврага не на него, а на соседнего стрелка идёт. Вскинул ружьё — бах, бах! Это с двухсот-то метров картечью! Ни убить, ни ранить. А напугать зверя — напугал. Матёрая-то, видно, стреляная была. Махнула она через оклад, и прибылые за ней, только мы их и видели. А ведь в руках были! Вот оно как.

Да, так приходит, значит, этот старый знакомый ко мне. Посидели мы с ним, потолковали об охоте, а потом он и говорит:

— Я к тебе за помощью. Выручи, брат, пожалуйста.

— Рад, — отвечаю, — если смогу.

— Сможешь. Собаку мою ты, конечно, знаешь. По зайцу работает прекрасно, но ни лису, ни козу, ни енота не гонит. А я всё о красномоне подумываю. И вдруг узнаю сегодня, что в городе по случаю отъезда чистокровного гонца продают. Посмотрел — не собака, а загляденье.

— Молодая? — спрашиваю.

— В эту зиму первым полем пойдёт, по всем статьям добрая гончая будет. Только без пробы взять всё же опасно. Деньги за неё просят немалые, а как она за красным зверем пойдёт, неизвестно. Этого и сам хозяин не знает. Он её по зайцу наганивал, а по лисе или там по козе притравливать, говорит, не приходилось. Только собака, чую, стоящая, надёжная.

— Надёжная она или нет — это потом видно будет. А по зайцу она как себя показала?

— Зайца, рассказывает, держит крепко. Верхним чутьём идёт, гонит напористо и, главное, не теряет следа, даром что молодая.

— Что ж, это хорошо, что рассказывают. Только редко бывает, чтобы охотник добрую собаку продавал, даже по случаю отъезда. Опробовать надо.

— Сам знаю, что надо. Да вот беда: время не терпит. Хозяин собаки уезжает послезавтра.

— Так чем же я могу помочь тебе? — спрашиваю.

— Я слышал, у тебя лиса есть. Вот и думаю: может, разрешишь притравить по ней собаку, чтобы видно было, будет она красного зверя гнать или не будет?

Задумался я.

— Лиса, — говорю, — это верно, есть у меня, вон в той комнате возле кровати ле-

жит. Видишь, красавица какая?! Я её от смерти спас и сам вырастил. Не могу я её собаке доверить.

— Да ведь не догонит её собака!

— Знаю, что не догонит, а всё равно жалко. Оплошает, чего доброго, Рыжик по неопытности — ведь не в лесу вырос — и поминай как звали. Искушает, изувечит беднягу красnogон твой. Да и вся эта затея пустая. Рыжик мой, когда на него нападают, ко мне под защиту бежит во двор или в пору свою в сарае мчится. Вряд ли тебе удастся увидеть работу собаки.

— Ерунда, — уверяет приятель, — придумаем что-либо.

— Нет, — говорю, — обижайся, не обижайся, а только не могу я на это согласиться.

Вижу, загрустил мой гость. От угощения отказался. Крепко, должно быть, ему тот голец приглянулся. Долго мы с ним сидели, о разных разностях разговоры разговаривали и в конце концов снова об охоте заговорили.

— Не охотиться, видно, нам в этот сезон, — жалуется он, — собака у меня неважная, а у тебя и вовсе нет. Эх, кабы твоя Забава цела была!

— Забаву, — отвечаю, — не вернуть, а унывать — дело бесполезное. Выпадет снег, капканами зверя промышлять станем, а пока мы с Рыжиком ружьишком пробавляемся. Тетеревишек, утят постреливаем, за куропатками чуть не каждое утро ходим.

— Попадаются? — спрашивает.

— А чего ж, — говорю, — им не попадаться? Сейчас много выводов куропаточных по полям, по жнивью держится, осыпавшимся зерном да потерянными колосьями кормится.

Помолчал он, а потом и говорит:

— Приходи-ка завтра в Голубинские поля, я тебя за Старой дубравой возле скирд буду ждать. Рыжика с собой забирай и при-

ходи. Поохотимся денёк. Куропатки так куропатки, другого, видно, ждать теперь нечего.

— С чего это тебя в те поля потянуло? — удивился я.

А он уставился глазами в пол и отвечает:

— Уж больно далеко ты живёшь, туда мне ближе. И машин по той дороге больше ходит, я попрошусь на попутную и приеду.

На том мы и расстались.

* * *

На другой день, чуть только солнышко встало, я повесил на плечо ружьишко, позвал Рыжика, и, как всегда, мы пошли с ним на колхозные картофельники, а оттуда через луга, через лес, через болотце напрямик за Старую дубраву, в Голубинские поля. В тот год там огромные скирды колхозной соломы стояли, и мы с Рыжиком частенько к ним хаживали. Я на куропаток охотился, а он мышей ловил — мышковал, как говорят охотники.

Утро в тот день выдалось солнечное, весёлое. Осень золотая в полном разгаре. Воздух чистый, прозрачный, морозный. Стволы берёз в роще точно из серебра отлиты, а кроны как будто золотыми червонцами усыпаны. Ельники за полем темнозелёным мраком маят; на осинах багряные листья дрожат и время от времени, колыхаясь, на землю падают, а вдали сверкают на солнце огромные скирды свежей соломы. И над всем этим высокое, высокое нежно-голубое небо, ни одного облачка на нём. Я иду молча, дышу не надышусь бодрящим

осенним воздухом, не налюбуюсь красотой увядающей природы, а озорной, беззаботный Рыжик впереди носится, принюхивается, присматривается.

Пересекли мы лесок, луга миновали, через ручей перебрались и только подошли к болотцу, увидел Рыжик в поле стога и, прыгая с кочки на кочку, помчался к ним. Вскоре он скрылся за стогами. Я поискал глазами своего приятеля-охотника — нет его нигде. Прислушался — тишина кругом. Зашагал было снова вперёд и вдруг, чую, сзади гон слышится. Прислушался ещё: так и есть. Гремит в лесу молодой гонец, заливаясь на горячих следах, мчит во весь дух. Не успел я перебраться через болото, а он уже тут как тут. Мелькнул в кустах и вырвался на открытое место. Хватает широко раздутыми ноздрями воздух и скачет по тем самым кочкам, по которым недавно прыгал мой Рыжик. Из-под его ног болотная грязь брызжет. Перемахнул гонец через ручей, прогремел по полю — и в скирды.

Тут я понял, почему приятель мой сюда на охоту зазывал, понял, на какую подлую хитрость он пустился, чтобы гончую свою испытать. Замерло у меня сердце. Бросился было за гонцом вдогонку. «Стой, — кричу, — стой!» Да где там! Разве остановишь?

Бегу, а ноги путаются, в висках стучит, перед глазами круги красные: трудно в мои годы с собаками наперегонки бегать. И вдруг слышу: «Так! Так её! А-тту её, рыжую! А-тту!» Глянул и вижу: какой-то незнакомый охотник, должно быть, хозяин собаки, бежит из лесу к стогам и на ходу своего гонца подзадоривает.

Сорвал я с плеча ружьё: трах в воздух, трах! И в ту же секунду лай гонца сменился жалобным визгом, а затем, вижу, из-за стога выскочила собака и, поджав хвост, летит к нам, а за ней ошалело скачет Рыжик. Добежали до нас, и каждый к своему хозяину под ноги. Напуганы оба до смерти, шерсть дыбом, и оба дрожат. Рыжик прижался к моим ногам, оскалил зубы в сторону собаки и затих. А пёс жалобно скулит. Из прокушенного острыми лисьими зубами носа стекают тяжёлые капли крови.

Словно громом поражённый, стоит хозяин собаки. Лицо красное, руки трясутся. А я, хоть и жаль собаку, хоть и не пойму толком, что случилось, всё-таки радуюсь, потому что целым и невредимым примчался ко мне мой Рыжик.

Вдруг, вижу, выпорхнула из-за скирды стайка ребятшек и с восторженными криками мчится к нам.

— Молодец, Рыжик! — кричат мальчишки. — Умница! Вот это здорово!

— Что здорово? — ледяным голосом спрашивает ребят помрачневший хозяин собаки.

— Здорово он его за морду цапнул! — поясняют запыхавшиеся ребята. — Да хорошо ещё, не догнал он вашу собаку. Показал бы ей, как нападать!

— Да что же там произошло? — спрашиваю я. — И что вы здесь делаете?

— А мы силки на куропаток ставим, — отвечает тот, что постарше. — Куропаток ловим, только попадаются плохо.

— Ну, а дело-то как было?

— Проверили мы силки — ничего за вчерашний день не попало, — рассказывает паренёк, — вдруг видим: лиса недалеко между стогами мелькнула — мышкует. Я-то сразу узнал Рыжика, а ребята говорят: «Погоди, а вдруг это не он, а дикая. Подойдёт поближе, мы её тогда из берданки». Спрятались мы за скирдой и смотрим, что она дальше делать будет. А лиса подбежала к одному стогу, постояла, послушала — да и давай лапами быстро-быстро солому рыть. Пороет, пороет, послушает и опять рыть принимается. А в это время слышим мы гон совсем близко. А лиса своим делом занята и на лай внимания не обращает. Мышь, видно, от неё уходила, и она почти наполовину закопалась в солому. А тут собака как выскочит да к лисе. Чуть-чуть не схватила её. Вдруг «бах», «бах» за стогами! Выдернула лиса голову из соломы да как схватит собачью морду зубами! Завизжала собака и назад, а лиса на морде висит. Потом отцепилась и вдогонку за собакой побежала. Ну, тут мы сразу нашего Рыжика узнали.

Я не стал объяснять ребятам, что Рыжик совсем не гнал пса, он со страху вцепился в собачий нос, а потом помчался под защиту своего хозяина. Впрочем, ребята и не поверили бы, что Рыжик — трус.

Пошептавшись, мальчишки положили перед успокоившимся зверем свою добычу — единственную куропатку. Рыжик схватил птицу и понёс к дому. Ребята едва поспевали за ним. Мы с охотником побрели следом.

— Молод ещё пёс, — сказал я, чтобы утешить хозяина бедной собаки. — Да и обстоятельства необычные.

Он ничего не ответил, только с болью и жалостью посмотрел на плетущуюся между нами гончую с перевязанной лоскутом рубахи мордой.

Виновник всей этой истории, мой приятель, узнал о случившемся от встретившихся ему ребят и вернулся вместе с ними в дерев-

ню, туда, где несколько часов назад он, проследив за нашим уходом, тайком набрасывал собаку на след Рыжика. Он сидел на ступеньках крыльца моего дома и хохотал на весь двор.

— Ай да пёс! — выкрикивал он сквозь смех. — Ай да красногон! Лиса морду поцарапала!

Я, не обращая внимания на него, принёс ножницы, иод, бинты, и мы склонились над собакой.

По дороге в деревню я успел как следует рассмотреть пострадавшую гончую. Была она действительно стоящая: рослая, сильная, энергичная и красивая. Гнала она быстро, легко и безукоризненно, без единой ошибки, но рана была серьёзной и угрожала полной потерей чутья.

Мой вероломный приятель отказался покупать такую собаку, но мне было жаль этого способного, но так жестоко и неожиданно пострадавшего гонца, и я купил его.

Поправился он нескоро, однако чутья не потерял. После выздоровления он стал лучшим другом и неизменным моим спутником на охоте. Зайца, енота и даже козу он гонял прекрасно. Хорошо поднимал на крыло затаившихся в прибрежной или болотной траве уток, разыскивал и подавал подстреленных птиц, но по лисьему следу идти отказывался. Печальный урок запомнился ему на всю жизнь.

Рыжика вскоре после того случая я подарил своим друзьям — ребятишкам из детского дома. Они полюбили зверька, и Рыжик привязался к своим новым хозяевам, но и меня он не забыл. Когда я приходил в детский дом, лис встречал меня как старого друга. Узнав меня ещё издали, он во весь дух мчался навстречу и бросался мне на грудь, а потом радостно прыгал вокруг, не обращая никакого внимания на едва сдерживаемое неудовольствие моей гончей, почти всегда сопровождавшей меня. Собака ненавидела этого проворного, весёлого и красивого зверя и, должно быть, побаивалась его.

Изредка, в компании своих новых друзей, лис появлялся в деревне и в таких случаях непременно забегал в мой двор. Не знаю уж, что влекло его туда, — может быть, желание повидать меня, а может, ему хотелось ещё раз проверить, не забыл ли он что-нибудь в многочисленных и когда-то обильных «кладовых» вокруг дровяного сарая, — но он не мог равнодушно пройти мимо места, где прошло его детство. Был он попрежнему весёлым, резвым, ласковым и немного озорным зверем, и мне ни разу не пришлось пожалеть о том времени, что было потрачено на его воспитание, и о тех хлопотах, которые неизбежны при выращивании любого зверька.

ПО ПЛАНУ ПЯТИЛЕТКИ

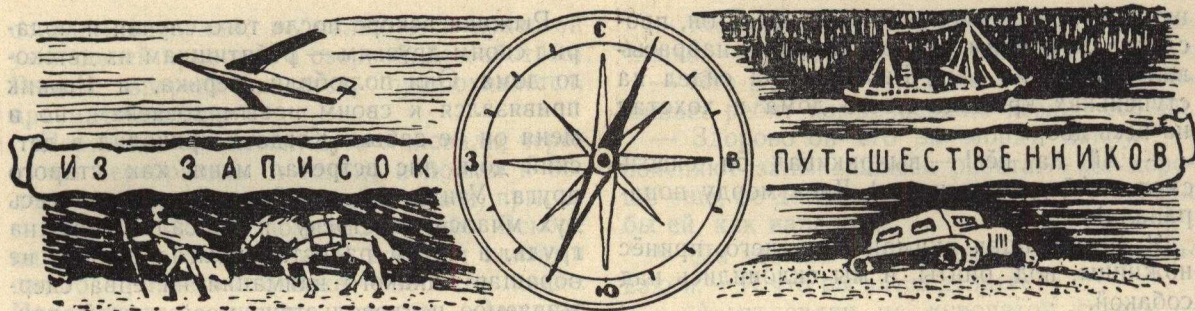

Чугун... сталь... железо... Без них не проложишь дороги, не построишь моста, завода, машины. А без машин, без заводов, без тяжёлой индустрии не может народ идти к великой заветной цели — к коммунизму. Вот поэтому и встают одна за другой у нас новые домны, вырастают прокатные станы, сталеплавильные печи. Вот поэтому и стараются советские металлурги побольше металла дать Родине.

В старой России наперечёт были люди, умевшие плавить чугун, варить сталь, ковать железо. Бережно хранили они свои секреты и неохотно делились ими с молодёжью.

В Советской стране за годы пятилеток выросли тысячи молодых доменщиков, сталеваров, прокатчиков, которые работают не хуже старых мастеров.

Два молодых металлурга — комсомольцы старший горновой Пётр Лыгун (справа) и подручный Григорий Кучугурный — сняты на этой фотографии на фоне своей доменной печи. К XX съезду КПСС их печь дала стране тысячи тонн чугуна сверх плана.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ГЛУБИН

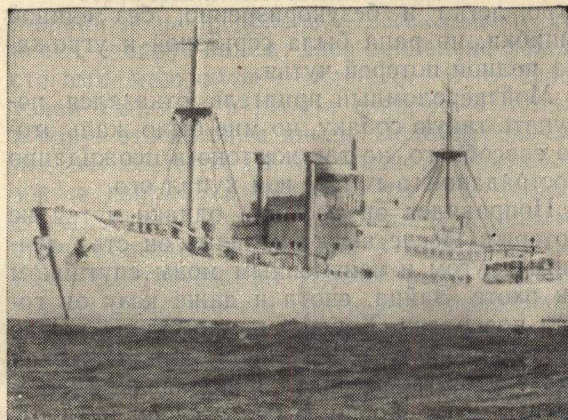
Почти три четверти земного шара покрыты водой, но о тайнах глубин мирового океана мало что известно.

Люди уже давно, лет двести назад, начали изучать жизнь морских мелководий, и только за последние десятилетия учёным удалось проникнуть глубже. О той части земной поверхности, которая скрыта под водой, о её рельефе и обитателях мы знаем не больше, чем наши предки во времена Колумба знали о земной суше. Ведь на глубину, превышающую шесть тысяч метров, тралы, добывающие донных животных, опускались всего двадцать раз! Значит, о жизни на больших глубинах учёные могут судить только по двадцати исследованным точкам в огромном мировом океане.

Каковы законы этой жизни? Как они изменяются с увеличением глубины? Одинаково ли население различных областей этого подводного царства: Атлантики, Тихого океана, Индийского? Развиваются ли в океанских безднах свои, особые животные или жители более мелких мест приспособились к глубине?

На эти и на многие другие вопросы учёные всего мира стремятся получить ответ, снаряжая научные морские экспедиции.

Теплоход «Витязь» — экспедиционное судно Института океанологии Академии наук СССР. Круглый год — и весной, и летом, и осенью, и зимой — ходит «Витязь» в свои рейсы. Его можно встретить и у Берингова пролива, там, где Аляска и Чукотка, словно ринг двух материков, протянулись друг к другу, и

Стройный красавец корабль, который вы видите на снимке, это и есть «Витязь».

в туманах капризного Охотского моря, и на просторах Тихого океана — от его северных границ до тропиков.

Мы печатаем здесь рассказы учёных — участников научных экспедиций на «Витязе». Опасности, приключения и открытия, которыми так богат каждый рейс этого корабля науки, раскрываются вам в этих рассказах.

Двадцать три тайфуна

Восьмибальный шторм захватил нас к югу от Командорских островов. Шторм этот длился уже два дня и порядком всем опротивел. И работать в шторм труднее, и надоело непрерывно балансировать на ходу, наклоняясь под совершенно невыносимыми углами, ловя ускользающую из-под ног палубу. Но ветер, качка и волны шторма — всё это показалось нам детской забавой, когда налетел тайфун. Мы знали, что он существует, следили за его движением, ловя многочисленные сообщения о нём в эфире. С суши и с моря — по всему пути тайфуна доносились сигналы бедствия, но всё это было далеко, за тысячу километров на юго-запад. Дорога тайфуна шла стороной, и он не должен был задеть нас. Но тайфун обманул всех тихоокеан-

ских метеорологов. Столкнувшись с циклоном, который был над нами, он замедлил свою скорость, изменил направление. Мы оказались на его пути, и, прежде чем успели узнать об этом, тайфун настиг нас. Всё случилось с невероятной быстротой. В полчаса простой штормовой ветер, который так надоел нам за два дня, вдруг вырос в ураган. Он мчался со скоростью тридцати семи метров в секунду. Взбесившийся воздух трудно было назвать воздухом. Рука натывалась на него, как на преграду. Казалось, он стал твёрдым, казалось, его можно было резать ножом, забивать в него гвозди.

Всё вокруг мгновенно закипело. Ветер в неистовстве набрасывался на волны, рвал и швырял их клочьями.

Солёные брызги этой водяной метели с шипением и свистом летели над океаном. Они наполняли воздух так, что больно было вдыхать его и невозможно было понять, чем дышишь: воздухом или водой.

Об этом трудно рассказать, ещё труднее себе представить, и всё же это было только начало. А потом разгулялись волны. Это уже были не волны, восьмибалльного шторма, в который мы работали два дня, а огромные водяные горы. Нас то вздымает на гребни, то бросает вниз, в тёмные водяные провалы. Сумрак от низких, свинцовых туч, от густой завесы обрушившегося ливня, от сумасшедшего хаоса воды, хлещущей корабль сверху, снизу — отовсюду...

«Витязь» был в трудном положении. Всё случилось так внезапно, что он не успел подготовиться к встрече с тайфуном, повернуться носом против ветра. А когда налетел тайфун, было уже поздно: выполняя манёвр, неизбежно пришлось бы повернуться к ветру бортом, и тут уж вряд ли помогли бы даже прекрасные мореходные качества нашего корабля. Страшный ветер неминуемо опрокинул бы его. И вот, повернутый кормой к тайфуну, «Витязь» оказался во власти этого чудовища. Тайфун тащил его с собой, не давая уйти, ускользнуть, выйти ближе к краю. Он треплет, качает, вздымает на гребень и снова бросает в пучину наш «Витязь»...

И во всех событиях нашей жизни, то смешных, то тревожных, отражается тайфун.

Вещи вышли из повиновения: непрерывно хлопает дверца шкафа, катаются по палубе каюты кресла, а банка консервов удрала из ящика стола и забилась в самый дальний угол под койкой (мы нашли её только к конце рейса). Для того, чтобы умыться, нужно одной рукой держаться за переборку, а другой ловить воду. Струя воды в такт качке «гуляет» по всей раковине.

Мы усмиряем непокорные вещи. Укладываем бресла набок, укрепляем их чемоданами, чтобы они не могли двигаться, запираем дверцы, снимаем всё со столов, с полок и складываем на пол. Теперь по каюте стало передвигаться ещё труднее: рискуешь наступить на телефон, настольную лампу или пепельницу.

В кают-компанию сорва-

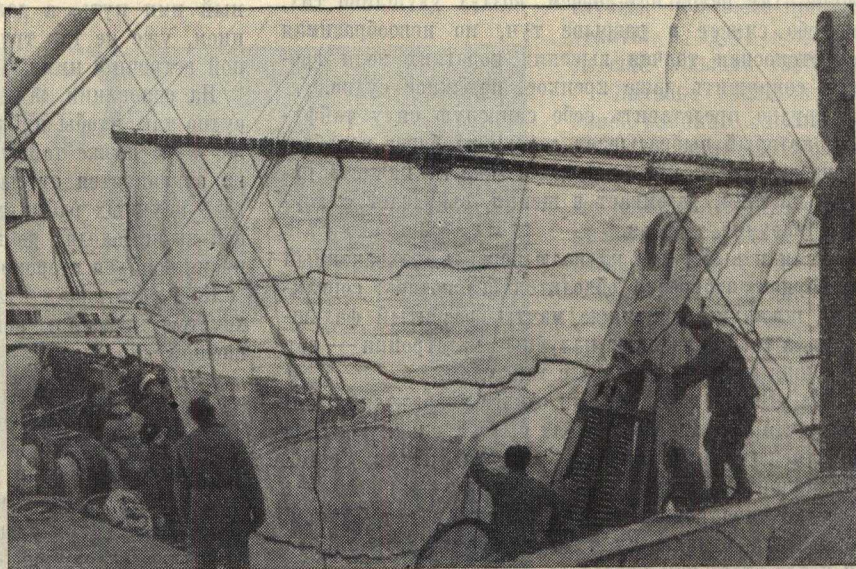
лось пианино. Мирный музыкальный инструмент превратился в разъярённое чудовище. С каждым наклоном «Витязя» оно бросалось из стороны в сторону, грозя проломить переборки, искалечить людей. Но его быстро укротили. «Охотники за пианино» подкарауливали мгновения, когда судно, дойдя до наибольшего крена, словно замирало, прежде чем начать движение в другую сторону. В одно из этих мгновений удалось овладеть беглецом и прикрепить его. (На море говорят «принайтовить»).

Измученные бесконечной качкой, мы не можем уснуть. «Витязь» раскачивается, как маятник-метроном. Один взмах — и меня и мою соседку по каюте перекатывает с койки на... стенку. Другой взмах — через борт койки мы летим на палубу каюты. Поднялись, водворились на место, и с равномерностью автомата всё сначала: с койки — на стенку, с койки — на палубу... А в каютах, где койки расположены поперёк корпуса судна, наши товарищи проделывают другую серию упражнений. Соответственно бортовой качке люди вместе с койками то становятся вертикально — на ноги, то делают стойку на голове.

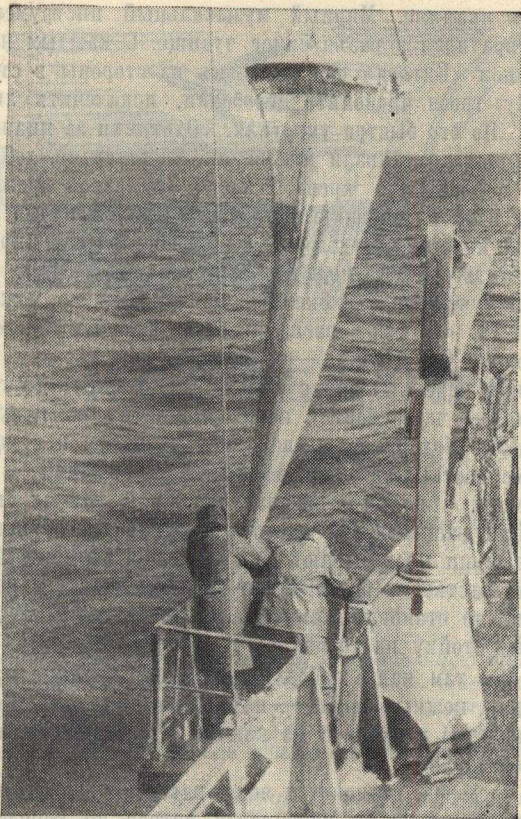
Как там наша лаборатория, наши хрупкие пробирки, нежные колбы — имущество химиков?.. Беспокойство гонит нас из каюты. Мы пробираемся в лабораторию.

По дороге становится ясно, какое это несказанно трудное путешествие — сорок метров по коридору во время тайфуна. Крен такой, что не знаешь, на что удобнее ступить: на пол ли, на стену ли. Но в лаборатории всё в порядке, надёжно закреплено.

Только утром ветер немного ослабел. Но волны стали ещё больше. А ведь мы не извели самого

На «Витязе» идёт обычная работа. Приготовлена к спуску большая пелагическая сеть (с её помощью учёные ловят рыб и животных, населяющих толщу воды).

На борт «Витязя» поднимается планктонная сеть. Она приносит множество крохотных животных и водорослей, которые ускользнули бы вместе с водой через ячейки рыболовной сети.

страшного! Нас миновал «глаз бури», центр тайфуна. Там ветра нет совсем, воздух удушливо тих, и небо синее в разрыве туч, но невообразимая смертоносная толча высоких коротких волн грозит сокрушить даже крепкое, надёжное судно.

Трудно представить себе свирепую силу тайфуна, который выбрасывает далеко на берег корабли, переворачивает каменные дома, сносит начисто целые посёлки, разбивает в щепки, вырывает с корнем могучие деревья.

Если и выберется на волю корабль, захваченный тайфуном, это редко обходится без потерь: сорванные шлюпки, сломанные мачты, разбитый фальшборт, а то и снесённые палубные надстройки — вот обычная цена знакомства с тайфуном.

На «Витязе» не было ни одного повреждения, потому что у крепкого корабля была крепкая команда и замечательный капитан, старый моряк Сергей Илларионович Ушаков.

Счастливо кончилась наша встреча с тайфуном, она была единственной за последние годы. И до и после этого нам удавалось избегать таких встреч.

В последний рейс осенью 1955 года двадцать два тайфуна угрожали «Витязю», но он уходил от них.

Метеорологический отряд экспедиции вёл ежедневные наблюдения за погодой, за силой и направлением ветров, за облачностью, атмосферным давлением и температурой. Данные погоды с «Витязя», с маленькой белоснежной точки на синей равнине океана, служили службу не только нашему кораблю. Они посылались в эфир для сведения других судов. А наши радисты ловили данные погоды с бесчисленных береговых и пловучих метеостанций, разбросанных в Тихом океане и по его островам.

От радистов данные немедленно шли к синоптику, который наносил их на карту погоды. На этой карте, по линиям изобар, показывающим, как распределяются области высоких и низких давлений, сразу видно, где возникают тайфуны и как движутся.

Иногда далёкие метеонаблюдатели, работающие в зоне рождения тайфунов, сообщают о том, где появился такой новорожденный, куда и с какой скоростью он направляет свой путь. В сообщениях этих слышатся отголоски разрушений и смерти. Владивосток среди сообщений множества метеостанций всё время передавал нам сводки станции японских островов Иво Джима. И вдруг станция Иво Джима радиовала: «Тайфун идёт на нас». Это была их последняя радиограмма. Потом мы узнали о страшных разрушениях на острове, о тысячах погибших, но и по трагическому молчанию станции мы сразу угадали катастрофу.

Бывает, что возникает сразу несколько тайфунов. Тогда, чтобы их не перепутать, метеонаблюдатели дают им имена. Если наш радист ловит в эфире и сообщает синоптику, что «Луиза» повернула к Японским островам, а «Нора» из такого-то пункта движется на северо-восток от Тайваня, синоптик заносит на карту и «Нору», и «Луизу», и пройденный ими путь, а дальше, следя за их продвижением, уже не так трудно определить место возможной встречи с ними, а определив, избежать.

На основании данных синоптика, капитан ведёт судно так, чтобы прийти в нужное место либо раньше, либо позже тайфуна. При этом «Витязь» почти не отклоняется от намеченного пути и не прерывает научных работ, хотя не раз синие валы мёртвой зыби доходят до корабля мрачным приветом от прорвавшихся стороной тайфунов.

Наш «Витязь» — замечательный корабль. Так и хочется отнести к нему строки Лермонтова о волшебном корабле:

Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочём.

Только волшебным делают его не магические силы, а могущество техники. Все, кто плавает на «Витязе», — от матросов до капитана, от лаборантов и до академиков — любят его и гордятся им.

А. Исаева,

аспирантка Института океанологии.

Сигнал уходит в бездну

В тот день я был вахтенным начальником. День походил на многие другие дни нашего плавания, и ничто не предвещало открытия. Густой, как всегда, была синева океана, и небо было по-обычному, полетному ясным, и солнце поливало ярким светом всё вокруг, и альбатросы с бакланами кружились за кормой «Витязя». Крылатая свита, верные спутники всех кораблей, — они настойчиво сопровождают нас в расчёте на хорошую поживу.

Словом, день был как день, и, по совести говоря, мы не больше, чем альбатросы, подозревали, что он станет днём большого географического открытия.

«Витязь» шёл на расстоянии девятидесяти морских миль от Курильской гряды и находился на траверзе острова Итуруп.

Впрочем, об этом мы знали только по карте, на которой был проложен курс корабля, да по навигационным расчётам, потому что острова прятались далеко за горизонтом.

В геологической лаборатории с равномерным стрекотанием выползала лента из эхолота.

Ультразвук... Звук, которого не слышит человеческое ухо, так он тонок. И этот звук, которого мы не можем слышать, помогает нам видеть невидимое.

Куда бы ни шёл «Витязь», самописец-эхолот ведёт непрерывную работу, с равномерными промежутками посылая вглубь океана короткий ультразвуковой сигнал. Этот сигнал доходит до дна и, как всякий звук, отражаясь от препятствия, идёт обратно. Самое обыкновенное эхо, только не лесное, не горное, а подводное. Оно возвращается в прибор,

и прибор ловит его, как девочка мячик. Эхолот мгновенно определяет, сколько времени длился путь в глубину и обратно, и ставит чёрточку на ленте. Каждый новый сигнал — новая чёрточка на ленте, обозначающая новую точку на дне. За минуту семьдесят пять сигналов улетают на дно и возвращаются обратно. На ленте вырастает зубчатая линия, профиль дна, как бы разрез его в том направлении, которым прошёл далеко наверху «Витязь».

Вот так и в тот день эхолот прощупывал дно близ Курильской гряды, на траверзе острова Итуруп, и вахтенный у эхолота следил за работой прибора. Мы шли местами, где когда-то, давным-давно, производило промеры глубин американское телеграфное судно «Тускарора» и где с той поры глубина считалась около восьми километров. Такие глубины порядка восьми километров показывал и наш эхолот с отклонениями на неровности дна. Вдруг его запись стала прерывистой. Эхолот отмечал глубины, но между ними получались пробелы, разрывы. Эти исчезновения записи могли означать одно: звук падает на очень крутой склон и отражается под таким углом, что уходит в сторону, не попадая в прибор. Только наткнувшись на ступени в этом склоне, звук отражается вверх, каждый раз показывая резкое увеличение глубины, метров на двести, на триста. Словно он по этим ступеням шагает вниз, как по лестнице: 8 520 метров... 8 740... 9 000... 9 500... Вахтенный сообщает мне эту новую, неожиданную для здешних мест глубину. Все участники экспедиции «Витязя» в напряжённом ожидании. Ведь это на целый километр

глубже, чем было принято думать! А вдруг встретятся ещё большие глубины?

«Витязь» скользит по синей равнине. Эхолот, минута за минутой, продолжает показывать всё ту же глубину. Пройдено пять километров, и вдруг запись снова делается прерывистой, ступенчатой. Там, под толщей воды, наш ультразвуковой разведчик встретил новый крутой склон и теперь взбирается по его уступам вверх. Глубина убывает, убывает... Вот она опять дошла до восьми километров. Старые, давно всему миру известные, на всех картах отмеченные промеры «Тускароры».

У эхолотов в лаборатории геологического отряда.

ТИХИЙ ОКЕАН

○ Место траления, где были обнаружены креветки *Decapoda* *hermanni*
 × места глубоководного траления
 8430 - 9950 м.

На этой карте вы найдёте места, о которых идёт речь в рассказах учёных. Здесь и подводный хребет, и глубоководная впадина, и точки, где трал опускался на дно, и место, где найден новый вид глубоководного рачка. Крестиком обозначено, где «Витязь» искал острова Гангес.

не истинная глубина. всё выше к северу. И каждый раз, как он пересе-

ислена, когда мы сде-
лаем температурный про-
филь. Но глубина моту-
жника, впадающего в

и температуру воды, в воде меняется в зависимости от температуры. А мы су-

Заканчивается впадина у Камчатского пролива, между Командорскими островами и Камчаткой, где она встречается почти под прямым углом с семикилометровой Алеутской впадиной. Теперь она вся пройдена, и ясно вырисовывается её форма и расположение. Это не котловина, не яма в океанском дне, а глубокое и длинное подводное ущелье с высокими, крутыми склонами и ровным дном. Ущелье тянется вдоль всей цепочки Курильских островов и Камчатского пролива (отсюда и название Курило-Камчатская впадина).

главой горного великана —
горакилометровый слой
«Витязь», забираясь
Открытие сделано! В Мировом океане Земли не
так много глубин, превосходящих десять километ-
ров. До этого дня их было известно всего четыре.
Теперь стало пять. Мы открыли пятую по счёту

и вторую по глубине океанскую бездну¹. Но вот что ещё замечательно: наша впадина и остальные так похожи друг на друга, будто они родные сёстры. Все они лежат близко к краям Тихого океана. Все имеют форму длинного глубокого жёлоба в океанском дне. Все вытянулись вдоль островных дуг. И все они одного происхождения. Это трещины, образовавшиеся от движения земной коры.

В непроглядной тьме глубин лежит она, наша впадина. Нас отделяет от неё чудовищная десятикилометровая толща океана, но в мыслях мы её видим так же ясно, как видим синий блеск океанской волны, голубой купол неба и ленивых альбатросов за кормой. Вместе со звуковым разведчиком мы скользили по кручам склонов впадины, пересекали её ровное дно и снова взбирались вверх.

Открытие сделано, но оно не последнее. Вот ещё одно. Оно связано с тайфуном, который налетел на нас к югу от Командорских островов. Тайфун утащил нас к востоку, а когда «Витязь» наконец вышел из него, тысяча километров отделяла нас от места, где началось это невольное плавание.

«Витязь» лёг на обратный курс, и, как только волны улеглись настолько, чтобы не мешать работе эхолота, прибор был тотчас включён.

В этих местах глубина известная: шесть километров. И вдруг эхолот показал всего полтора. А чуть дальше по курсу снова стало около шести.

«Витязь» начинает исследовать дно так же, как над Курило-Камчатской впадиной. Меняя галсы, он идёт зигзагами и каждый раз всё в новых местах обнаруживает подводные возвышенности. Эти возвышенности не разбросаны как попало. На ленте эхолота они вырисовываются цепочкой, образуют барьер. Это подводный хребет, это горы, и не маленькие! Они поднимаются на четыре с половиной тысячи метров. Почти как Альпы: всего на триста метров ниже главной альпийской вершины — Монблана.

Всё дальше на юг, по следу неизвестных гор уходит «Витязь». За тридцать четвёртой параллелью, на широте Японии, хребет сворачивает к юго-востоку... Дальше нечего открывать. Дальше он

открыт и нанесён на карты, отсюда наш хребет тянется до Гавайских островов и называется Гавайским подводным хребтом. Но вот в чём дело: неизвестная, только что найденная нами часть Гавайского хребта почти такой же длины, как и та, что уже есть на карте. Выходит, мы «удлиними» его чуть ли не вдвое. Значит, это одна из самых длинных горных цепей земного шара. На поверхности материков только Анды длиннее, под водой — только Срединный Атлантический хребет.

А вот что вышло с островами Гангес. Они давно отмечены на картах Тихого океана. Правда, на некоторых с вопросительным знаком, потому что после открытия их никто ни разу не обнаруживал. Потерялись острова, да и только! Прошлым летом мы были поблизости от того места, где они помечены, и решили выяснить раз и навсегда: существуют они там или нет? День ясный, солнечный, воздух прозрачен, в ясной глубине воды проплывают быстрые, сильные акулы, над волной перепархивают стайки серебристых летучих рыб.

Задолго до приближения к островам мы были начеку. В такой ясный день каждая точка на горизонте видна. Но мы поставили вперёдсмотрящих на мачте и на полубаке, а сколько было добровольных помощников на палубе! Десятки людей на «Витязе» всматривались вдаль с такой настойчивостью, что могли бы соперничать с матросами Христофора Колумба. Островов Гангес не было видно там, где им надлежало быть. Это, конечно, ещё не доказывало, что их не было и прежде. Мало ли островов погрузилось в море уже на памяти людей! Если так, их всё равно надо обнаружить, они не могли исчезнуть совсем. Эхолот обязательно покажет в том месте возвышение на океанском дне. Но мы обшарили все окрестности островов Гангес, несколько раз прошли над тем местом, где они показаны на картах, везде эхолот отмечал большие океанские глубины и ничего похожего на затонувшие острова. Тогда мы решили закрыть Гангес. Взяли и зачеркнули их на карте.

Н. Зенкевич,

инженер лаборатории геологии моря.

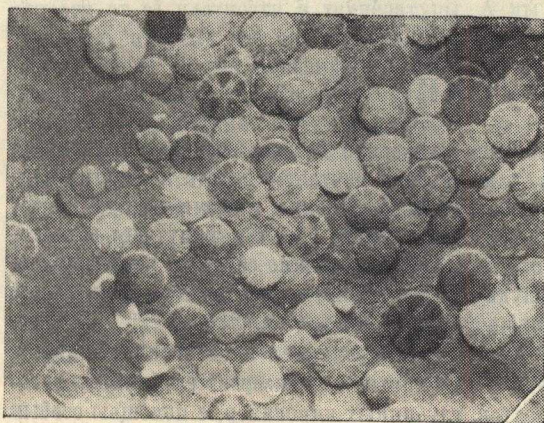
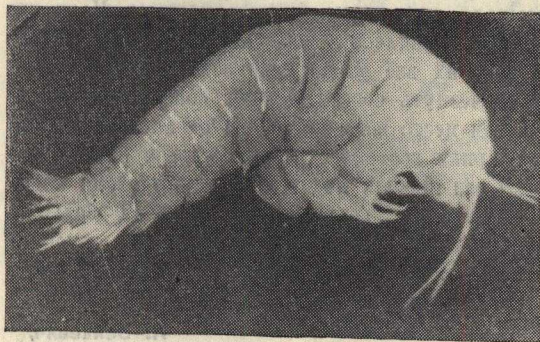
Жители глубин

Человек пересёк материк Земли, взойшёл на высокие горы, добрался до обоих полюсов, а на дне океанских впадин он не бывал ни разу. Правда, он прошёл уже почти половину пути: на четыре с лишним километра спустился под воду в специальной камере, защищающей от страшного давления. Но не построен ещё аппарат, который не раздавило бы десятикилометровой толщей воды. Всё же мы,

изучающие океанские бездны, мечтаем спуститься туда, как астроном мечтает о полёте на другие планеты. Взглянуть бы своими глазами на этот таинственный мир, увидеть бы, как живут его обитатели. Это, конечно, непременно сбудется когда-нибудь, но наука не может ждать; не должно быть белых пятен ни на суше, ни под водой!

И вот человек проникает в океанские бездны с помощью глубинных телевизоров, глубинных фотоаппаратов, глубинных кинокамер, с помощью особых

¹ Позднее была открыта шестая впадина, Тонга; глубина её — 10 632 метра.

сетей, тралов, драг и других снарядов. Он добывает со дна и из водяной толщи странных животных, рыб, рачков, моллюсков и крохотных бактерий. Изучая их строение, вскрывая, анатомируя их, он узнаёт, как они живут, как приспособляются к условиям жизни в глубине.

Удивительные, ни на что больше не похожие условия... Царство вечной ночи! Никогда не пробивался туда даже самый слабый отблеск солнечного луча. Годы, столетия, миллионы лет назад там была всё та же бессменная ночь. Вода в глубинах почти неподвижна: туда не доносятся отголоски штормов, ураганов, тайфунов. Уже на глубину в сотню — две метров не проникает их яростная сила. Как же им пробиться сквозь преграду, в сто раз более мощную?

Вверху проносятся времена года, морозы и зной сменяются в вечном круговороте Земли. Там, внизу, нет ни весны, ни зимы. Там всегда царит ровная температура: около трех градусов выше нуля.

Чем глубже в океан, тем сильнее давят лежащие выше слои воды. На каждые десять метров прибавляется одна атмосфера давления. Там, под слоем воды в десять километров, страшное давление: тысяча атмосфер. Если бы человек, ничем не защитив себя от этой страшной силы, погрузился на дно океана, его бы сплющило, разломало, раздавило. Струя воды, бьющая с силой тысячи атмосфер, резала бы металл. И под этим давлением живут обитатели глубин! Они приспособились к нему, оно не мешает им, наоборот, давление в одну атмосферу, к которому привыкли мы, убивает их, так же, как нестерпимо яркий для них свет и тепло, окружающие нас. Некоторых из этих существ мы никогда еще не видели живыми, они гибнут раньше, чем сеть или трал поднимется на поверхность океана. Другие, живущие не в самых нижних этажах подводного мира, попадают к нам вялыми, умирающими. Мы не можем увидеть жителей глубин такими, какими они бывают там, в своей родной стихии.

Вот поднята на палубу «Витязя» глубоководная рыба макрорус. Огромная голова с широкой пастью и глазами не менее трех сантиметров в диаметре. Настоящее чудовище! Недаром макроруса панически боится наш корабельный кот Василий Курилович.

Тьма глубин не совсем непроглядна, ее пронизывают бесчисленные искорки, огоньки, мерцающие точки, словно звёзды в ночном небе.

Живущие во мраке подводные существа сами снабжают себя освещением. Иногда этот свет служит для того, чтобы увидеть проплывающую близко добычу, иногда — для того, чтобы приманить её, ино-

Фотоаппарат, защищённый прочной бронёй от высокого давления, показывает учёным то, что ещё недоступно человеческому глазу. На верхнем снимке — спуск аппарата. На двух нижних — то, что он сфотографировал под водой: глубоководный рачок и жители дна — морские ежи.

гда — чтобы отпугнуть врага, иногда — чтобы дать сигнал своим родичам, существам того же вида: «Я здесь, спешите сюда, ко мне!»

Живёт в океане рыба удильщик. У неё на голове костяной прутик со светящимся шариком на конце. Прутик может выдвигаться и прятаться, шарик — загораться и гаснуть. Это удочка со светящейся блесной, приманивающей добычу. Другая рыба гонится за огоньком, принимая его за подходящую для себя пищу, и попадает в широкую зубастую пасть удильщика.

Есть глубоководная рыба хаулеод с пастью, как у саблезубого тигра, который жил на территории Европы ещё в ледниковый период. У сильного и быстрого хаулеода вдоль всего тела горят два ряда крупных фонариков. Он проплывает в темноте, словно пароход с освещёнными иллюминаторами.

Есть рыба малакостеус. У неё на голове горит красный сигнал, а на хвосте — сигнал зелёный, вроде ходовых огней на кораблях. Эти разноцветные сигналы, конечно, имеют своё назначение, но мы ещё не научились понимать их так, как понимаем сигналы проплывающих мимо судов. Для этого нужно наблюдать поведение живых глубоководных рыб, когда они находятся у себя дома.

Обитатели моря могут зажигать или гасить свои огни. Иногда в темноте среди множества этих непрерывно движущихся светящихся точек вдруг возникает какая-то яркая вспышка, и от этого места медленно расходится в воде светящееся облачко. По мере того, как оно растёт, свет его становится всё слабее и слабее и постепенно угасает. Это акантэфира, длинноусая красная креветка, спасаясь от нападения, выпустила струю светящейся слизи и, ослепив непривычного к свету хищника, успела ударить под прикрытием световой завесы. Точно так же защищаются небольшие каракатицы, живущие на глубине, в которую уже не проникает свет. Ведь им не поможет, если они выпустят струю тёмной жидкости, как другие каракатицы.

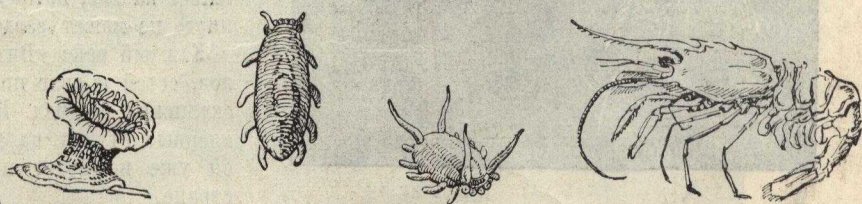
Всё равно вокруг темнота, и тёмная завеса не мешает нападшему хищнику. А вот световая завеса ослепит его, и, пока он придёт в себя, каракатица успеет ускользнуть. Вместо бесполезной в темноте способности выпускать тёмную чернильную жидкость у глубоководной каракатицы постепенно выработалась способность выпускать светящуюся слизь, и, выходя, её «чернильный» мешок превратился в «светильный» мешок.

Да, по-разному приспособились жители глубин к окружающему их мраку. Некоторые сами устраивают себе освещение, а некоторые, если нужно, отлично обходятся без света. Им не надо видеть, чтобы своевременно обнаружить врага или добычу.

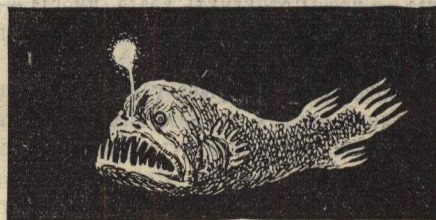
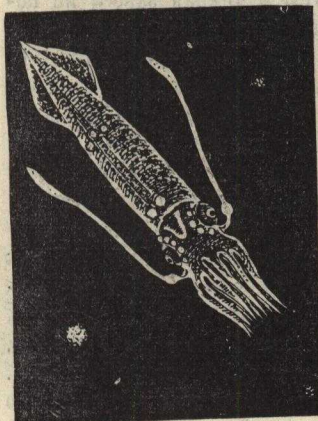
У того же самого хаулеода первый луч спинного плавника, длинный и тонкий, служит антенной. Эта антенна воспринимает очень слабые колебания, которые возникают от движения в воде других рыб и животных. Хаулеод, повидимому, настолько хорошо чувствует эти почти неуловимые волны, что может различать, плывёт ли добыча, за которой

Рыбу макрорус, конечно, не назовёшь красавицей. Но профессор Богоров (справа) и капитан Ушаков очень довольны: ещё никогда макрорус не попадался на такой глубине, как в этот раз.

Здесь изображено несколько животных Курило-Камчатской впадины: глубоководная актиния, две голотурии — эльпидия и скотопланес — и десятиногий глубоководный рачок Зенкевича.

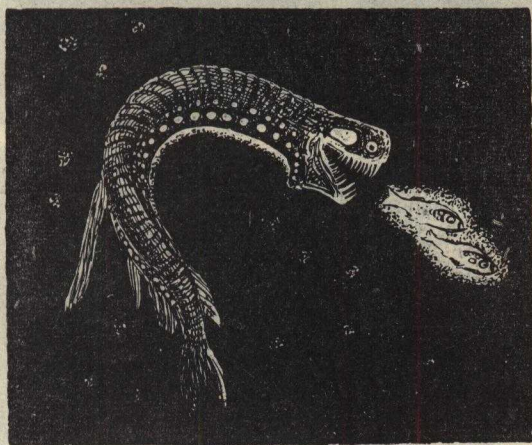

Странных животных приносят ученым сети! Светящийся глубоководный кальмар, похожий на сказочного дракона морской угорь, рыба удильщик. Только у самок этой рыбы есть удочка на голове. Самец удильщика совсем маленький и живёт, прицепившись к брюху самки.

надо гнаться, или враг, от которого надо поскорей удира́ть. Другие рыбы посылают в воду ультразвуковые волны, и возвращающееся эхо предупреждает о преграде на пути или о том, что поблизости проплывает какое-то живое существо. Словом, у них свой эхолот, как у нашего «Витязя», только он, пожалуй, несравненно чувствительнее, хотя и не такой мощный.

По всех этих рыб мы вылавливали на глубине в четыре — пять тысяч метров. А кто же живёт на дне и в придонном слое воды самых глубоких мест океана? С борта «Витязя» мы опускали трал на глубину в девять и десять с лишним километров в открытой нами Курило-Камчатской впадине.

Нельзя передать волнение, которое охватило нас, когда мы начали поднимать трал после того, как в течение двух часов тащили его по дну! С девятикилометровой глубины трал принёс нам различных беспозвоночных, живущих на дне.

Это зубастый прожорливый хаулеод с разноцветными огнями на туловище. Посмотрите на длинные лучи его спинного плавника. Первый луч может вставать вертикально и служит антенной.

Похожие на стеклянные бутылочки черви эхиуриды, голотурии, стебельчатые морские лилии и сидящие в трубочках, тонкие, как волос, погонофоры. Улов не разнообразен, но по количеству экземпляров очень велик. В этом трале оказалось около трёх тысяч голотурий-эльпидий и две тысячи погонофор.

Погонофоры — очень загадочные животные. Учёные сначала даже не могли решить, к какому типу животных их отнести. У них нет ни рта, ни кишечника, питаются они при помощи щупалец. Учёные выделили погонофор в особый класс животных.

На глубине около десяти километров население оказалось не такое разнообразное. Трал принёс представителей всего шести различных родов. И снова самыми многочисленными оказались голотурии и погонофоры. Повидимому, они составляют главное население этих глубин.

Рыб мы на этой глубине не нашли. Самая большая глубина, на которой нам попалась рыба, — семь тысяч двести тридцать метров.

Это первая рыба, обнаруженная так глубоко. Она полупрозрачная, розоватая, с присоской на брюхе. С помощью присоски она может прикрепляться к камням на дне.

У рыбы в желудке оказались морские ежи. Это всё равно, что паспорт с пропиской. Раз она питается морскими ежами, значит, действительно живёт на дне, потому что морских ежей она больше нигде не может раздобыть.

Каждый рейс «Витязя», каждое погружение тралов, сетей и драг приносят нам новые сведения об океанских безднах. И когда наконец исследователь впервые ступит на далёкое дно океанских глубин, он уже не будет путником в совсем неведомой стране.

С. Суетов,
учёный секретарь
Института океанологии.

ЮНЫЕ ЛЫЖНИКИ.

И. Нестеров.

РАССВЕТ НА АНГАРЕ.

Тысячи лет текла из Байкальского озера в Енисей непокорная сибирская река Ангара. Те, кому довелось побывать на этой могучей реке, любовались её дикой красотой, дивились её страшной силе, а доброго слова никто не мог сказать про Ангару. Каждый видел: в этой бешеной реке таятся огромные богатства; да только не давались эти богатства в руки человека, без пользы катила Ангара свои волны.

И даже советский человек, экономный, предприимчивый хозяин, не сразу сумел приступить к Ангаре.

30 лет назад с великим трудом одолели советские люди реку Волхов. Потом обратили Днепр, Волгу заставили работать. Научились справляться с великими и малыми реками и тогда только взялись за Ангару. Но зато уж так взялись, что дух захватывает, когда подумаешь о том, что будет через пять—десять лет в сибирской тайге, там, где сейчас шу-

В. Рогаль.

мит Ангара. В узостях, между скалами берегов встанут высокие платформы. Огромные моря разольются в сибирской тайге. По новым морям пойдут, не боясь порогов, корабли. Мощь Ангары, превращённая в электричество, живительным потоком хлынет по всей Сибири; не будет больше паровозов на сибирских дорогах: электровозы поведут тяжёлые составы. Электротракторы выйдут на поля сибирских колхозов, закрутятся валы новых станков на заводах.

«Когда же всё это будет?» — спросишь ты.

Скоро будет. Ты едва успеешь окончить школу, а к сотням станций, построенных за годы пятилеток, прибавится ещё одна, самая мощная в мире, Братская гидроэлектростанция на Ангаре. И к потоку электроэнергии, которую вырабатывают наши электростанции, прибавятся десятки миллиардов киловатт-часов, которые даст стране Ангара.

БАЛЛАДА

Ф. Искандер

Рисунки В. Цельмера.

Давным-давно уснул весь дом...
Раскрыта настёжка книжка,—
Её читает за столом
Взволнованный мальчишка.

...Идёт Спартак в последний бой,
Последнюю тропой,
Под барабанный бой с трубой,
Под барабанный бой.

Сидит мальчишка за столом,
И в тишине ночной,
Как будто рядом, за углом,
Он слышит этот бой.

Пригнали легионов тьму,
На каждого — десяток,
И крикнуть хочется ему:
— Неправильно! Нельзя так!

Им не прорваться на скаку
Сквозь заросли болот.
Ах, если б в помощь Спартаку
Хотя бы пулемёт!

Но делает последний шаг,
В своей крови скользя,
Приподнимается Спартак,
Врагу мечом грозя,
К себе друзей зовёт Спартак,
Но где его друзья?..

Над ними пыль и облака,
Им на земле не сыро.
Они не видят Спартака,
Не слышат командира...

...За окнами редет мгла,
К концу и ночь и книжка.
Встал медленно из-за стола
Взволнованный мальчишка.

Болит от горя голова,
Но в сердце гнев, бушующий,

Сквозь зубы выдавил слова:
— Проклятые буржуи!

И, мысли той не покорясь,
Что больше нет героя,
Он спит, к подушке прислонясь
Заплаканной щекою.

И снова бой звенит в ушах,
И мчат враги в погоне.
И чьи-то кони в камышах,
Оседланные кони.

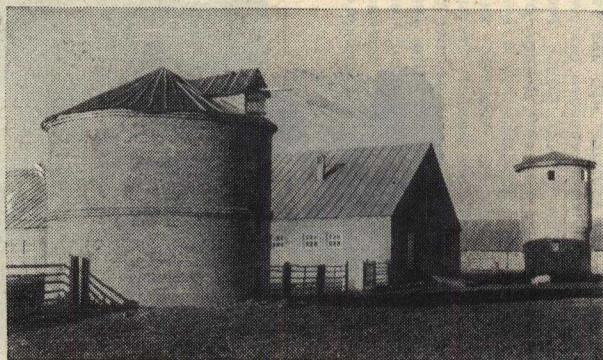
Спартак один. Спартак устал.
Он ранен вновь, Спартак...
Всё было так, как прочитал,
И всё-таки не так.

Когда враги рвались вперёд,
Загнав коней косматых,
Красногвардейский пулемёт
Шарахнул из засады.

И пролетал сквозь ночь и мрак,
Товарищей сзывая,
Спасённый мальчишкой Спартак,
Похожий на Чапая.

Эти два снимка сделаны в Чувашии, в колхозе имени Сталина. В былые годы чуваша вымирал от голода и болезней, терпели притеснения от собственных богатей и от царских чиновников. Сейчас колхозники живут в светлых домах, читают газеты и книги на родном языке. За годы пятилеток в колхозах построены коровники, свинарники, водокачки... На сытных кормах, заготовленных в силосных башнях, добреет колхозный скот. Комсомолка Таня Сурова от каждой коровы, закреплённой за ней, надоила за год почти по 4 тонны молока. Такие надои и не снились крестьянам раньше.

ДЕРЗАТЬ

Валерий Вагранов

Фотографии С. Карасёва.

На крыльях мечты

Школьная стенная газета называется «Дегсме!». В переводе с латышского на русский язык это означает гореть, дерзать! А дерзать — значит уметь заглядывать в завтрашний день, мечтать во всю силу своей фантазии и уже сегодня смело браться за воплощение мечты в действительность.

...Всё началось, как это ни странно, с огурцов. На большой перемене ребята сидели в школьной столовой. Дежурные разносили обед и подали на второе котлеты. И вдруг раздался чей-то звонкий голос:

— Эх, сюда бы свежий огурчик!

А на улице зима, крупными хлопьями валит снег, и слова эти прозвучали так неожиданно, что все засмеялись. Потом замолчали, и каждый про себя подумал: а ведь огурчик, действительно, был бы очень кстати...

На следующий день, когда заседал комитет комсомола, директор школы товарищ Мауринь предложил:

— Давайте помечтаем о помидорах и огурцах!

Но мечтать — это не значит глядеть в потолок, закусив губу и взъерошив волосы. По-настоящему мечтать — это значит вытащить карандаш, достать бумагу, прикинуть свои возможности и поставить вопрос на повестку дня открытого комсомольского собрания.

Собрание было необычайно бурным.

— Кто за постройку во дворе школы собственных теплиц? — спросил председатель.

Сотни рук взметнулись вверх.

А потом началось такое, будто объявили конкурс на самую лучшую мечту.

— Огород! — кричали ребята, вскакивая с места. — Если уж решили строить теплицы на зиму, то как можно забыть о летней поре? Сначала нужен свой огород!

— Если будет огород, — заявили девочки, — почему бы не быть и школьному парку? Посадим цветы, сделаем клумбы, расчистим аллеи, посыпем их жёлтым песочком, расставим скамейки...

— Нет, надо начинать с самого здания школы! — предложил кто-то. — Украсить коридоры, и классы, и актовый зал, и маленький физкультурный...

— Кстати, почему он маленький? Разве нельзя его расширить? Тогда мы завоюем все спортивные призы района! С лыжниками, правда, плоховато...

— А что, если построить свой трамплин? И сделать собственный душ?

Очень вкусно готовят в школьной столовой.

— И бассейн!.. В конце концов, если уж браться за дело, так по-настоящему!

Словно крылья выросли у ребят!

— Давайте считать, — сказал председатель собрания. — За один месяц всего не сделать, это ясно. Нужен, по крайней мере, год или два. А может, и все три?

Стали прикидывать: один год уйдёт на теплицы, второй — на огород, третий — на парк, четвёртый — на бассейн...

— Пятилетка, — сказал вдруг кто-то. — Нужна пятилетка!

Так впервые в 1952 году в 4-й средней школе города Риги возникла дерзновенная мысль: разработать свой школьный пятилетний план...

Волшебное слово

— Я нис, ты домой? Ведь сегодня в семь часов заседает спортивная комиссия.

— А я в строительной, у нас начало в восемь...

Что это за комиссии?

Ответ один: пятилетка.

«Конкурс на лучший проект теплицы! Победитель получит право съесть в торжественной обстановке первый тепличный помидор! Участвуют все желающие! Проекты сдавать в жюри конкурса не позднее...»

Что это за красочное объявление, собравшее толпу учеников?

Пятилетка!

Манэкс Маорис из седьмого класса «Е» целую неделю ходил перемазанный тушью и на все вопросы солидно отвечал:

— Выполняю в чертеже проект трамплина.

Спустя некоторое время устроили выставку лучших проектов. Вот и теплица и бассейн, стенд на первом этаже и стенд на втором этаже... А где трамплин Маориса? Не волнуйтесь, ему тоже нашлось место среди прочих! Но почему Маорис снова ходит озабоченный и снова что-то измеряет и высчитывает?

Пятилетка!

А это что такое? Большой лист ватмана, разлинованный на клетки. В каждой клетке рисунок: птица с широко разинутым клювом, или раскрытая книга, или кисточка с красками...

— Знакомьтесь с новым расписанием уроков, — говорит старшеклассница малышам из первого класса. — Так вам будет понятней, чем буквами, и интересней. Птица — значит пение, книга — чтение...

Не удивляйтесь, это тоже пятилетка!

Ответ правилен. Значит, сейчас зазвонит звонок.

— ...Илга, сколько будет пять плюс два? — спрашивает учительница.

— Восемь.

А класс молчит, затаив дыхание. Илга подходит к довольно странной доске: она вся в гвоздиках, а на гвоздях картонки с цифрами... Вот Илга влезла на скамеечку, взяла в руки два металлических карандаша, что висят на длинных шнурах по обе стороны доски, и коснулась одним из них гвоздика с картонкой « $5 + 2$ », а другим — цифрой «8». Тишина! Илга смутилась...

— Нет! — сказала она. — Не восемь, а семь!

И как только карандаш коснулся гвоздика с цифрой «7», на весь класс прозвучал мелодичный звонок.

Эту доску придумали на занятиях физического кружка сами ребята, сами же и сделали в школьной мастерской, а потом торжественно преподнесли первому классу.

Электродоска и расписание уроков, — конечно, мелочи... Они не были запланированы

в пятилетнем плане. Как можно планировать заботу о малышах? Но теперь все события в школе были связаны с пятилеткой. Казалось, даже воздух пропитан ею. В каждой детали, в каждой мелочи угадывалось дыхание этого волшебного слова...

Не робей, Эгилс!

Эгилс Рубенис никогда не увлекался спортом. Он давно решил, что будет инженером. И если Эгилс принял участие в строительстве трамплина, то только потому, что это связано с техникой и сложными расчётами.

Вы, конечно, догадываетесь: дело кончилось тем, что Эгилс стал одним из лучших лыжников школы. Да, стал. И совсем не по своей воле. Просто такой у него характер: он не любит плестись в хвосте. Если Эгилс пел в хоре, он старался петь громче всех и даже обижался на замечания дирижёра. Если Эгилс строил трамплин и видел, что все ребята носят по две доски на плече, он взваливал на себя четыре.

Строительство подходило к концу. Трамплин возвышался громадой на берегу замёрзшего озера во дворе школы. Открытие было назначено на воскресенье, а в субботу вечером Эгилс собственноручно прибил последнюю перекладину к лестнице.

Вся школа явилась на торжественное открытие. На самом вершуге трамплина висел лозунг: «Слава строителям-физкультурникам!» Играл собственный духовой оркестр, причём многие оркестранты-школьники тоже стояли на лыжах. Директор школы произнёс короткую поздравительную речь и закончил её — Эгилс даже побледнел при этих словах, — закончил её так:

— Мы предоставим почётное право первого прыжка нашим лучшим строителям трамплина: Эгилсу Рубенису, Раймонду Знотиньшу, Андрису Калненшу...

Кто-то сунул в руки юного техника пару лыж, подтолкнул к лестнице... Внизу море голов, несутся крики:

— Не робей, Эгилс!

Легко сказать: не робей! Эгилс напряг всю свою волю, подождал, пока директор пережет красную ленточку, потом услышал, как оркестр грянул туш, и... ринулся вниз.

Когда его подняли на ноги, он не мог от восторга вымолвить ни одного слова. Первым желанием было немедленно повторить прыжок.

Так Эгилс стал лыжником... И разве случайность, что после открытия трамплина в

спортивные секции потянулись всё новые и новые ребята? Разве случайность, что сегодня школа насчитывает в своих рядах двести семьдесят шесть спортсменов, аккуратно посещающих занятия секций?!

Вот вам простые цифры: 1-й разряд в школе имеют два ученика, 2-й — одиннадцать, 3-й — сорок три, а юношеский — семьдесят семь! Баскетбольная секция, волейбольная, лёгкой атлетики, лыжная... Да что перечислять! Сколько есть в районе спортивных призов — все находятся в кабинете директора 4-й школы. Но это ещё не всё: хвастать, так уж до конца! Кто чемпион Латвии по лёгкой атлетике? Сборная команда 4-й средней школы. Кто чемпион Латвии в беге на сто метров? Эгилс Лусис, ученик 10-го класса. Кто чемпион республики по бросанию молота, по диску, по троеборью, по конькам? Иварс Брыдис, Дообеле Лигита, Сармита Мартынова, Элга Миланцей...

В школьном физкультурном зале идёт напряжённая тренировка. Скоро предстоит традиционная поездка — сначала в Таллин, где ребята ждёт 1-я таллинская школа, а по-

Вот какой трамплин сделали ребята во дворе школы. Можно покататься даже на большой перемене.

том в Вентспилс, где будут проведены товарищеские состязания с детской спортивной школой. А может быть, когда-нибудь школьные спортсмены выйдут и на международную арену? Дерзать так уж дерзать!

Своими руками

Мысль о музее возникла неожиданно. Разве может пятилетний план всё предусмотреть? План — дело творческое! А раз творческое, то и дерзай, смелее выдумывай новое.

Притащил кто-то из ребят в школу скелет ихтиозавра, и сразу возникла идея: собственный музей!

Первую неделю в музее было пусто, если не считать ихтиозавра и мышей, появившихся по собственной инициативе. Мышей изловили, посадили в клетку и объявили первой музейной живностью. Спустя несколько дней появились чучело орла, четыре огромных аквариума и фикус в кадке. Начало было положено.

А сейчас чего только нет в музее! Аллигаторы и еноты, лягушки и черепахи, змеи и бабочки, засушенная камбала и ракушки с побережья Балтийского моря, чучела всевозможных зверей и семена разнообразных растений, початки кукурузы и макет пчелиных ульев, морские свинки и пушистые кролики, аквариумы, полные прожорливых щучат и аксалотов с выпученными глазами и шевелящимися лапами... В первый момент даже трудно понять, что здесь живое, а что мёртвое. Ходишь по музею, и всё время кажется, что противная лягушка, сидящая в банке, водит за тобой глазами. А оказывается, она заспиртована!

И знаете, что самое интересное в этом музее? Только часть экспонатов была куплена в магазине, а всё основное собрано и сделано руками школьников. Даже дверь в музей они застеклили сами...

— Внимание, внимание, говорит Рига! Работает радиостанция 4-й средней школы имени 30-летия ВЛКСМ! Передаём важное объявление!

Прежде всего не удивляйтесь! В пятилетнем плане так и было записано: «В 1954 году радиофицировать школу». Потом привезли аппаратуру — подарок рабочих Радиолампового завода имени Попова. В течение недели вся школа дышала известковой пылью: ребята прокладывали радиосеть. Репродукторы, словно птицы, усаживались всюду, где только можно было зацепиться: в классах, коридорах, актовом зале, кабинете. ди-

Почти всё, что есть в школьном музее, собрано и сделано руками ребят.

ректора и даже над ухом школьного повара. И, конечно, в музее, у вас над головой... Но тише, слушайте объявление...

— Из Москвы получена телеграмма!.. «Кружок юных натуралистов 4-й рижской средней школы награждён медалью участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1955 года...»

Дела натуралистов

Названия такие, что даже дух захватывает! Тюльпан «Волшебный», георгины «Солнце в небе», «Грёза цветов», «Девушка с гор», гладиолус «Пурпурный», флокс «Ликующий», ирисы, портулаки... А кусты какие! Пять человек возьмутся за руки — один куст не обхватят. Сирень белая, сирень розовая, акации «Золотой дождь» — восемьдесят кустов! Клумбы словно покрытые дорогим ковром, дорожки, посыпанные жёлтым песочком, скамейки... Одним словом, школьный двор — это парк! Каждый цветок посажен юным натурали-

стом; каждая щепотка песка прошла через его руки. Он выравнивал аллеи лопатой, и у него вздувались на ладонях пузыри. Земля для клумб принесена на его плечах. И даже скамейки он красил сам.

Но это ещё не всё, что сделано юннатами. Вас поведут осматривать фруктовый сад и огород. Вы будете наслаждаться спелыми, сочными грушами и любоваться ровными рядами грядок. А вот посмотрите — подсолнух! Если Валду на плечи посадить Рунальда, а на плечи Рунальду Яниса и если Янис ещё поднимет руки вверх, только тогда он достанет до самой макушки!.. Здесь капуста, морковь, помидоры, там огурцы, лук, редис, репа... И на каждой грядке дощечка: «Участок Зинды Жикур, ученицы 6-го класса», «Участок Догмары...»

А скоро достроят теплицы, и юннатам ещё прибавится работы.

Туда без сетки не ходите: там пчёлы. Правда, пока только четыре улья, но уже собран первый урожай! Немножко обидно, что мёд этот никому не удалось попробовать, — его решили продать, чтобы на вырученные деньги купить ещё столько же ульев и пчёл. Но это не беда! Не сегодня, так завтра будет собственный янтарный мёд! И если бы юные пчеловоды не умели заглядывать в завтрашний день, у них и сейчас не было бы этих маленьких первых успехов...

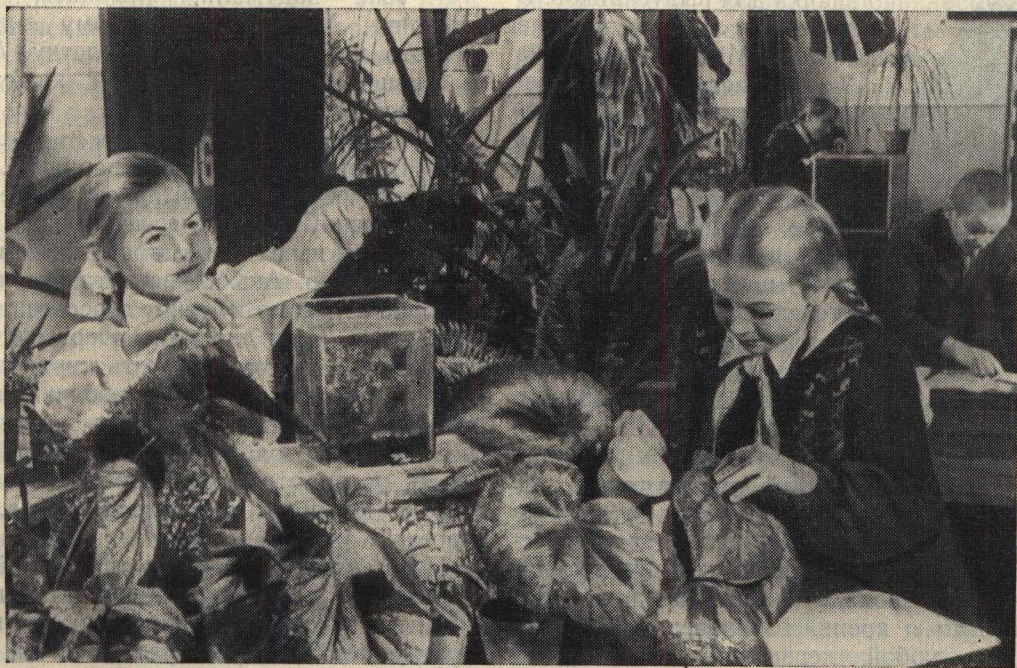
Весёлые цифры

Сами по себе цифры мертвы и ничего не выражают. Но если представить то, что цифрой измерено, подсчитано или взвешено, она сразу оживёт и вызовет либо радость, либо разочарование. Ну, к примеру: пятьдесят человек стоят в очереди за одним напильником. Грустно? Очень грустно. А если так: в школьной мастерской имеется пятьдесят новеньких напильников? Это гораздо веселее, верно?

Сколько таких весёлых цифр можно обнаружить в мастерской школы! Четырнадцать деревообрабатывающих станков, сто свёрл, двадцать три стамески, двадцать угольников, тридцать молотков, двадцать четыре рубанка... Можно продолжить этот список до бесконечности, потому что есть тиски и наковальни, пилы и топоры, клещи и циркули, отвёртки и измерители...

Как вы думаете, что в первую очередь делали ребята на занятиях кружка по труду? Стояли у станков и выгачивали деревянные ручки для напильников. Из пятидесяти напильников почти сорок имеют ручки, выточенные и тщательно отшлифованные в этой самой мастерской. Из двадцати угольников ребята сделали двенадцать... Так расширялась школьная мастерская.

Сейчас ребята делают рамы для парников,

Биологический кабинет похож на сад, потому что каждый юннат вырастил один цветок, и все цветы разные.

В школьной столярной мастерской можно сделать, например, хоккейную клюшку. Вот этим и занялся сейчас Эгон Шифер.

вытачивают новые номерки для гардероба. Скоро у них ещё прибавится работы... Каждый год в школе устраивается конкурс на проект значка для выпускников. В этом году лучшим признан проект Майи Табака из 9-го класса. На торжественном вечере ей и предоставят г-чётное право вручить выпускникам памятный значок.

Но обидно, что до сих пор значки делали по заказу школы другие мастера...

Как только школе дадут мотор и станки — шефы уже обещали, — юные техники будут сами делать школьные памятные значки.

Неожиданный вариант

Я был в этой школе совсем недавно, месяца два назад, ходил, смотрел и удивлялся. Школа казалась мне одним мужественным и крепким человеком, способным на любой дерзновенный поступок. Воля почти тысячи школьников слилась в одну монолитную волю.

— Знаете, что, — сказал я директору, — я не удивлюсь, если ребята задумают построить даже собственный маленький заводик, бассейн или зооферму!..

— Уже задумали, — улыбаясь, ответил товарищ Мауринь. — Зооферму задумали. Но это на следующую пятилетку. А вот с бассейном... От бассейна мы, кажется, откажемся.

— Откажетесь? Почему?

— Возник неожиданный вариант...

...Конкурс на лучший проект бассейна выиграл ученик 10-го класса Клява Вилнис. Его чертёж выполнен в строгом соответствии с местностью. А местность такая: на территории школы, в тени деревьев, небольшое озеро. Если дно этого озера расчистить, углубить, а потом выложить кирпичом, если зажать озеро с четырёх сторон кирпичными стенками, а потом поставить вышки, то и получится настоящий бассейн длиной в двадцать пять метров, шириной в восемь метров и глубиной в полтора метра. Таков проект Клявы.

Первый день строительства бассейна был обставлен очень торжественно. Многочисленных гостей проводили к небольшой трибуне у самого озера и рассадили на скамейки. Школьный духовой оркестр замер в боевой готовности. Все терпеливо ждали.

Разве может настоящая стройка обойтись без современной техники? Ждали экскаватор. От трибуны до улицы Звардес вытянулась цепочка пионеров. Это почётный караул. И вот раздался звук горна. «Идёт! Идёт!» — донесли голоса. Оркестр грянул марш, публика задвигалась, заволновалась, а пионеры вскинули руки в салюте... Из ворот школы со знаменем впереди вышла колонна строителей, вооружённая лопатами. Четыреста семьдесят два человека! Сделав круг, школьники оказались позади экскаватора, и вся процессия торжественно двинулась к озеру.

Начался митинг, а потом секретарь комитета комсомола Илга Озола предоставила товарищу Мауриню право начать стройку. Директор под оглушительные крики «ура», под туш оркестра, отшвырнул в сторону первые килограммы ила со дна будущего бассейна. Вслед за этим в землю разом вонзились четыреста семьдесят две лопаты, а чуть в стороне раздался скрежет и лязг: это задвигал челюстями мощный экскаватор...

Через несколько месяцев, когда дно озера было уже расчищено, стало известно, что рядом со школой городские власти запланировали строительство нового рижского бассейна. И тут возник неожиданный вариант. Какой смысл строить школьный бассейн, если можно будет пользоваться городским?

— Государственный бассейн — это тоже наш собственный, — закончил товарищ Мауринь. — А стройку мы всё же не прекратим. Комсомольцы решили так: озеро приведём в порядок и разведём таких карпов, что нам будут завидовать рыболовецкие колхозы!

Завтрашний день

Конечно, невозможно обо всём рассказать в маленьком очерке: о пионерской комнате и о том, как она оформлялась, о самодеятельности, в которой участвуют шестьсот юных артистов, о хоре, в котором поют сто пятьдесят человек, о том, как организовывался духовой оркестр... А кружки! Я ничего не сказал об этом! Драматический, вокальный, скрипичный, пианино, балета, народных танцев, гимнастики, фото, физики, географии, ботаники, истории, астрономии, математики, пчеловодства, умелые руки, трудовой, парашютный... Есть даже кружок быта, в котором мальчики учатся стирать бельё и варить обед, а девочки — чинить примус и забивать гвозди...

Об одном я всё же ещё расскажу: о том, что помогло в работе — о перспективе.

Ещё задолго до того, как был построен трамплин, школа сделала заявку на участие в республиканских соревнованиях по лыжам. Почему? Потому что видели перспективу. Не доски, из которых будет сколочен трамплин, а целую армию новых лыжников, которые появятся после этого. Видел будущее и автор проекта Манэкс. Вот почему трамплин стоит в таком месте, что его можно сделать вдвое выше, не спиливая деревья вокруг и не продлевая дорожку свободного пробега. «Появятся новые лыжники, потом мастерство их возрастёт, — думал автор проекта, — и тогда подавай им более мощный трамплин для тренировок!»

Вот это и называется перспективой. Так было в любом деле. За каждым пунктом пилетки стояла перспектива, она давала ясную цель впереди и никогда не сковывала мечту ребят. Дело оставалось за ними: воплощайте эту мечту в действительность, держите!

Первого мая, когда в торжественной обстановке будет провозглашено выполнение пятилетнего плана, — в этот самый день объявят о начале новой пилетки, которая уже сегодня детально разработана специальными комиссиями.

Школа ясно видит свой завтрашний день. В расширенной мастерской работают фрезерные, токарные и револьверные станки, на школьной зооферме появились первые лисы и множество кроликов. На перемене в раскрытые окна школы врываются многоголосый петушиный крик и кудахтанье кур, поскандаливших из-за каких-то пустяков... Каждый день — зимой и летом — дежурные по столовой разносят к обеду свежие помидоры и огурцы, а на третье подают чай с собственным мёдом. По школьному радио передают сводку погоды, причём намного раньше общегородской, и даже точней: во дворе школы организована своя метеослужба. В парке бьют фонтаны, на теннисных кортах оживление, а с трибун футбольного поля несутся возгласы болельщиков... Покидая школу, выпускники унесут в кармане не только аттестаты зрелости, но и дипломы о приобретённой в школе профессии плотника или киномеханика, метеоролога или столяра, фрезеровщика или пчеловода, на лацкане пиджака — маленький школьный значок, а в сердце — большую и настоящую любовь к школе. Школа научила их мечтать и воплощать мечту в действительность, они обрели крылья дерзания, которые вынесут их и поставят в число умелых, полезных стране людей.

Орасьо Кирога

Рисунки А. Брея.

Однажды змеи устроили бал. Они пригласили лягушек, жаб, птиц фламинго, крокодилов и рыб. У рыб нет ног, и они не могли плясать, но так как бал устраивался на берегу реки, рыбы высунулись из воды и аплодировали хвостами.

Все гости хотели быть нарядными и красивыми. Крокодилы нацепили на шеи ожерелья из бананов и курили парагвайские сигары. Жабы обклеились с головы до ног рыбьей чешуёй и передвигались плавно, будто плыли. И каждый раз, когда они важно шествовали по берегу реки, рыбы громко смеялись. Лягушки надушились с головы до ног. Они шли на задних лапках, и на шее у каждой покачивался, как фонарик, светлячок.

Но самыми красивыми были змеи. Все они были одеты балеринами, и платье каждой змеи было точно такого же цвета, как её кожа. На красных змеях были красные юбочки, на зелёных — зелёные, на жёлтых — жёлтые, а на змеях ярарá — серые юбочки, раскрашенные кирпичной пылью и золой, так как именно таким был цвет их кожи.

А уж коралловые змеи были просто великолепны! Они надели длиннейшие красные платья с белыми и чёрными полосками. Когда они танцевали и кружились, опираясь на кончики хвостов, все приглашённые хлопали, как безумные.

Только фламинго, у которых тогда были белые лапки, а носы, как и теперь, кривые и толстые, только они были грустными. Как известно, фламинго не отличаются особым умом, вот они и не придумали, как им нарядиться. Они завидовали всем, и особенно коралловым змеям. Когда какая-нибудь из ко-

ралловых змей проходила мимо, кокетничая и раздувая своё яркое платье, фламинго готовы были умереть от зависти.

Наконец один фламинго сказал:

— Я знаю, что мы должны сделать: давайте наденем красные чулочки с белыми и чёрными полосками, и тогда коралловые змеи захотят танцевать с нами.

Они все разом поднялись в воздух, полетели в ближайшую деревню и постучались в магазин.

— Тук-тук-тук! — забарабанили они лапками. — Есть у вас красные чулочки с белыми и чёрными полосками?

Хозяин магазина удивился:

— Красные чулочки с белыми и чёрными полосками? Таких чулок нет нигде! Глупые птицы, кто вы?

— Мы фламинго, — ответили птицы.

— Тогда понятно, — сказал человек.

Они полетели ещё в один магазин.

— Тук-тук-тук! Есть у вас красные чулочки с белыми и чёрными полосками?

— Красные с белыми и чёрными полосками? — воскликнул хозяин магазина. — Только таким носатым птицам, как вы, придёт в голову просить такие чулки. Убирайтесь отсюда!

И человек прогнал их метлой.

Фламинго облетели все магазины, но везде их принимали за безумных и прогоняли.

Наконец один зверёк, броненосец, который спустился к реке напиться, захотел подшутить над птицами и сказал им с притворной любезностью:

— Добрый вечер, сеньоры фламинго! Я знаю, что вы ищете. Таких чулок вы не

найдёте ни в одном магазине. Может быть, они есть в Буэнос-Айресе, но оттуда вам пришлось бы пересылать их почтой. А у моей приятельницы совы есть такие чулки. Попросите её, и она даст вам красные чулочки с белыми и чёрными полосками.

Фламинго поблагодарили броненосца и полетели к дуплу совы.

— Добрый вечер, сеньора сова! Мы прилетели, чтобы попросить у тебя красные чулочки с белыми и чёрными полосками. Сегодня у змей большой бал, и мы хотим быть нарядными, чтобы коралловые змеи танцевали с нами.

— Хорошо, я помогу вам,— ответила сова.— Подождите меня здесь, я сейчас вернусь.

Сова улетела, оставив фламинго одних, и скоро вернулась с чулками. Но это были не чулки, а шкурки, прелестные шкурки, совсем недавно снятые с коралловых змей, убитых совой.

— Вот вам чулки,— сказала сова.— Идите и помните только об одном: пляшите всю ночь, не останавливаясь ни на мгновение, иначе вам придётся уже не плясать, а плакать.

Вне себя от радости глупые фламинго просунули свои лапки в шкурки коралловых змей, словно в трубочки, и, очень довольные, полетели на бал.

Когда фламинго появились на балу в своих ярких чулочках, всеми овладела зависть. Змеи нарасхват приглашали их. Они не могли разглядеть, из чего сделаны эти чудесные чулочки, потому что фламинго ни на мгновение не переставали танцевать.

У некоторых змей появилось какое-то смутное сомнение. Когда фламинго проносились в танце мимо них, змеи пригибались к самой земле, чтобы лучше разглядеть их чулки.

Особенно были взволнованы коралловые змеи. Они не отрывали глаз от чулок фламинго и даже пытались коснуться языком их ножек. Известно, что язык часто заменяет змеям пальцы.

Но фламинго не переставали танцевать, хотя они уже выбивались из сил.

Коралловые змеи видели это. Они попросили у лягушек их фонарики — светлячков — и стали ждать, когда фламинго упадут от усталости.

И действительно, вскоре один фламинго, выбившись из сил, наткнулся на сигару одного из крокодилов, зашатался и упал. Коралловые змеи стремительно бросились к нему и осветили фонариками ножки. И тут они увидели, что это были за чулки. Из их ртов вырвался такой свист, что его услышали на другом берегу реки Параны.

— Это не чулки! — закричали змеи.— Нас обманули! Фламинго убили наших сестёр и надели их шкурки вместо чулок!

Фламинго очень перепугались и хотели улететь, но от усталости они не могли даже шевельнуть крыльями.

Тогда коралловые змеи набросились на фламинго. Они стали срывать с птиц чулки и кусать их лапки. Обезумевшие от боли фламинго метались из стороны в сторону, пытаясь сбросить с себя змей.

Когда наконец змеи сорвали с птиц последний чулочек, они оставили их в покое и занялись своими помятыми бальными платьями. Змеи были уверены, что фламинго умрут от их укусов.

Но фламинго не умерли. Громко крича от боли, они бросились к воде. Их белые лапки стали красными от яда змей.

Дни шли за днями, а боль в лапках не проходила, и лапки так и остались красными.

Это было очень давно. Но фламинго и до сих пор простаивают целые дни в воде, что-

бы хоть немножко успокоить нестерпимую боль в своих красных лапках.

Издредка они выходят на берег и делают несколько шажков по земле, чтобы проверить, не стало ли им лучше. Но боль скоро возобновляется, и птицы снова спешат к воде. Иногда боль становится такой сильной, что фламинго поджимают лапку и часами стоят так, потому что не могут вытянуть её.

Вот и вся история о птицах фламинго, лапки у которых раньше были белыми, а теперь стали красными. Все рыбы хорошо знают, как это случилось, и часто смеются над птицами. А фламинго не упускают случая отомстить и пожирают назойливых рыбешек, когда те подплывают слишком близко, чтобы посмеяться над ними.

Перевели с испанского
С. Гиланов и В. Низский.

Как король, который считал себя очень умным, был одурачен одним ловкачом

Вильям Сароян

К королю пришёл советник и сказал:

— В нашем городе появился человек, который заставляет честных людей ни за что ни про что давать ему деньги.

— Как это так? — удивился король.

— У него есть особый способ, — сказал советник. — Он ловит ваш взгляд, быстро говорит с вами — и, прежде чем вы сообразили, что вы делаете, вы уже отдаёте ему деньги, и он исчезает, причём он берёт деньги только у самых мудрых.

— Я не верю этому, — сказал король.

— Это правда, — сказал советник.

— Разыщи его, — приказал король. — Я хочу посмотреть, как он обманет меня. Если ему это не удастся, я срублю тебе голову.

Советник пошёл к ловкачу и сказал ему:

— Король велел тебе явиться и обмануть его. Постарайся выполнить его приказ.

— Я? — сказал ловкач. — Обмануть самого короля? Бог запрещает.

— Если ты этого не сделаешь, — сказал

советник, — я потеряю голову, а заодно со мной лишишься головы и ты. Ступай за мной и постарайся как следует.

Советник привёл ловкача к королю. Король сказал:

— Мне говорили, что ты одурачиваешь самых мудрых людей и берёшь у них деньги. Я горжусь своей мудростью. Попробуй обмануть меня.

— О всемогущий король, — сказал ловкач, — я прошу прощения, но это невозможно. Я заложил все свои инструменты, а без них мне не удастся обмануть даже самого доверчивого простака. Я в вашей власти.

— Иди и принеси свои инструменты, — сказал король.

— Но у меня нет денег, — сказал ловкач.

— За какую сумму ты заложил свои инструменты? — спросил король.

— За двести золотых монет.

— Советник, — сказал король, — дай деньги молодому человеку, и пусть он принесёт свои инструменты. Посмотрим, как он меня обманет.

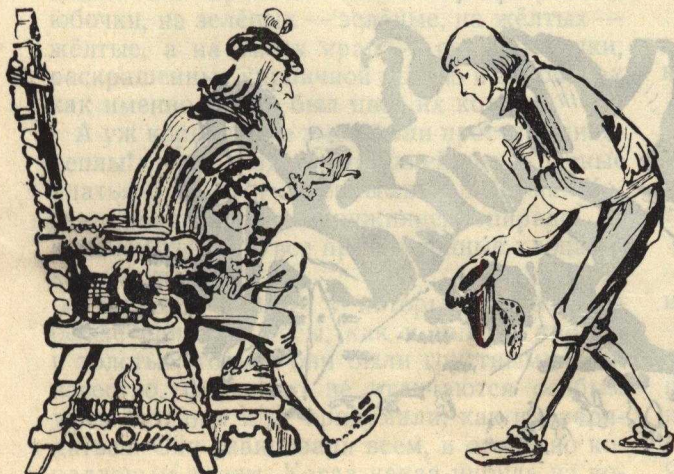
Советник дал ловкачу двести золотых монет. Ловкач, удаляясь, скромно поклонился, пообещав вернуться через два часа.

Король стал ждать. Советник чуть заметно улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил король.

— Если вы будете ждать возвращения этого человека, — ответил советник, — то ждать придётся и вашим детям и детям ваших детей. Вас обманули, о величайший и мудрый король. Его инструменты — это его хитроумные речи.

Перевела с английского
Н. Мендельсон.

Генрих Гейне (1797—1856).

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ

Ю. Новикова

ДУЛЬЦИНЕЯ ТОБОЗСКАЯ

Аллея старого парка. Чинно стоят немецкие липы, журчит искусственный водопад. На скамейке — мальчик с книгой в руках. Он похож на птицу, неизвестно откуда залетевшую в эту чинную аллею. У него тонкий орлиный нос, каштановый хохолок растрепал ветер, волосы лезут в глаза, и Гарри Гейне — так зовут мальчика — с досадой отбрасывает их. Он погружён в чтение.

В парке осень. Сухие листья кружатся в воздухе. К журчанию водопада уже давно примешался шест дождя, но Гарри не замечает его. По его щекам бегут слёзы. Он читает о поединке Дон Кихота с «серебряным рыцарем».

Захлёбываясь слезами, читает он о том, как благородный Дон Кихот Ламанчский лежит поверженный на земле. В ушах у мальчика звучит глухой, точно из могилы, голос:

— Дульцинея — прекраснейшая женщина в мире, а я несчастнейший рыцарь на земле, но не годится, чтобы слабость моя отвергла эту истину... Вонзайте копье, рыцарь!

А рыцарь — победитель Дон Кихота — всего лишь переодетый цирюльник...

Много лет спустя великий немецкий поэт Генрих Гейне вспомнит этот день в Дюссельдорфском парке. И в предисловии к «Дон Кихоту» — любимейшей книге своего детства — он напишет горькие и гордые

слова. Возможно, разумники правы... Смешно воскрешать прошлое, как пытался воскрешать его Дон Кихот. Не менее безрассудно слишком рано вводить будущее в настоящее, как пытался делать он, поэт Гейне...

— Однако Дульцинея Тобозская — всё-таки самая прекрасная женщина в мире! — восклицает он, повторяя слова своего любимого героя. — Хотя я и лежу беспомощный на земле, всё же я никогда не отрекусь от этого утверждения, я не могу иначе: колите меня копьями, вы, серебряные рыцари месяца, вы, переодетые цирюльничьи подмастерья!

Охотников «колоть» Гейне всегда находилось достаточно. За свою жизнь поэт не приобрёл ни богатства, ни почестей, зато нажил множество врагов. Виною тому вряд ли были личные свойства Гейне: причины крылись глубже. Это доказала история.

Много лет прошло со дня смерти поэта, давно забыты ничтожные имена современников, которых пронзал он ядовитыми стрелами своих острот, а ненависть к Гейне вспыхнула с новой небывалой силой. Это случилось в дни фашистского разгула в Германии. В те дни на родине Гейне имя поэта предавалось проклятию, а книги — огню. Но и тогда лучшие люди его родины произносили это имя с любовью и надеждой... Гейне любили и ненавидели, как живого человека.

Чем же заслужил такую любовь и такую ненависть поэт, умерший сто лет назад?

ШКОЛА ЛЕ-ГРАНА

Вернёмся к тому времени, когда Гарри Гейне — маленький сын дюссельдорфского купца — впервые читал «Дон Кихота». В те дни, если верить воспоминаниям поэта, у него произошла знаменательная встреча. Мечтательный немецкий мальчик познакомился с весёлым французским барабанщиком.

«Мосье Ле-Гран» — так называет его Гейне — не говорил по-немецки, Гарри не знал французского. Но барабанщик нашёл отличный способ толковать французские слова. Объясняя значение слова «свобода», он барабанил «Марсельезу». А слово «равенство» он передавал «красным маршем гильотины», от которого в своё время бледнела французская знать, — «Аристократов на фонарь!»

Трудно сказать, существовал ли мосье Ле-Гран в действительности. Вполне возможно, что французский барабанщик — художественный образ, созданный поэтом Гейне. Но дело от этого не меняется: даже если это вымысел, в основе его лежит правда. Детство Гейне — он родился в 1797 году — совпало с годами великих событий во Франции. Французские солдаты, занявшие Рейнскую область в годы, когда Гейне был мальчиком, принесли на тихие берега немецкой реки слова и песни великой революции.

Дыхание бури коснулось Гарри Гейне, оставив в чуткой его душе неизгладимый след. Недаром впоследствии он называл себя сыном революции. Это сказалось и в ранних его стихах. В первой книжке Гейне, выпущенной в 1821 году, среди песен любовных и фантастических есть стихотворение, которое называется «Валтазаров пир». О царском пире рассказывается в нём, о том, как таинственная рука пишет на стене роковые слова, возвещающие деспоту гибель...

Наутро, как взошла заря,

Рабы зарезали царя —

так заканчивается стихотворение. И в грозном, предостерегающем тоне, каким излагает Гейне это библейское сказание, угадывается поэт «школы Ле-Грана» — школы революции.

БАРАБАН БЬЕТ ТРЕВОГУ

Любовь к свободе, к равенству людей, не зависящему от сословий и цвета кожи, сочувствие угнетённым и ненависть к тиранам — вот что воспринял Гейне у французов, своих учителей. Но в своей ненависти он пошёл значительно дальше их. Не только аристократов возненавидел поэт, но и тех, кто шёл им на смену, — богачей с их «торгашеским духом».

Этот дух Гейне ещё в юности узнал слишком хорошо. Впервые он познакомился с ним в пышном доме своего гамбургского дяди-банкира, который тщетно пытался сделать из поэта купца. Гейне задыхался в «торгашеском городе» Гамбурге.

...Нет, лучше мерзостный порок,
разбой, насилие, грабёж,
чем счетоводная мораль
и добродетель сытых рож!

писал он уже в зрелом возрасте. «Сытые рож» повсюду. Не потому ли мечется по свету поэт?.. Один из друзей вспоминает о квартире Гейне в Гамбурге: «Раскиданные книги, дорожные трости, — точно поэт останавливался здесь проездом. «Есть в нём что-то от перелётной птицы», — пишет друг.

Да, Гейне не сидится на месте. Студентом мы видим его то в Бонне, то в Геттингене, то в Берлине.

Вот он путешествует по Италии, едет в туманную Англию. «Проклятое царство торгашей» повсюду. Повсюду стонут голодные, свистят полицейские... Дульцинея Тобозская, прекрасная свобода, где ты?..

1830 год. Во Франции революция. В ушах Гейне снова гремит боевой напев «Марсельезы». Окрылённый надеждами, он мчится в Париж. Увы! Во главе «революционного» правительства он видит всё тех же сытых торгашей.

«...Отправиться мне в Америку — эту необъятную тюрьму свободы? — спрашивает Гейне. — Там нет ни князей, ни дворянства, там все люди равны... За исключением, конечно, нескольких миллионов, имеющих черную или коричневую кожу, с которыми обращаются, как с собаками!»

Негде отдохнуть поэту. Да полно, надо ли ему отдыхать? В мире мертвенно тихо. Что ж, он нарушит сонную тишину — не в этом ли назначение поэта?

Старый учитель, барабанивший наступление войскам революции, вспоминается Гейне.

Бей в барабан и не бойся беды... — провозглашает он в одном из лучших своих «Современных стихотворений».

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабан в десять рук,
Маршем вперед, барабана, иди,
Вот тебе смысл всех наук.

«ДУРАЦКАЯ БОЛЬ»

Была всё же одна страна, о которой упрямо тосковал Гейне в своих странствиях. Он стыдился этого чувства и подтрунивал над ним, впрочем, он всегда говорил шутя о вещах самых серьёзных. Его мучила тоска по родине.

Прости, о, лёгкий французский народ,
Мои весёлые братья!
Влечёт меня вдали дурацкая боль,
Но скоро вернусь опять я, —

пишет он в своей поэме «Германия», замечательной сказке, где лирика тесно переплелась с ядовитой издёвкой над властителями Пруссии, над полицейскими, над узколобыми националистами — прямыми предками фашистов...

Поэма эта написана после поездки на родину. С глубоким волнением приближался поэт к границам родной страны:

Ненастный месяц ноябрь стоял,
Дни становились печальней,
Ветер срывал с деревьев листву,
Я ехал к Германии дальней.
Я стал к границе подъезжать
И чувствую вдруг: встрепенулось
Что-то в груди, а на глаза
Даже слеза навернулась.
Когда ж я услышал немецкую речь,
Мне как-то странно стало;
Как будто кровью сердце моё
Приятно истекало...

Но тотчас же мрачная действительность обступала его со всех сторон. Таможенные чиновники роются в его чемоданах, ища запрещённые книги, как манекены, шагают надутые спесью прусские вояки... Мертвечина, средневековый мрак, а над всем простёрла свои крылья проклятая «птица» — имперский орёл... Гнев душит Гейне, и он обрушивает на Пруссию и её властителей всю сокрушительную мощь своих стихов.

Есть в этой поэме строки, которые кажутся почти пророческими... Богиня Гамбурга показывает поэту частицу будущего Германии. Страшное видение предстаёт его глазам:

...Мерзавцы, сгнившие давно,
Смердя историческим смрадом,
Полунегодяи, полумертвецы
Сочились последним ядом.

Гейне видит прожорливое чудовище:

...Чумным дыханьем весь мир отравить
Ещё раз оно захотело...

Читая эти строки, невольно вспоминаешь о гитлеровской «третьей империи», о тех, кто бросал книги Гейне в костёр...

Пруссские власти не простили Гейне этой поэмы. Поездка его на родину оказалась последней. Все произведения Гейне в Германии были запрещены, а его самого, если только он переступит немецкую границу, ожидали арест и крепость.

Не только немецкие власти ополчились на поэта. Его возненавидели и те соотечественники, которые сначала именovali себя друзьями Гейне. Они считали себя революционерами, но Гейне высмеивал их мнимую революционность.

Он издевался над этими «политическими» поэтами:

Раб о свободе любит петь
под вечер в заведении, —
от этого питьё вкусней,
живей пищеваренье.

Противники не остались в долгу. На Гейне полился мутный поток оскорблений, его обвиняли даже в предательстве. И только один немец твёрдо встал на сторону Гейне. Имя этого немца — Карл Маркс.

Маркс высоко ценил широту взглядов поэта, он очень любил его стихи, в особенности «Германию» и песню «Силезские ткачи», в которой говорится о том, как голодные ткачи ткут саван старой Германии и всему старому миру.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

О Гейне трудно говорить коротко. Его богатая натура сложна и противоречива. Он сам не раз писал о противоречивости своих чувств, о трещине, которая, расколов надвое мир, прошла через его сердце.

Так же сложно его отношение к будущему. Пожалуй, никто из поэтов не верил так твёрдо в неизбежное торжество коммунизма, как верил Гейне. И в то же время он чуть-чуть страшился этого торжества. Ведь он полагал, что коммунизм отринет ту «бесполезную» красоту, которую поэт так любил, что из его «Книги песен», как писал он полушутливо, будут делать «пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старух будущего».

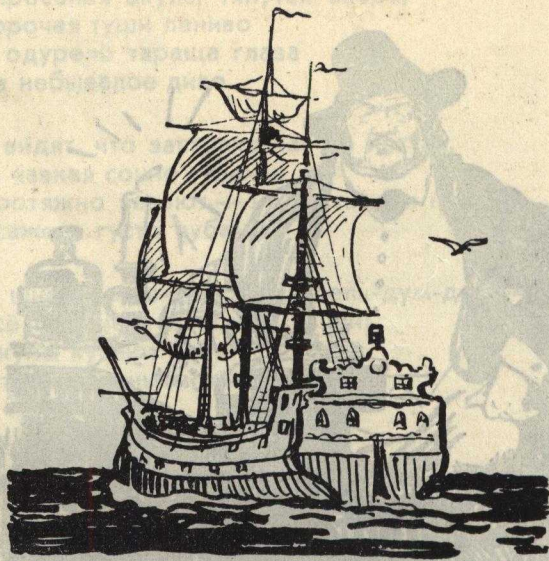
Гейне ошибся: ничто не угрожает его «Книге песен». Мы приняли Гейне целиком — с его лирическими стихами, лунными ночами и соловьями. У нас с Гейне общая любовь: красота, справедливость, освобождение человечества. Гейне был отважным солдатом в борьбе за это освобождение. И общие враги у нас с поэтом. Эти враги — душители человеческой свободы, мракобесы, ханжи, лицемеры...

«Я всю жизнь ненавидел и сражался с ними, — писал Гейне незадолго до своей смерти, — и теперь, когда меч выпадает из рук умирающего, я утешен мыслью, что коммунизм... нанесёт им последний удар: и, конечно, не палицей пришибёт их гигант, а раздавит ногой, как давят гадин».

...Последние годы жизни Гейне был прикован к постели. Восемь лет мучительно умирал поэт. Поистине поверженный лежит он на земле, и, однако же... однако Дульциния Тобозская — всё же прекраснейшая из женщин! Он продолжает сражаться... Оклеветанный, полумёртвый, он — славит свободу и разит её врагов.

В эти годы он создаёт множество стихов, полных жизни и силы, в числе их и «Невольничий корабль», который вы здесь прочитаете. Тогда же, в «матрачной могиле», как называет Гейне своё смертное ложе, он пишет стихотворение «Enfant perdu» (дословно — «Потерянное дитя»). Так в армии французской революции называли часового на передовом посту, часового, по большей части обречённого на смерть. В этом стихотворении поэт как бы подводит итог своей жизни:

Как часовой, на рубеже свободы
Лицом к врагу стоял я тридцать лет.
Не знал, вернусь ли под родные своды,
Не ждал ни славы громкой, ни побед.
Пока друзья храпели беззаботно,
Я бодрствовал, глаза вперив во мрак
(В иные дни прилёг бы сам охотно,
Но спать не мог под храп лихих вояк).
Порой от страха сердце холодело
(Ничто не страшно только дураку!),
Для бодрости высвистывал я смело
Сатиры злой звенящую строку.
Ружьё в руке, всегда на страже уха,
Кто б ни был враг — ему один конец!
Вогнал я многим в мерзостное брюхо
Мой раскалённый, мстительный свинец.
Но что таить!.. И враг стрелял порою
Без промаха, — забыл я ранам счёт.
Теперь — увы! — я всё равно не скрою,
Слабеет тело, кровь моя течёт...
Свободен пост! Моё слабеет тело...
Один упал — другой сменил бойца!
Но не сдаюсь! Ещё оружие цело,
И только жизнь иссякла до конца.

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ

Генрих Гейне

Перевод В. Левика.

Рисунки А. Кокорина.

Сам суперкарго¹ мингер ван Кук
Сидит, погружённый в заботы:
Он калькулирует груз корабля
И проверяет расчёты.

— И гумми хорош, и перец хорош, —
Всех бочек больше трёх сотен.
И золото есть, и кость хороша,
И чёрный товар добротен.

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала;
У них сухожилья, как толстый канат,
А мышцы — твёрже металла.

В уплату пошло дрянное вино,
Стеклярус да свёрток сатина.
Тут виды — процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.

Да, если триста штук доживёт
До гавани Рио-Жанейро,

¹ Суперкарго — владелец коммерческого груза на корабле (англ.).

По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонзалес Перейро.

Так предаётся мингер ван Кук
Мечтам, но в эту минуту
Заходит к нему корабельный хирург
Герр ван дер Сmissen в каюту.

Он сух, как палка; малиновый нос
И три бородавки под глазом.
— Ну, эскулап мой! — кричит ван Кук. —
Не скучно ль моим черномазым?

Доктор, отвесив поклон, говорит:
— Не скрою печальных известий:
Прошедшей ночью весьма возросла
Смертность среди этих бестий.

На круг умирало их по двое в день,
А нынче семеро пали —
Четыре женщины, трое мужчин.
Убыток проставлен в журнале.

Я трупы, конечно, осмотру подверг,—
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мёртвым, да так и лежит,—
Е расчётом, что вышвырнут в море.

Я цепи со всех покойников снял
И утром, поближе к восходу,
Велел, как мною заведено,
Дохлатину выкинуть в воду.

На них налетели, как мухи на мёд,
Акулы — целая масса:

Я каждый день их снабжаю пайком
Из негритянского мяса.

С тех пор как бухту покинули мы,
Они плывут подле борта, —
Для этих каналов вонючий труп
Вкуснее всякого торта.

Занятно глядеть, с какой быстротой
Они учиняют расправу:
Та в ногу вцепится, та в башку,
А этой лохмотья по нраву.

Нажравшись, они подплывают опять
И пялят в лицо мне глазищи,
Как будто хотят изъяснить свой восторг
По поводу лакомой пищи.

Но тут ван Кук со вздохом сказал:
— Какие ж вы приняли меры?
Как нам убыток предотвратить
Иль снизить его размеры?

И доктор ответил: — Свою беду
Накликали чёрные сами:
От их дыханья в трюме смердит
Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть, безусловно, подохла с тоски,—
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух.

Ван Кук вскричал: — Дорогой эскулап!
Совет ваш стоит червонца.
В вас Аристотель¹ воскрес, педагог
Великого македонца!

Клянусь, даже первый в Дельфте мудрец,
Сам президент комитета
По улучшенью тюльпанов — и тот
Не дал бы такого совета!

Музыку! Музыку! Люди, наверх!
Ведите чёрных на шканцы,
И пусть веселятся под розгами те,
Кому не угодны танцы!

В бездонной лазури миллионы звёзд
Горят над простором безбрежным,
Глазам красавиц подобны они,
Загадочным, грустным и нежным.

¹ Аристотель — древнегреческий философ, был воспитателем Александра Македонского.

Они, любуясь, глядят в океан,
Где, света подводного полны,
Фосфоресцируя в розовой мгле,
Шумят сладострастные волны.

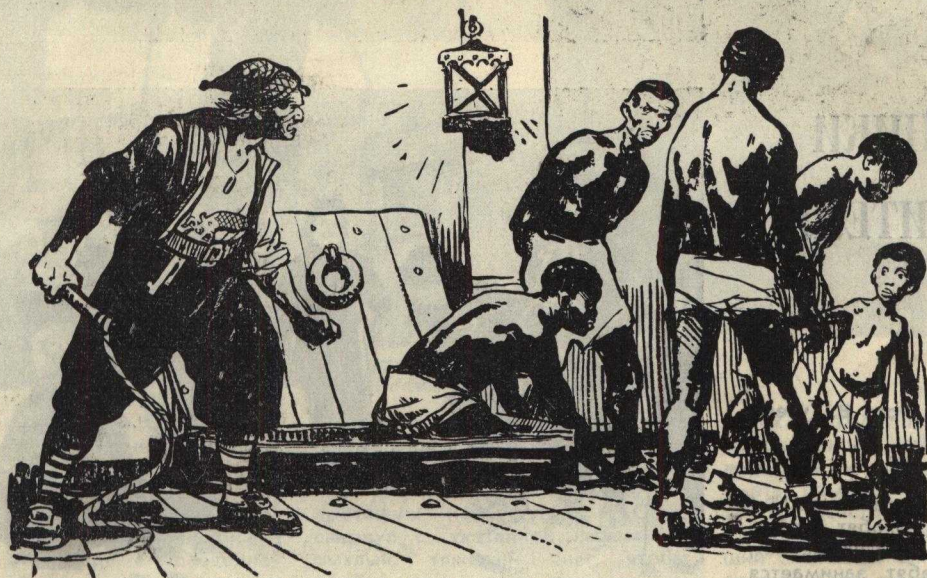
На судне свёрнуты паруса,
Оно лежит без оснастки,
Но палуба залита светом свечей,—
Там пенье, музыка, пляски.

На скрипке пиликает рулевой,
Доктор на флейте играет,
Юнга неистово бьёт в барабан,
Кок на трубе завывает.

Спросонья акулы тянутся вверх,
Ворочая туши лениво
И одурело тараща глаза
На небывалое диво.

И видят, что завтрака час не настал,
И, чавкая сонно губами,
Протяжно зевают,— их пасть, как пила,
Усажена густо зубами.

И шнед-де-ре-денг и ди-дель-дум-дей,—
Всё громче и яростней звуки!
Акулы кусают себя за хвост
От нетерпенья и скуки.

Сто негров, танцую, беснуются там.
От грохота, звона и пляса
Им душно, им жарко, и цепи, звеня,
Впиваются в чёрное мясо.

Надсмотрщик — *maitre de plaisirs*¹,
Он хлещет каждое тело,
Чтоб не ленились танцоры плясать
И не стояли без дела.

И ди-дель-дум-дей и шнед-де-ре-денг!
На грохот, на гром барабана
Чудовища вод, пробуждаясь от сна,
Плывут из глубин океана.

¹ *Maitre de plaisirs* — распорядитель танцев (франц.).

От музыки их, вероятно, тошнит,
От этого гама и звона.
«Не любящим музыки тварям не верь»,—
сказал поэт Альбиона.

И ди-дель-дум-дей и шнед-де-ре-денг,—
Всё громче и яростней звуки!
Стоит у мачты мингер ван Кук,
Скрестив молитвенно руки:

«О господи, ради Христа пощади
Жизнь этих грешников чёрных!
Не гневайся, боже, на них,— ведь они
Глупее скотов безнадзорных.

Помилуй их ради Христа, за нас
Испившего чашу позора!
Ведь если их выживет меньше трёхсот,—
Погибла моя контора!»

СПОРТ

УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЯ

В. Кречетова Фото В. Гусева.

В звенигородской школе № 1 ребята очень любят спорт. Здесь, как и в других школах, где много ребят занимается спортом, есть хороший обычай: каждый из спортсменов — и ученик и учитель. Каждый, научившись чему-нибудь в спорте, старается помочь товарищам. И каждый сам учится — у ребят более ловких, более сильных.

Звенигород — город лыжников. Там начинают ходить на лыжах с самого раннего детства. Коле Розову, которого вы видите на первом снимке, пять лет. Очень важно, чтобы с самого начала он не делал ошибок, поэтому лыжник более опытный учит Колю хорошо скользить, сгибать колени, правильно ставить палки.

Когда ребята приходят в школу, почти все они уже умеют немного ходить на лыжах. А здесь их начинают учить лыжному спорту по-настоящему — на уроках физкультуры, на специальных тренировках, в лыжных походах.

Лыжные экскурсии больше всего нравятся школьникам. Вожаки знают это. Вот почему в первые же снежные дни Люся Тоболева организовала в своём отряде лыжное путешествие за три километра от города, в Краеведческий музей. Её пионеры учатся в третьем классе, они ещё не очень бывалые лыжники, и, прежде чем отправиться в путь, Люся тщательно проверяет у всех крепления, палки, смотрит, хорошо ли зашнурованы ботинки, удобен ли костюм (снимок 2).

На третьем снимке вы видите Сашу Болошина из 8-го «А» класса. Саша по секундомеру следит, с какой скоростью идёт его товарищ и ученик Шурик Балашов из 8-го «Б».

У Саши Болошина настоящий спортивный характер, поэтому он стал и хорошим учителем для друзей и хорошим лыжником. В прошлом году был случай на лыжных состязаниях дружины. Саша шёл очень быстро, он обогнал тех, кто ушёл со старта раньше. Но впереди Саши был ещё один лыжник из другой команды. Саша нагнал его. «Дай лыжню!»

Противник будто не слышит, хотя по правилам лыжной гонки он должен уступать дорогу. «Лыжню!» Никакого ответа. Ясно, что противник не уступит. И Саша свернул с укатанной лыжни на рыхлый, тяжёлый снег, чтобы обойти противника. Конечно, он потерял на этом драгоценные секунды и к финишу пришёл, показав время значительно худшее, чем на обычной тренировке... Саша очень устал, но ему не хотелось мириться с таким плохим результатом. Он вернулся на старт и снова прошёл всю дистанцию. Саша добился своего: теперь результат был значительно лучше.

Даже самые сильные спортсмены школы находят, чему поучиться у товарищей. Юрий Рыбаков — чемпион школы по лыжам; он занимается в юношеской спортивной школе и сам тренирует группу лыжников. Юра — «равнинник» и искусством слалома пока ещё не овладел. Но Юра знает, как важно для лыжника с ходу, быстро брать подъёмы и, не задумываясь, вихрем спускаться с гор. Ведь теперь дистанции равнинных

гонок проходят по холмам и оврагам. Гонщик обязательно должен быть и слаломистом и даже уметь прыгать на лыжах. Стать таким всесторонним лыжником Юре помогает Олег Евсеев, лучший слаломист школы. Они часто тренируются вместе. На четвёртом снимке вы видите, как Юра встаёт после неудачного поворота. Олег уже тут, готов помочь другу.

А на пятом снимке показана летняя тренировка звенигородских лыжников. Ребята и летом не прекращают тренировок в лыжных кружках. Они занимаются лёгкой атлетикой, прыгают, бегают кроссы, метают гранаты. Они даже занимаются слаломом. Вот что они придумали: когда скосят траву на выгоревших, сухих склонах холмов и гор, ребята наметают флажками слаломную трассу и начинают тренироваться. Чем гуще и суше трава, тем лучше скольжение.

И тут снова старшие и младшие школьники занимаются вместе, «ученики» и «учителя» помогают друг другу, и эта дружба в спорте, как и в жизни, приносит успех.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Тихий океан

Дорогая редакция!
Почему океан назван Тихим? Ведь на нём бывают сильные бури!

Шура Чижикова,
ученица 7-го класса,
село Ново-Романовское, Алтайский край.

Это название, Шура, было дано случайно, как многие другие географические названия.

Португальский мореплаватель Магеллан, который первым обогнул южноамериканский материк, попал из Атлантического океана в новооткрытый, ещё неизвестный европейцам и потому безымянный океан.

Когда Магеллан обходил южную оконечность Америки, его парусным кораблям пришлось много недель бороться с самыми жестокими и страшными

бурями. И вот корабли Магеллана, преодолев эти бури, вышли в неизвестный океан. Там как раз стояла тихая и ясная погода. Неизвестный океан, такой приветливый и мирный, очень понравился мореплавателям, и они назвали его Тихим, не зная, что он часто бывает далеко не тихим. О свирепых тайфунах Тихого океана ты можешь судить по напечатанному в этом номере рассказам участников научных экспедиций на корабле «Витязь».

Е. Владимирова

Народ Кении борется

Здравствуй, дорогая редакция!
Меня интересует, что сейчас происходит в Кении? Как там живут дети? Учатся ли они?
С приветом

Серёжа Гельфан, г. Одесса.

Кения — британская колония в Восточной Африке, Англия владеет ею с 1890 года.

Это отсталая страна, у которой нет своей промышленности. Местные жители — негры — занимаются сельским хозяйством.

Большая часть страны покрыта полупустынями и пустынями; земли, удобной для обработки, мало, и её почти всю захватили колонизаторы, оставив неграм крошечные наделы неплодородной земли, которая не может прокормить тех, кто её обрабатывает.

На полях колонизаторов работают негры, и за свой тяжёлый, изнурительный труд они получают мизерную оплату; плантаторы платят неграм значительно меньше, чем белым рабочим.

Негры живут в жалких, крытых соломой лачугах с земляным полом. Они впадают в полуголодное существование, большинство из них сильно истощено от постоянного недоедания. В Кении огромная смертность, особенно среди детей, причём заболевшим детям не оказывают никакой медицинской помощи: для туземцев почти нет больниц, одна больничная койка приходится на пятнадцать тысяч человек.

Большинство населения Кении неграмотно. Только одна пятая часть детей школьного возраста имеет

возможность учиться, остальные с раннего детства работают вместе со взрослыми на плантациях колонизаторов.

Негры лишены политических прав. В Законодательном собрании Кении есть только четыре представителя от коренного населения, но и они не избираются народом, а назначаются английским губернатором.

Народ Кении борется против своих угнетателей. Во главе национально-освободительного движения стоит «Союз негров Кении». Кроме того, в Кении есть тайное общество негров «Мау-мау», которое тоже борется с колонизаторами.

Английское правительство беспощадно расправляется с неграми: убивает ни в чём не повинных, беззащитных людей, сажает в концентрационные лагеря. В настоящее время в концентрационных лагерях находится свыше шестидесяти тысяч африканцев. Особенно беспощадному истреблению подвергается племя Кикуйю за его горячее стремление к свободе.

Но жестокая расправа не может подавить борьбу народа Кении против колониального рабства. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока народ не станет свободным.

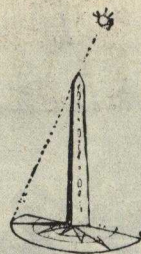
А. Данилов

Из прошлого часов

*Дорогая редакция!
Скажите, пожалуйста, когда и кто выдумал часы?*

Нигмат Садыков, г. Қоканд.

Здравствуй, Нигмат!

Про какие часы ты спрашиваешь? Ведь люди придумали очень много часов.

Самые древние часы — солнечные, с помощью которых время определяется по длине тени, отбрасываемой палочкой, освещённой солнцем. Их придумали очень давно, может быть, пять, а может быть, шесть тысяч лет назад. Кто выдумал солнечные часы, теперь установить нельзя. Во всяком случае, египтяне измеряли время этим способом.

С давних пор пользовались люди и водяными часами, которые были устроены очень просто. Брели два сосуда и устанавливали их так, чтобы вода могла переливаться из одного в другой. Время измерялось тем, сколько воды натекло в сосуд.

Тогда люди говорили так: пока ты сидел в гостях, трижды наполнился сосуд водой. Может быть, с той поры, когда время измерялось водяными часами, и пошло выражение: «Много воды утекло».

Но людям нужно было измерять время точно, учитывая и маленькие промежутки времени. Это нужно было учёным, которые наблюдали и описывали явления природы или ставили свои опыты в лаборатории. Надо было точно измерять время мастерам, изготавливавшим стекло и выплавлявшим металл из руды, лекарям, приготавливавшим лекарство.

Поэтому водяные часы стали заменять песочными.

В песочных часах из одного сосуда в другой течёт не вода, а сыплется очень мелкий песок.

Песочные часы можно сделать большие — в них песок пересыпается из одного сосуда в другой за полчаса, за 15 минут — и маленькие: на одну минуту, на полминуты.

Потом был придуман циферблат со стрелками. Водяные струи заставляли вращаться колесо с лопастями, которое соединялось особым образом со стрелками, и стрелки тоже поворачивались.

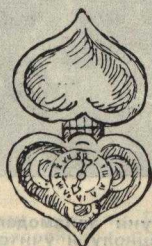
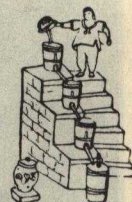
В XIII веке воду заменили гирей. Ее подвешивали на оси колеса. Верёвка или цепь, на которой висела гирька, наматывалась на вал колеса. Под тяжестью груза вал начинал вращаться так же, как вал лебёдки колодца вращается под тяжестью ведра. Эти часы были очень большие, со сложным и громоздким механизмом. Их устраивали обычно на особых башнях или на колокольнях, и назывались они башенными.

Примерно в 1500 году в Нюрнберге были изобретены совсем небольшие часы. Их называли Нюрнбергским яйцом. Они занимали мало места и уже несколько напоминали наши карманные часы.

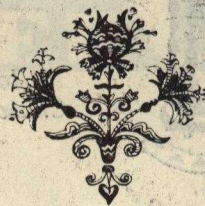
И, наконец, в 1642 году сыном великого физика, математика и астронома Галилео Галилея были изобретены маятниковые часы, принцип устройства которых придумал ещё сам Галилей.

А в 1658 году, независимо от Галилея, голландский физик и астроном Гюйгенс придумал такие же часы.

В современных часах маятник приводится в действие не силой тяжести, а пружиной.

И. Бавыкина

Пецель — старинное венгерское селение. Оно находится недалеко от столицы Венгрии Будапешта.

Каждое утро, как только прозвонит звонок, все пецельские ученики собираются возле школы на линейку. Торжественно звучит пионерский горн, взывается на мачту флаг, и дежурный рапортует о том, как прошёл вчера школьный день. Лучший класс получает переходящий красный флажок. Кто-то заслужит его сегодня?

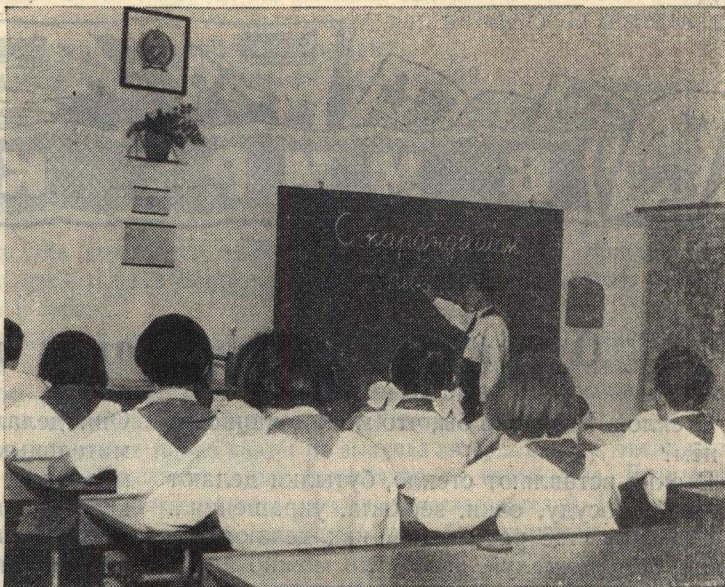
ШКОЛА

Много замечательных моделей смастерили умелые руки авиамоделистов. Занимается с ребятами Лайош Шимон. Он недавно окончил пецельскую школу и учится в Будапеште, но попрежнему увлекается авиамоделизмом и охотно передаёт свои знания и опыт маленьким друзьям.

Андраш Швенкуш — чемпион школы по прыжкам. Теперь Андраш решил научиться хорошо метать ядро.

В шестом классе идёт урок русского языка. Ребята уже неплохо читают и пишут по-русски и даже немного разговаривают. И письма своим друзьям в Советской стране они пишут на русском языке.

В ПЕЦЕЛЕ

Школьный хор известен всем жителям Пецеля. Без него не обходится ни один праздник. Это лучший детский хор в Гедделейском районе. Ребята исполняют много венгерских и советских песен. Сегодня они репетируют в школьном саду новую песню — песню о мире.

От украшений фараонов до телескопа

Стекло... Казалось бы, что можно написать о нём?

В окна вставляют стекло, бутылки делают из него, посуду, очки, зеркала, украшения... Ну, можно ещё рассказать, как делают эти вещи. Вот, пожалуй, и всё, что можно написать о стекле, и похоже, что читать такой рассказ будет не очень-то интересно.

Но вот, оказывается, толстая книжка, почти в двести страниц, написана о стекле, а читать её вовсе не скучно.

Раскрываешь эту книжку — и сразу уносишься вглубь веков, в древний Египет, туда, где пять тысяч лет назад люди впервые научились варить стекло. Тогда ещё не умели делать ни стеклянной посуды, ни оконных стёкол. Только бусы лепили тогда из стекла, и эти не очень-то красивые бусы украшали наряды фараонов.

Прошли тысячелетия. Мастера-стекловары многому научились за это время. Они уже умели делать из горячей стеклянной массы кувшинчики и флакончики, они научились варить цветное стекло, а вот о простом стекле, об оконном прозрачном стекле они и не мечтали в то время.

Тысячи лет спустя секреты египетских мастеров перешли к мастерам Рима. Тут, в Риме, научились выдувать пузыри из расплавленного стекла, и с тех пор стеклодувная трубка ещё на две тысячи лет стала главным инструментом мастеров стекольного дела.

Удивительные вещи делали римские мастера из стекла. Они выдували крошечные флакончики, в которых умещалось всего по нескольку капель духов, и огромные бочки для вина, в которых мог поместиться взрослый человек. Они создавали из стекла прекрасные чаши, за каждую из которых давали сотню рабов, и кубки, украшенные стеклянными кружевами.

Они делали вазы, роскошно убранные изумительными рисунками, украшали жилища мозаикой, сложенной из мельчайших кубиков разноцветного стекла.

Из Рима по всей Европе разошлось искусство стекловаров и стеклодувов, и каждый мастер вносил своё, новое в это хитрое дело.

Но попрежнему в окна вставляли бычий пузырь, вощёное полотно, промасленную бумагу, а фонари делали из листочков слюды, потому что бесцветного, прозрачного стекла не умел варить ни один даже самый искусный мастер в мире.

Прошли ещё столетия. На смену маленьким горшкам стекловаров пришли огромные стекловарные печи, на смену стеклодувной трубке одна за другой пришли машины. Прозрачное бесцветное листовое стекло стало дешёвым товаром, тонкая стеклянная посуда появилась в самых бедных домах, стеклянные зеркала, которые прежде ценились дороже золота, продавались на любом базаре, в любой аптеке можно было подобрать очки по глазам... Казалось бы, нет больше тайн, нет больше секретов в стекольном деле... Но стекло всё шире и шире входит в жизнь человека.

Обо всём этом рассказано в книге «Тайны стекла». Но это далеко не всё, что там рассказано. Прочти эту книжку, и ты узнаешь, как наши учёные долгим, упорным трудом открыли секрет варки стёкол для телескопов, ты узнаешь о жидком стекле и о стеклянных тканях и ещё о многих вещах, которые помогут тебе другими глазами посмотреть на обыкновенное стекло; эта книжка научит тебя уважать труд многих поколений замечательных мастеров и сделает тебя богаче, потому что даст тебе новые знания.

М. Свешников — автор книги

«Тайны стекла» много знает о стекле и не только о стекле... А рассказывает он очень интересно. Недаром книга эта, вышедшая уже третьим изданием, никогда не залежи-

вается на полках библиотек. Ребята охотно берут её, читают, как интересную повесть, и, возвращая, просят:

— Нет ли ещё такой?

А. Некрасов

В горах Жёлтой пустыни

Из уст в уста передаются в Жёлтой пустыне рассказы о диких людях. Таинственных пришельцев в Монголии называют «алмасами»; говорят, что они живут высоко в горах...

Геолог Витковский, старый учёный Джамбон со своим слугой, кинооператор Телятников и его сестра Граня, стремясь разгадать тайну, отправляются в Алмасские горы... Об удивительных приключениях, которые случились с ними, вы прочитаете в книге Михаила Розенфельда «Ущелье алмасов».

Не ищите Алмасских гор на карте: их выдумал автор... Однако, читая книгу, веришь, что всё описанное в ней происходит на самом деле. Правдивы описания Монголии, правдивы чувства отважных исследователей. Ни тяжёлые испытания, ни потеря близких не охлаждают их любознательности, их стремления довести дело до конца.

Эту страсть и упорство автор книги не раз наблюдал у наших учёных: ведь он был участником многих научных экспедиций. Да и сам он был одержим этой благородной страстью, — где только не побывал этот прирождённый журналист за свою недолгую жизнь!

Михаил Розенфельд был убит в 1942 году на Харьковском направлении, не закончив своих замыслов и не написав тех интересных повестей для ребят, какие он хотел написать.

Кончив читать увлекательную повесть об алмасах, вы невольно вздохнёте о том, что она коротка. И ещё больше пожалаете вы, что так рано прервалась жизнь её автора.

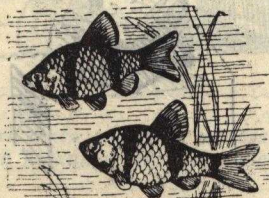
Ю. Савицкая

Юным рыбоведам

У каждого из вас, ребята, наверно, есть любимое занятие, которому вы посвящаете своё свободное время. Так вот, многие разводят в аквариуме рыб и наблюдают за их жизнью. А за стеклянными стенками маленького подводного мира происходит множество занятных и непонятных историй, о которых хочется немедленно кого-нибудь расспросить. Вот почему в редакцию часто приходят письма с такими вопросами: «Почему у меня стенки аквариума зарастают зеленью?», «Куда делись мои улитки? Вчера я посадила их в аквариум, а сегодня их нет», «Чем кормить скалярий?» — и, наконец, с совсем печальными: «Почему рыбки в аквариуме у меня не живут?», «Как мне вылечить моих рыбок?»

Хорошо, когда ты сразу найдёшь человека, который может дать тебе полезный и верный совет. А ещё лучше отыскать книгу, в которой есть ответы на все твои вопросы.

Хорошая книга вышла в Детгизе — «Подводный мир в комнате».

Автор этой книги, Фёдор Михайлович Полканов, давно занимается рыбами, с десяти лет. Он сам прошёл весь путь тревог и неудач начинающего любителя-аквариумиста, за многие годы узнал от своих друзей и из книг многое о жизни в аквариуме и обо всём подробно рассказал в своей книге.

Да, юные любители природы давно мечтали о такой книге: как часто, покупая в зоологических магазинах голубые аквариумы, сачки, водоросли и мечущихся в тесной банке рыб, они просили дать им ещё и какую-нибудь книжечку, в которой бы можно было подробно прочитать «всё про аквариум»!

Поэтому мы хотим, чтобы с книгой Ф. Полканова познакомились все ребята, у кого дома на окнах есть свой «подводный мир».

И не только они. Пусть эту книгу читают и те, кто ещё не завёл своего аквариума.

В. Серёжин

МОЙ ДОКЛАД

Доклад я готовил две с лишним недели.
Над этим докладом родные сидели,
Сидели в читальнях, в журналах искали,
Мы с мамой и папой тетрадь исписали.

И вот наступил долгожданный денёк,
Мне мама сказала: «Смотри же, сынок,
Не очень волнуйся, спокойно читай.
Как будто привык выступать, выступать».

Я к кафедре вышел. Раскрывши тетрадь,
Доклад свой уверенно начал читать.
Вот эти две строчки придуманы мною,
Вот эти четыре — моею сестрою,
Вот это словечко мне тётя нашла,
А этим — и бабушка вклад свой внесла.

Объёмистый труд я ребятам читаю,
Хотя я и сам в нём не всё понимаю.
Я кончил читать, но ребята молчали,
Как будто в докладе чего-то искали.

Чего же! Обдумав, скажу вам толково:
Простого, понятного школьнику слова.

Юра Белаковский, 7-й класс.
Литературный кружок Красногвардейского
Дома пионеров. Москва.

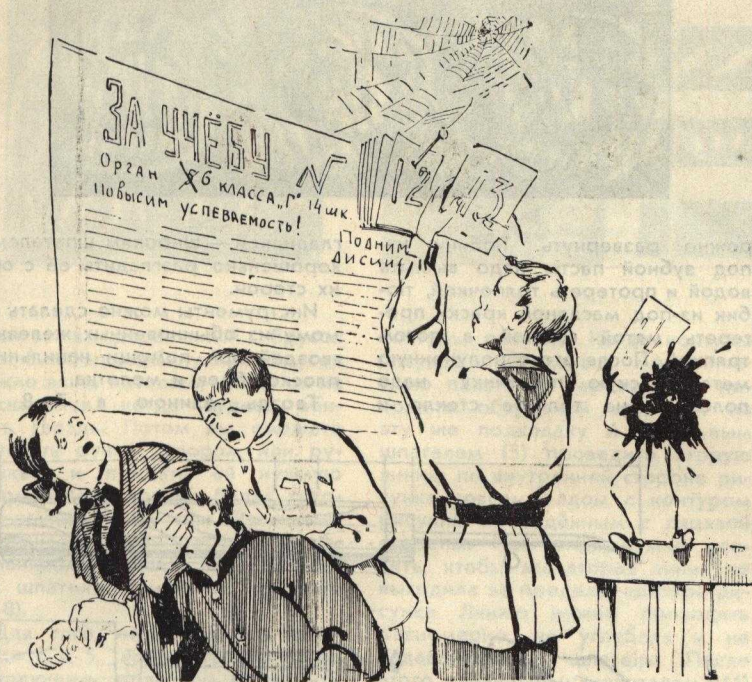
НАША СТЕНГАЗЕТА

В сентябрьской стенгазете
Писали очень длинно:
«Повысим успеваемость...
Поднимем дисциплину...»

В декабрьской стенгазете
Писали со старанием,
Предлинно и прескучно:
«Повысим... и подтянем...»

В последней стенгазете
Мы снова увидели:
«Подтянем и так далее...
Повысим и так далее...»

Проходит зимняя пора,
Сменяет зиму лето,
Но одинаково сера
Старушка-стенгазета.

ВЫХОД НАЙДЕН

«Вход ребятам воспрещён». Но Серёжа не смущён.
— Дайте нам один билет:
Нам с Володи́ей двадцать лет!

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Глеб Бедарев, Сергей Мухин и Лера Ямковская.

МЕТАЛЛОПЛАСТИКА

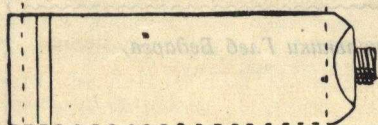
Прежде чем выяснять, что такое металлопластика, загляните на последнюю страницу обложки этого номера журнала. Вы увидите металлические пластинки, на которых выдавлены красивые и изящные узоры. Такими пластинками можно украсить рамку школьной стенгазеты и рамку для фотографий, шкафчик и этажерку в пионерской комнате или у себя дома, свой пенал и шкатулку или ящик для рукоделия. Можно сделать простую, строгую или замысловатую монограмму на альбоме или портфеле и много другого.

Выдавливание на металле иначе называется металлопластикой. Этому искусству нетрудно научиться, и сегодня мы расскажем вам о нём.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ЗАНЯТИЯ МЕТАЛЛОПЛАСТИКОЙ

Тонкие листы жести, латуни, красной или жёлтой меди, олова и нержавеющей стали толщиной 0,2—0,3 миллиметра. Если их не окажется у вас под рукой, можете использовать старые тюбики из-под зубной пасты, вазелина, крема или масляной краски.

Нужно только отрезать ножницами верхнюю и нижнюю части тюбиков, разрезать их по одному краю сверху донизу и осто-

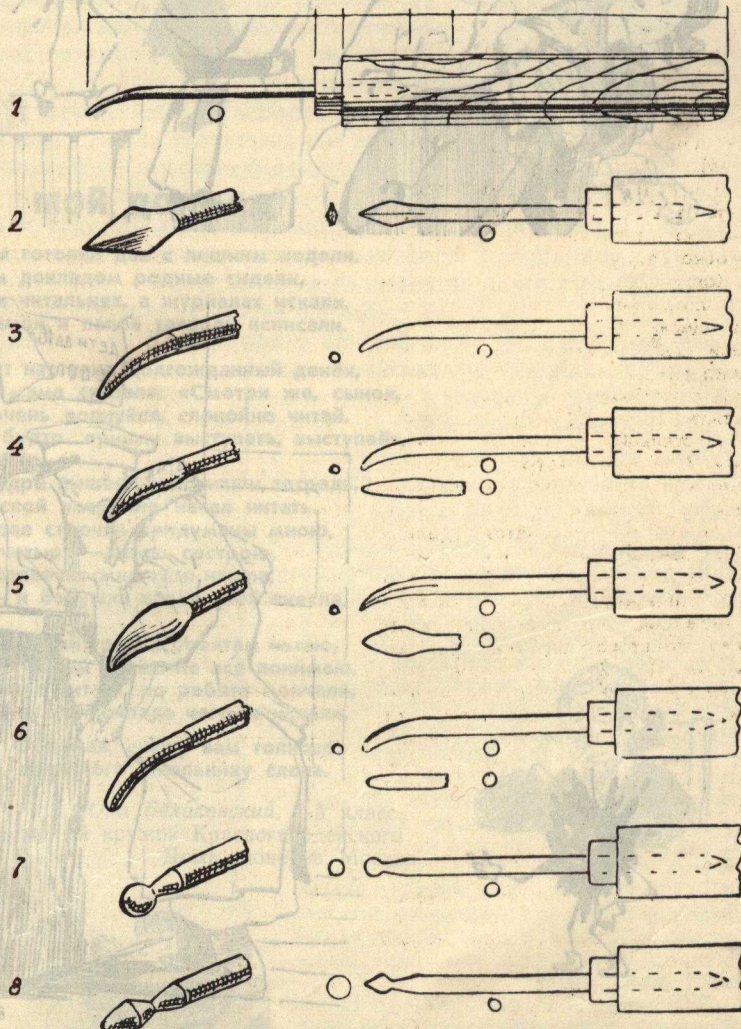

рожно развернуть. Тюбики из-под зубной пасты надо вымыть водой и протереть тряпочкой, тюбик из-под масляной краски протереть мягкой газетой, а потом тряпкой. После этого полученную металлическую пластинку надо положить на толстое стекло и

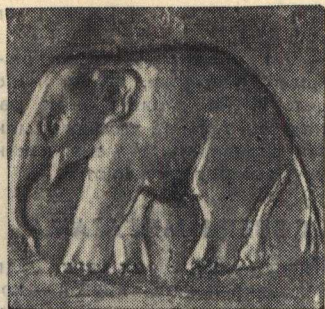
гладилкой — широким шпателем — хорошенько разгладить её с обеих сторон.

Инструменты можно сделать самому из обыкновенных железных гвоздей при помощи напильника, плоскогубцев и молотка.

Гвоздь длиною в 7—8 см

Полный набор шпателей: 1 — контурный линейник; 2 — формовальник, употребляется для оконтуривания и выявления чёткости контура; 3 — шпатель для выдавливания рисунка в узких промежутках; 4 — для выдавливания и выравнивания поверхности; 5 — для выглаживания большой поверхности внутри рисунка и вокруг него; 6 — для выдавливания выпуклостей и круглого желобка; 7 — для выдавливания выпуклостей; 8 — для расширения отверстий, сделанных пробойником.

вбейте в деревянный брусок (9 × 3 см) на глубину 3 см. Брусок нужно взять потолще, чтобы он не раскололся, когда будете вбивать гвоздь. Потом вы сможете обтесать ручку топором или рубанком и придать ей нужную форму. Когда ручка будет готова, напильником или кусачками отломите шляпку гвоздя и напильником придайте гвоздю форму шпателя (смотрите рисунки 1—8).

Для того, чтобы сделать шпатель 4 и 5, конец гвоздя надо расплющить молотком и выгнуть плоскогубцами.

Когда шпатель готов, его нужно шлифовать наждачной бумагой до блеска. Хорошо закалить шпатели для прочности: раскалить докрасна и быстро опустить в холодную воду или масло и дать остыть. Шпатели можно сделать и из стальной проволоки диаметром 3—4 миллиметра, они прочнее и лучше шпателей, сделанных из гвоздей.

Теперь вам остаётся сделать ещё три подкладки, на которых вы будете работать. Для этого вам понадобится лист толстого стекла, лист линолеума или гладкого толстого картона (размер листов 20 × 25 см), кусок войлока или сукна, бобрика, фланели. Материю в зависимости от её толщины сложите в несколько слоёв (2—4 слоя) и так, чтобы площадь подкладки была 20 × 25 см.

РИСУНКИ НА МЕТАЛЛЕ

Для начала нужно взять какой-либо несложный рисунок и перевести его через копировальную бумагу на металлическую пластинку, или нарисовать прямо на металле, или наложить рисунок на пластинку, которая лежит на листе линолеума или картона, и, держа шпатель (1), как карандаш, и слегка надавливая им, обвести

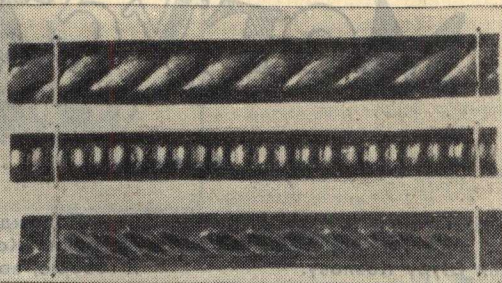
контуры рисунка. Когда контуры рисунка обведены, металлическую пластинку переверните, положите обратной стороной на эту же подкладку и давилым шпателем (3) проведите вторую линию по внутренней стороне рисунка совсем рядом с контуром рисунка, проведенным с лицевой стороны. При этом нужно следить, чтобы эта вторая линия не выходила за пределы контура рисунка. Линию нужно проводить равномерно, не углубляя и не надавливая на шпатель. После этого давилым шпателем (4) выдавливается вся площадь внутри контура рисунка. Сделав это, переворачивают металлическую пластинку на лицевую сторону и сглаживают шпателем (5) пластинку вокруг рисунка.

Если вы хотите, чтобы рисунок был рельефным, то положите металлическую пластинку на подкладку из войлока или фланели и на более глубокие места рельефа надавливайте с большей силой. Только не надо делать их очень выпуклыми (горельефом), так как можно прорвать металл.

Чтобы металлическая пластинка походила на старый металл, например, на старую бронзу, её покрывают масляной краской, умброй жжёной (коричневой краской) или зеленью (хромом зелёным). Дав краске немного просохнуть, слегка протирают работу и снимают краску на поверхности. В углублениях краска останется. Потом пластинку покрывают спиртовым лаком и дают просохнуть.

Рисунок можно сделать красивее и богаче, введя в него цвет. Например, глаза совы можно сделать из жёлтых камней или из кусочка жёлтой пластмассы, глаза рыб могут быть зелёными или красными, хвост павлина — голубым.

Делается это так: кусочек пластмассы нагревают и, положив его

на войлочную или фланелевую подкладку, надавливают шпателем с шариком. Пластмасса при нагревании размягчается, поэтому она изогнётся и примет выпуклую форму. После этого её обрезают ножницами на расстоянии 1 миллиметра от края выпуклости. Потом берут пробивальник и, ударяя по нему молотком, пробивают отверстие в металле с обратной стороны, предварительно положив пластинку на торец деревянной дощечки. Отверстие на 1 мм должно быть меньше кусочка пластмассы или камня. Камни вставляют с обратной стороны рисунка и приклеивают клеем БФ. Чтобы сделать рисунок более прочным, его заливают с обратной стороны воском, парафином, гипсом или цементом, предварительно смазав клеем БФ.

После этого рисунок аккуратно вырезают ножницами, оставляя вокруг небольшой рантик, чтобы можно было прибить маленькими гвоздями к дереву, или оставляют уголки, «язычки», для загиба по сторонам рисунка.

Чтобы прикрепить готовую работу к картону, надо сначала положить её на нужное место и наметить карандашом на картоне места уголков. Потом снять пластинку, перочинным ножом или шилом сделать отверстия и вдеть в них уголки. На обороте картона их загибают, намазав клеем БФ.

Но можно и не вырезать рисунок, а обработать шпателем или ударником окружающее его поле. Так, например, обработанная пластинка вокруг яблока. Ударник можно сделать самому из толстого гвоздя, опилённого под прямым углом. На срезе надо сделать напильником насечки разного рисунка: ёлочку, шашечки, пунктир или точки.

Г. Леонов,
художник-педагог.

МОГУСАМ

Н. Андреев

Когда кончились каникулы, Могусам ещё по дороге в школу догнал Шуру Козлову.

— Здравствуй! — сказал он.

— Здравствуй, Могусамчик! — обрадовалась Шура. — С Новым годом тебя, с новым счастьем! Как отдохнул?

— Я и не отдыхал, а работал. Машину одну конструировал.

— Ну! — удивилась Шура. — А что за машина?

— Да тут, понимаешь, целая история. Доехало тройки получить. Я в вычислениях путаю, ну вот и решил маленькую такую машину построить — карманный вычислитель для решения контрольных работ. Чтобы так: записал условие, сунул в машинку, нажал кнопку, а оттуда готовый ответ и решение. Удобно, правда?

— Ну и как? — с ехидцей спросила Шура. — Получается?

— Да в общем-то получается, только с деталями трудно. Счётчик я достал, от велосипеда. Моторчик мне обещали, а вот с мелочами плохо. А там, знаешь, сколько всего нужно: шестерёнки, гаечки, шайбочки, всякая ерунда...

— А по-моему, — перебила Шура, — всё это ерунда. Ничего у тебя не выйдет. Нельзя такую машину построить.

— А вот и можно. Давай на спор!

Маврикий Корнеевич выслушал обе стороны, подумал немного.

— Вообще-то, — сказал он, — такую машину, чтобы сама делала математические подсчёты, даже самые трудные, построить можно, и есть такие машины...

— Ага! — перебил Могусам. — Я что говорил?

— Подожди, — остановил его Маврикий Корнеевич, — не спеши. Я говорю, вообще можно. Но, во-первых, в карман ты такую машину не положишь, да, пожалуй, и с места не сдвинешь. А во-вторых, прежде чем построить такую машину, столько сложных расчётов придётся сделать, что тебе после них любая контрольная пустяком покажется.

— Ну вот, — сказала Шура, — так что брось ты пока это дело, а лучше придумай, как нам свет провести в аквариум. Я была у одних знакомых, у них лампочка прямо в воде. И рыбам тепло, и светло, и красиво...

— Это что, — сказал Могусам, — это не хитро.

— Ну вот и сделай, раз не хитро. И ещё скажи, ты, наверное, знаешь, как цепочку сделать? Пристал ко мне Юрка, братишка. Он модель какую-то построил, а цепь для якоря не знает, как сделать.

Могусам порылся в карманах, достал моточек медной проволоки, пару гвоздиков, нож и за минуту сделал Шуру красивую цепочку.

— Это декоративная, — сказал он. — А можно и прочную сделать. Вот так. — И Могусам сделал другую цепочку.

— Ну, ты просто мастер! — удивилась Шура. — А вот лыжную палку не знаешь, как починить? Треснула у меня палка, я завязала верёвочкой, а она сползает всё время, и трещина дальше идёт...

— А уж это проще простого. — Могусам достал из своего необычного кармана кружочек изоля-

ционной ленты и протянул его Шуру.

— Вот возьми, — сказал он. — Замотай покрепче, лучше новой будет. И не сползёт и не разматывается... А ты за это научи меня нитки скручивать. У меня, как ни кручу, всё раскручиваются.

СОВЕТЫ МОГУСАМА

Нитку скручивают так. Один конец закрепляют, другой — круто закручивают в одну сторону, потом сгибают нитку пополам (всё время растягивая её, не давая ей скрутиться), складывают концы вместе, а конец, получившийся на месте сгиба, крутят в сторону, противоположную той, в которую крутили нитку.

Цепочку делают так: на два гвоздика ряд к ряду вплотную наматывают спиралью проволоку.

Потом ножом или пилкой прорежут спираль сбоку. Получаются звенья. Их собирают, вставляя одно в другое.

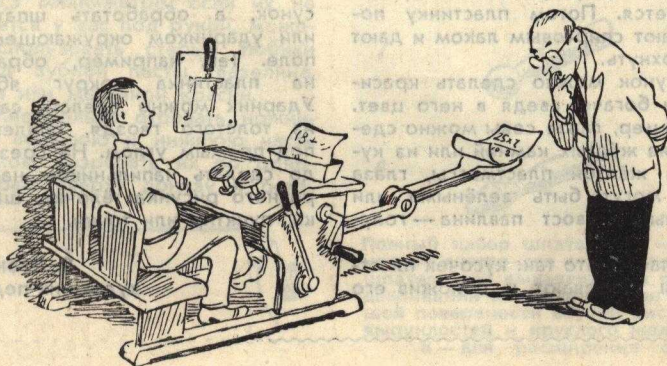
А чтобы цепочка была прочнее, нужно резать не всю спираль сразу, а отдельно каждое двойное звено.

ЗВЕНО ДЛЯ ПРОЧНОЙ ЦЕПОЧКИ

Звенья вставляют друг в друга, и получится очень прочная цепочка.

Свет в аквариуме. Возьмите кусочек телефонного провода в хлорвиниловой изоляции, оголите обе жилки и припаяйте к контактам небольшой электrolампы. Лампочку вместе с проводом поставьте (металлической частью вниз) в бумажный стаканчик из-под мороженого. Конец провода выведите через край стаканчика. Потом возьмите одну часть строительного цемента и две части хорошо промытого песка, разведите водой до густоты сметаны и, хорошо перемешав раствор, залейте им стаканчик до краёв. Через три дня, когда масса застынет, снимите бумажный стаканчик и, опустив лампу в аквариум, подключите конец провода к электросети.

В часы ДОСУГА

По местам исторических битв

Лев Успенский

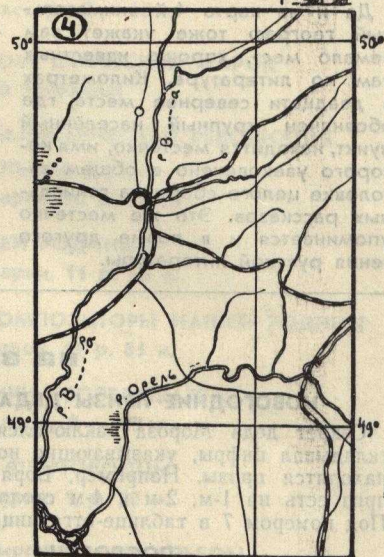
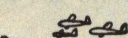
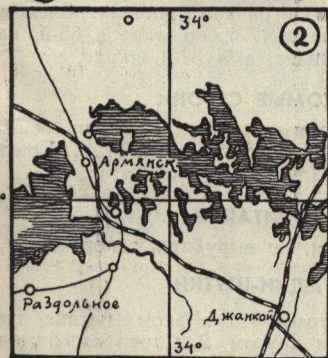
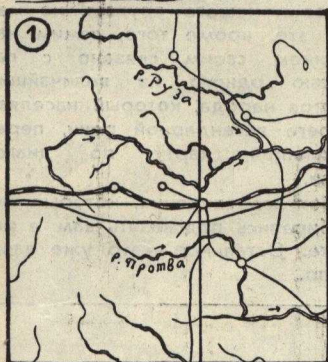
Каждый из нас должен знать места славных подвигов прошлого. Посмотрите эти карты. На них нанесены шесть мест, овеянных славой русского оружия. В глубокой древности и совсем недавно гремели здесь залпы. Прочтите наименования рек, городов, морей, нанесённых на карты. Примите в расчёт расстояния. Прикиньте данные координат, если широта и долгота обозначены. Вспомните как можно внимательнее в самые очертания местности, лежащей у вас перед глазами. И по всем этим признакам определите, что случилось тут когда-то и когда именно.

Что полезно иметь в виду при этой работе? У мест, представленных на картах 2-й и 3-й, двойная слава. Но в первом из этих случаев только четверть века отделяют одну боевую эпоху от другой; во втором же между обоими подвигами протекло в десять раз больше времени.

Обратите особое внимание на параллель, обозначенную на карте 3-й. Каждый километр той её части, которая лежит к востоку от нашей карты, — живая история русского военного прошлого.

Три грандиозных вторжения иноземцев разбились на холмистых полях карт 1-й, 4-й и 5-й. Три раза судьба Родины ложилась на чашу весов, и трижды русский народ решительным, могучим ударом отбивал нападение, меняя при этом не только жребий своей страны и страны противника, но и судьбы всего мира.

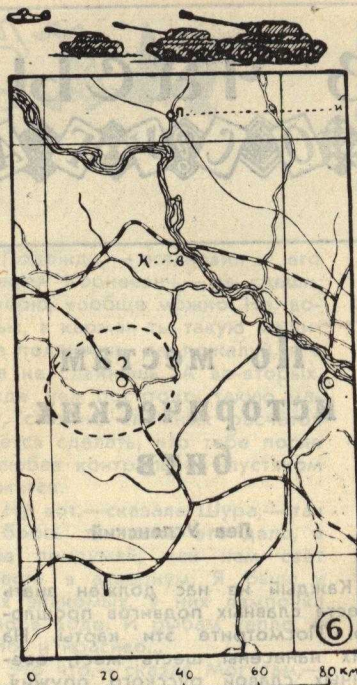
На карте нашей страны эти три «поля боя» расположены

так: 1 и 4 — лежат почти на одних и тех же долготах, хотя одно из этих полей боя и расположено на шесть с лишним градусов южнее другого. Овеянное славой древности 5-е поле находится на три градуса восточнее, примерно посередине между 1 и 4 если располагать их в порядке по широте.

Приглядитесь к нему. Это типичные «тургеневские» места: вот та самая Красивая Меча, с берегов которой, повидимому, происходил его Касьян («Записки охотника»). Самое сердце России...

Да и на карте 4-й внимательный географ тоже укажет вам немало мест, хорошо известных нам по литературе. Километрах в двадцати севернее места, где обозначен крупный населённый пункт, находится местечко, имя которого увековечено в общем заголовке целого сборника гениальных рассказов. Это же местечко упоминается и в поэме другого гения русской литературы.

Надо заметить: по всем этим трём местам прогремела канонада величайших боёв Великой Отечественной войны. Так что можно сказать, что эти места тоже имеют «двойную» славу.

Обособленно стоит в этом смысле последнее памятное место. Событие, разыгравшееся в нём, относится к недавнему времени, и ничего равного ему по мощи и значению в прошлом, пожалуй, для этого пункта карты не удастся подыскать.

Вопросительный знак указывает и тут на место, славное в истории нашего оружия, но место это, кроме того, самим названием своим связано с памятью одного из величайших поэтов народа, который населяет берега легендарной реки, пересекающей карту по диагонали.

Вот все сведения, которые мы собирались подсказать вам в работе. Остальное — это уже ваше дело.

ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в № 1

НОВОГОДНИЕ ПРИЗЫ ДЕДА МОРОЗА

Секрет деда Мороза заключался в том, что он складывал цифры, указывающие номера столов, где найдутся призы. Например, Боря сказал, что его приз есть на 1-м, 2-м и 4-м столах. $1 + 2 + 4 = 7$. Под номером 7 в таблице-отгадочке стоят шахматы.

ПОСЛОВИЦА

Руки поборют одного, знание — тысячу.

КТО ГДЕ УЧИТСЯ

Аня, Петя и Оля не учатся в 65-й школе, так как были приглашены туда как гости.

Коля учится вместе с Петей, так как состоит с ним в одной школьной команде; таким образом, он тоже не учится в 65-й школе.

Из условий задачи видно, что Катя и Вася учатся в одной школе.

Вася учится или в 17-й или в 65-й школе, между которыми проводился шахматный турнир. Однако если предположить, что он учится в 17-й школе, то тогда в 17-й же школе учится и Катя, а следовательно, в 65-й школе никто из шестерых ребят не учится, что противоречит условиям задачи. Значит, Вася и Катя учатся в 65-й школе.

Оля училась раньше в 32-й школе, но мы уже знаем, что сейчас она учится не в 65-й. Следовательно, она учится в 17-й. По условиям задачи, она учит-

ся вместе с Петей, значит, Петя, а следовательно, и Коля тоже учатся в 17-й школе.

Коля и Аня учатся в разных школах: Следовательно, Аня учится не в 17-й, но и не в 65-й, как было установлено раньше, а в 32-й школе.

ЗНАКОМЫЕ СТРОКИ

По порядку накрывая четыре раза фигуру решёткой, вы прочтёте первые строки басни И. А. Крылова «Слон и Моська».

ПРОЧИТАЙТЕ

Что написано пером, не вырубишь топором.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В феврале, потому что в этом месяце дней меньше, чем в любом другом.
2. Слово «азбука».
3. Среда. В названии этого дня недели только пять букв.
4. Буква «Ц».

ОТ СЛОВА К СЛОВУ

РУКА-лука-луза-лоза-роза-рота-нота-НОГА.
ВОЛК-полк-пола-поза-КОЗА.

А НУ-КА, ПОДУМАЙ!

Дон, Дунай, Кама, Кума, Майн, Ока, По и другие менее известные реки.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 00325.

Подписано к печати 24/1 1956 г.

Тираж 300 000 экз.

Изд. № 91.

Заказ № 3553.

Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГОВ ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

200 СОВЕТСКИХ МАРОК 200 для коллекции

в пяти классах — А, Б, В, Г и Д.

Каждый класс содержит 40 многокрасочных марок.

Все 200 марок разные.

Все пять классов стоят 43 руб.

Цена каждого класса 8 р. 60 к.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ СОВЕТСКИХ МАРОК (в альбомных тетрадах)

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

В коллекции 31 марка. 10 р. 10 к.

УЧЕНЫЕ НАШЕЙ РОДИНЫ

В коллекции 33 марки. 11 р. 90 к.

ХУДОЖНИКИ, АРХИТЕКТОРЫ И КОМПОЗИТОРЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

В коллекции 27 марок. 11 р. 85 к.

НАШИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В коллекции 19 марок. 8 р. 73 к.

ПОЛКОВОДЦЫ И ФЛОТОВОДЦЫ

В коллекции 24 марки. 9 р. 50 к.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМ для марок Польской Народной Республики на мелованной бумаге. Цена 25 руб.

62 марки для коллекций

НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

(в классе). Цена 9 р. 20 к.

И. И. ДАЙХЕС. Рассказ о советской почтовой марке.

Цена 2 р. 70 к.

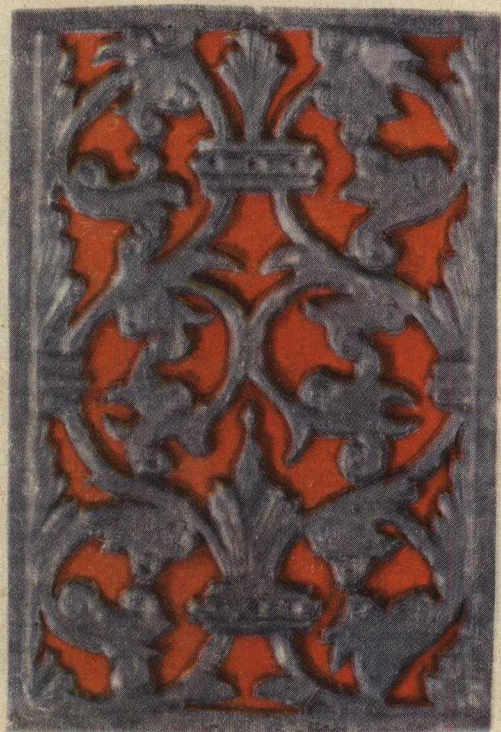
Брошюры, марки и пособия высылают по почте наложенным платежом следующие магазины:

№ 63 — Москниготорга — Москва К-31,
Кузнецкий мост, 20. № 44 — Ленкниготорга —
Ленинград 25, Невский проспект, 78.

Филателистическая контора.

Цена 2 р. 50 к.

О том, как сделать эти украшения, вы можете узнать в «Мастерской «Золотые руки» на странице 76.